

КАВКАЗСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЛИМП

Т.Е. Эфендиева
С.И. Эфендиев

Кайсын Шуваевич
КУЛИЕВ

БИОГРАФИЯ
ПОЭТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
1917
1959

К восьмидесятилетию со дня рождения
народного поэта Кабардино-Балкарии
КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев

Кайсын Шуваевич
КУЛИЕВ

БИОГРАФИЯ
ПОЭТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
1917—1958

НАЛЬЧИК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЭЛЬ-ФА»
1997

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА
«НАРОДЫ РОССИИ: ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ»

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

академик Международной тюркской академии, заслуженный
деятель науки КБР, доктор филологических наук, профес-
сор **И. Х. АХМАТОВ**

член Президентского Совета Российской Федерации по языку
и литературе, доктор филологических наук, профессор
А. Х. МУСУКАЕВА

Э $\frac{4803100500-044}{M125(03)-97}$ 64-97

ISBN 5-7680-1230-3

© Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев, 1997
© М. М. Горлов, оформление, 1997

ОТ АВТОРОВ

Первая часть биографии Кайсына Шуваевича Кулиева была закончена в 1986 году. В это время я была в Москве на курсах повышения квалификации при МГУ. Пользуясь возможностью поговорить с теми, кто лично знал Кайсына, я решила «пройтись» по кайсыновским, вернее кулиевским, местам столицы нашей Родины и поговорить с его друзьями, знакомыми, проверить некоторые факты, пополнить личный архив, который мы собирали в течение многих лет всей семьей.

Это был апрель — май 1986 года. Первым я посетила Правление Союза писателей. «Здесь очень часто бывал Кайсын», — говорила Варвара Архиповна Астахова. Она многое вспомнила и рассказала мне о Кулиеве. К ее воспоминаниям добавила свои и Нина Васильевна Боровская. Вторым учреждением было издательство ССП — «Советский писатель». Здесь впервые вышла книга стихов Кулиева «Горы» в 1957 году. Александр Михайлович Банкетов, заведующий отделом критики, и Арнольд Освельдович Таам, заведующий отделом прозы литератур народов СССР, тоже поделились своими воспоминаниями о поэте. Они много лет знали его, им было что рассказать!

Алим Пшемахович Кешоков тогда работал секретарем в Литфонде СССР. Встретил он меня радушно и, узнав, что я из Нальчика, стал расспрашивать обо всем. Помню, его поразила скоропостижная смерть дочери Али Шогенцукова.

— Как, Елена Алиевна?! Не может этого быть! Ведь она так молода! Ей еще жить да жить! Пятьдесят лет!

В тот день Алим Кешоков больше меня расспрашивал, чем говорил сам. Особенно он интересовался: нашла ли я в архивах его письма к Кулиеву 1946 года и его ходатайства за поэта перед Министерством госбезопасности и особым отделом КГБ? «Возглавлял их тогда Бзнава, — рассказывал он. — Что сохранилось в архиве? Нашли что-нибудь?»

Это была моя первая встреча с известным кабардинским писателем, другом Кайсына Кулиева, хотя его произведения в прозе, стихи я знала давно, знала все, что так или иначе было связано с именем Кулиева.

7 мая 1986 года я была на улице М. Горького. Меня интересовал Центральный Дом актера, где еще в 30-е годы шли дипломные спектакли актерского факультета ГИТИСа, и Кулиев, будучи студентом этого вуза, посещал их. В отделах актерского и ритмического искусства нашлись люди, которые знали балкарского поэта и помнили его. О Доме актера интересную книгу написал А. М. Эскин — «Наш дом».

17 мая 1986 года встретила с женой поэта Дмитрия Кедрина Людмилой Ивановной. Жила она тогда на улице Красноармейской, 23, кв. 79. Помню, она любезно объясняла мне по телефону, как проехать к ней и найти их дом, где не раз бывал Кулиев. Долгие годы он дружил с семьей Кедриных, оставил им свои книги с автографами и добрыми словами. Вот что записала Людмила Ивановна своей рукой в моем дневнике:

«Сегодня ко мне приехала Тамара Эфендиева из Нальчика. Она приехала узнать о Кайсыне Кулиеве, его дружбе с моим мужем — Дмитрием Кедриним. Тамара Емельяновна показала мне свои книги о Кайсыне Шуваевиче, диссертацию о нем, которая называется: «Творчество Кайсына Кулиева». Еще в 1982 году Т. Е. Эфендиева защитилась в Баку.

Мы много говорили о замечательном поэте К. Ш. Кулиеве, о его невольной жизни во Фрунзе, потом в подмосковном селе Черкизове, в котором мы жили тогда. О стихах, посвященных Дмитрием Борисовичем своему другу Кайсыну Кулиеву.

Их священная память никогда не изгладится, не уйдет из моего сердца.

Людмила Кедрина.

Москва, 17 мая, суббота, 1986 г.».

18 мая 1986 года беседовала с соседкой Вениамина Цезаревича Гоффеншефера, которая семнадцать лет прожила в одной коммунальной квартире с этим известным литературоведом и военным корреспондентом. Кулиев лично знал его, долгие годы переписывался с ним. Полина Израилевна рассказала о смерти В. Ц. Гоффеншефера, о дружбе Кулиева с ним. «...Сейчас я живу в его комнатах, так как после его смерти сестра жены обменялась с нами. Он много и хорошо всегда отзывался о поэзии Кайсына Кулиева, которого я тоже очень люблю, очень ценю и всегда читаю с удовольствием», — записала Полина в моей тетради и просила писать ей по адресу: Москва, Лаврушинский переулок, 17, кв. 48. Все архивные материалы хранятся, по ее мнению, в ЦГАЛИ СССР.

28 мая, в среду, поехала в Перedelкино, чтобы найти дачу Н. С. Тихонова, где жила его приемная дочь Варвара Николаевна

Тихонова, наследница архивных материалов своего отца. Вот и ул. М. Горького, дом № 1, где в последние годы жил и умер известный советский поэт. В этом доме много раз бывал Кайсын Кулиев со своими друзьями. Она разрешила мне (подписав свое обращение к дирекции ЦГАЛИ СССР на имя Сиротинской И. П.) пользоваться фондом Н. С. Тихонова, в частности письмами Кулиева к Н. С. Тихонову от 24 июня и 3 декабря 1948 года. Долго беседовали со мной и устроили экскурсию по всему дому (где сидел Кулиев с Тихоновым, где бывали их застолья, где фотографировались и т. д.) два человека — домоуправительница (так она представилась) Александра Михайловна Родикова и Юрий Александрович Арапов, родственник жены Тихонова — Марии Константиновны. Своей рукой они записали воспоминания о Кайсыне Кулиеве. «Кайсын Кулиев был очень веселый человек; у Тихоновых он бывал дорогим гостем. Бывал со своими мальчиками — сыновьями. Дружба Кулиева с домом Тихонова была хорошей. Я его угощала. Родикова А. М.». По всему было видно, что эти два простых человека были рады общению со мной и много рассказали интересного из жизни семьи Тихоновых и ее взаимоотношениях с Кулиевым.

Архивным фондом Константина Симонова в то время распоряжалась его родная дочь Екатерина Константиновна по завещанию своей матери. Без разрешения Е. К. Симоновой в ЦГАЛИ СССР нельзя было познакомиться с фондом Симонова. Меня интересовало одно письмо Кулиева к нему и ответ на него Симонова. Это было в 1947 году, когда Кулиев находился в ссылке.

Екатерина Константиновна Симонова тоже в это время жила на даче отца в Переделкино. Она разрешила мне посмотреть содержание письма Кулиева и письмо К. Симонова от 11 июля 1947 года секретарю ССП СССР Льву Матвеевичу Субоцкому, в котором говорилось о К. Ш. Кулиеве.

В ЦГАЛИ СССР тогда был, вероятно и сейчас хранится, архив известного советского поэта Ильи Львовича Сельвинского (1899—1966), с которым переписывался К. Ш. Кулиев, будучи в Средней Азии в конце сороковых годов. Фондом отца распоряжалась приемная дочь Сельвинского — Цицилия Александровна Воскресенская-Сельвинская. Она и рассказала о дружбе Кайсына Кулиева с ее отцом. Жила она в 1986 году в том же доме 17 по Лаврушенскому переулку, что и В. Ц. Гоффеншефер. По профессии она была актрисой.

Большую помощь авторам данной книги оказали Евгений Борисович, сын Бориса Пастернака, и его жена Елена Владимировна. Я посетила эту семью 30 августа 1986 года перед отъездом из Москвы в Нальчик. На руках у меня был билет, до отхода поезда оставалось

часа два. Жили они недалеко от метро «Проспект Маркса», по ул. Пушкинской, в доме № 20/5, в той же просторной квартире, в которой жил их прославленный отец — Борис Леонидович Пастернак. Зная, что мне надо торопиться на Курский вокзал, Елена Дмитриевна отдала мне все копии писем Бориса Пастернака к Кулиеву и попросила вернуть, как только я перепечатаю их у себя дома. Письма я и выслала ей в сентябре этого же года. Перед отъездом она просила, если удастся, опубликовать их в Нальчике. «Здесь трудно это сделать, — говорила она. — Пастернак находится все еще под запретом». И в Нальчике мы тоже жили под прессом идеологического диктата, но, пользуясь тем, что приближалось 70-летие со дня рождения К. Ш. Кулиева, я отдала свою большую статью об этой переписке «Очень люблю Вас и верю в Вас...» в редакции двух республиканских газет — «Кабардино-Балкарской правды» и «Коммунизме жол» (на балкарском яз.). Спасибо им! (КПБ. 1987. 22 и 24 октября). А еще раньше этой публикации письма Бориса Пастернака к Кулиеву прозвучали в эфире по республиканскому радио и в «Зорях Кавказа» (был тогда этот радиовещательный канал).

Многое сделали по сбору материала по биографии К. Ш. Кулиева мой соавтор проф. Эфендиев С. И. и наш сын кандидат философских наук Эфендиев Ф. С. Они беседовали с родственниками, близкими знакомыми Кайсына Кулиева, уточняя факты, фамилии, имена, события, связанные с жизнью поэта, читали рукопись сестре К. Ш. Кулиева — Марзият Шимаховне Узденовой, проживавшей в с. Бабугент, говорили с племянниками Сагидом и Исмаилом Кулиевыми, Сафарбием Кудаевым и Магомедом Малкаровым, племянницами Аллой Атабиевой и Фатимой Кулиевой. Много интересного о жизни поэта рассказали его современники: писатели и поэты Жанакант Залиханов, Алим Кешоков, Давид Кугультинов, Адам Шогенцуков, Наби Хазри, Мирза Ибрагимов, Мустай Карим, Михаил Дудин, Нафи Джусойты, В. Рустам-заде, Ахмат Созаев, Чингиз Айтматов, сосед Кулиева, бывший главврач республиканской больницы г. Нальчика Бетал Тлапшоков, профессора Левон Мкртчян (Ереван), Ф. Ф. Касимзаде (Баку), Ахед Г. Агаев (Махачкала), И. Х. Ахматов (Нальчик), народный артист РСФСР Магомед Кучуков, заслуженная артистка КБР Шарифа Кучмезова, с ней поэт впервые играл на сцене театра ГИТИСа, исполняя роль Фрондозо в спектакле «Фуэнто Овехуно», школьный друг Кайсына — Ахмадия Шаваев, писательница Миналдан Шаваева, заслуженный артист КБР Ибрагим Маммеев.

Особенно благодарят авторы книги жену поэта Элизат Кулиеву, предоставившую для второго тома телеграммы, письма, фотографии из личного архива.

С. И. Эфендиев и Ф. С. Эфендиев ездили по селам Чегем I, Ниж-

ний Чегем, Верхний Чегем, Хушто-Сырт, Булунгу, Бабугент, Безенги и собирали материалы о поэте у людей старшего поколения, которые лично знали Кулиева.

Большой биографический материал о жизни поэта хранится в ЦГА КБР, первыми которым воспользовались с личного разрешения самого поэта авторы данных книг. Впервые нами в научный оборот был введен архивный материал по творчеству и биографии К. Ш. Кулиева.

Авторы этих книг выражают глубокую благодарность всем, кто помогал и способствовал их работе.

**Тамара ЭФЕНДИЕВА,
Салих ЭФЕНДИЕВ**

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Я знаю вкус меда и соли твоей,
Земля моя дорогая...

К. Кулиев

айсын Кулиев родился 1 ноября 1917 года в семье горца в старой сакле-крепости в балкарском ауле Верхний Чегем.

Я в том ауле был рожден, когда
Шесть дней до революции осталось.
Где горек хлеб и тяжела беда,—
Шесть дней в том мире мне прожить досталось.

Перевел М. Дудин

Этот старинный аул Эль-Тюбю располагался в красивой местности в верховьях сурового Чегемского ущелья. Этот аул, по меткому выражению М. Дудина, волею судеб и человеческого упорства закинутый на уступ Кавказского хребта, окруженный вечно белыми зубцами задумчивых вершин, был родиной Кайсына.

Наш дом лепился у Чегемских скал.
Их солнце одевало в позолоту,
Их свет луны таинственный ласкал,
И уходили горцы на охоту.

Перевел М. Дудин

Славится этот край белоснежными горными вершинами и живописной Чегемской долиной. Окружающая аул природа радуется всех, кто сюда приезжает. Со всех сторон Верхний Чегем обступают высокие горы и скалы. Ниже аула с юга на север течет река Чегем, с запада на восток с гор Илькарги бежит небольшая холодная речка Жилги — приток Чегема. Этот любимый с детства родной край Кулиева с яркими картинками детства и юности, кавказский пейзаж со своими звуками и запахами найдут отзвук в

поэтическом слове. «Знаешь, почему я поэт? — спрашивал когда-то Сергей Есенин. — У меня — родина есть! У меня — Рязань! Я вышел оттуда, и какой ни есть, а приду туда же! Хочешь добрый совет получить? Ищи Родину!»

Для Кайсына Кулиева таким дорогим уголком земли является Верхний Чегем. Впоследствии он воспел окружающий его с детства прекрасный мир — Чегемское ущелье, склоны, заросшие кизилом и карагачом, звонкую речку Жилги, несущуюся с древних гор Илькарги, разноцветные нагромождения выступов скал и парящего над ними орла, старинные башни, горные луга в цвету и лунный свет над ночной саклей. Окружающий мир очаровал поэта, и он обессмертил его силой своего поэтического дара:

Прекрасно все в краю суровом,
куда бы ты ни кинул взгляд:
Баксан, катящий волны с ревом,
и звезды, что над ним горят.

Перевел М. Ерёмин

Род Кулиевых — известный древний род. Самой старой сакле Кулиевых — девятьсот лет. Так утверждают специалисты. Закопченные стены и свод, потемневшие от гари и дыма рогатины в потолке, на которых прежде вялилось мясо; вместо окон треугольные слепые отверстия в сосновом венце под крышей; остывшая теперь зола очага...¹

Его предки были узденами, то есть свободными горцами: они ни на кого не батрачили, никому не подчинялись и на них никто не работал. Жили они своим трудом: охотились в горах, содержали скот, занимались немудреным сельским хозяйством, выращивая на каменистой почве свой небогатый урожай. Родичи по линии отца славились своим удальством, смелостью и храбростью. Кулиев гордился своим дедом Хаджиби, одним из лучших охотников, метким стрелком и ловким наездником. В семье Хаджиби почиталось мужество, честь и умение искусно владеть оружием.

Отец поэта Шува, как и дед Хаджиби, стал охотником и скотоводом. Вместе с братьями, а их было трое — старший Отчай, средний Дока и младший Ахман, он построил на зеленом склоне саклю у подножия высоких скал, в неко-

¹ Кабардино-Балкарская правда. 1977. 27 октября.

тором отдалении от аула Нижний Жуунгу. Это была усадьба братьев Кулиевых, и представляла она собой замкнутый ансамбль с единым двором и воротами. «В одной из дедовских саклей, что возле ворот, сохранилась даже башня с бойницей», — писал поэт, видимо с явным интересом к старине, и тут же объяснял значение этих сооружений. Врагов у жителей гор было достаточно, и жизнь их «вынуждала быть не только пахарями и пастухами, но и воинами одновременно». Сюда и привезли мать будущего поэта — Узеирхан из ближнего аула Верхний Жуунгу по узкой тропинке Чегемского ущелья, по которой только могли пройти мулы и лошади. Выдали ее замуж за вдовца, у которого от первой жены Алтын остались четыре сына — Осман, Али, Аубекир и самый младший Муса — и две дочери — Гёшепез (Гуашеабез) и Кани. Семнадцатилетняя Узеирхан (ласково ее называли Ужей), по словам подруг, была красивой, необычайно доброй, веселой и первой гармонисткой. Как невеста, она была на примете у многих. Но случилось несчастье с ее двоюродной сестрой Алтын, женой Кулиева Шувы, и остались сиротами шестеро детей. В чьи попадут они руки, кто обласкает и пригреет их, кто станет им не мачехой, а настоящей матерью? Выбор родственников Шувы пал на Узеирхан. Ее уговорили, и девушка-горянка, покорная своей судьбе, должна была подчиниться воле старших. Так и стала Узеирхан сразу многодетной матерью. Вскоре к шестерым детям прибавилось еще двое: девочка, которую называли Мариям (1916—1982) и мальчик, которого называли друзья Шувы в честь дальнего родственника Кулиевых — Кайсыном (1917—1985).

Семья Узеирхан росла: восемь душ детей и двое взрослых. Нелегко было ей, молодой двадцатилетней женщине. Все заботы по дому легли на ее плечи, и она умело, терпеливо сносила все трудности, работая по дому и в огороде с утра до позднего вечера. Помогала молодой желин (снохе) по хозяйству и в воспитании детей родная сестра Налжюс. Она была замужем за средним братом Шувы — Кулиевым Докой. Семья была и у самой немаленькая: сын Чюппе был непоседливым, трудным ребенком, которому часто попадало от матери. Особой сердечностью она не одарила малыша, уж очень была занята по дому. Если бы тогда знала Налжюс, что ее единственный сын погибнет в первые годы Великой Отечественной войны, защищая

Родина! Было у Налжюс и трое дочерей: старшая Кани-тат, средняя Фатима и младшая Натифа, ровесница Кайсына Кулиева.

Родные сестры Узеирхан и Налжюс очень любили друг друга. Обе сакли, стоящие рядом и соединенные общим коридором, были гостеприимными, населенными дружными, трудолюбивыми людьми и веселой детворой. Узеирхан была счастливой матерью и женой. Свою нелегкую судьбу она принимала без колебаний и сомнений, особенно тогда, когда это касалось детей. «У них должна быть мать!» — любила повторять она. Отрадно было и то, что Узеирхан и Шува жили дружно, заботились друг о друге, жалели одинаково родных и неродных детей. Да такого деления у них и не возникало. По словам Узеирхан, ее муж Шува был волевым и мужественным человеком, не боялся никаких трудностей, был очень трудолюбивым, как говорят — мастером на все руки, и старался привить эти качества детям — Осману, Али, Мусе и Кайсыну.

Отца Кулиев не знал и не помнил. Он представлял его только по рассказам матери и родственников. Шува умер от тифа в 1919 году, когда Кайсыну было два года. «Я никогда не видел его фотографии. Их у него не было, — писал поэт. — ...Когда умер отец, мы с сестрой, которая старше меня года на три, остались с матерью. Понятно, как нелегка была наша жизнь. Мать вечерами часто плакала, сидя с нами у очага»². Своего отца, как и многих близких — мать, сестру, жену, Кулиев воспел в «Стихах, сказанных зимним вечером» (1962). Внешний облик отца похож на многих горцев в дни праздника:

Портрет отца в черкеске белой на стене.
Он строен и высок, при нем кинжал старинный.
Ему усов уже не покрутить, но мне
Он будто говорит: «Кулиев, будь мужчиной!»

Мне кажется: вот-вот он выбежит на круг,
Запляшет, как плясал на свадьбах в дни веселья,
А видно, что плясал он лихо! Сотни рук
Ему стучали в лад, и пели с ним ущелья!

Дальше уже о том, что было присуще его характеру, его нравственным и моральным принципам:

---

² Кулиев К. Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 434—435.

Я верю: брал легко он трудный перевал,
Бросался он в огонь, в бушующую воду.
Я верю: он с врагом как нужно воевал
За правду, за людей, за честную свободу.

Перевел С. Липкин

Большое влияние на детей оказывала мать. Происходила она из рода Бечеловых, которые жили и в Актопраке, и в Эль-Тюбю. Поэт гордился своими родичами со стороны матери и любил их. «Бечеловы люди спокойные, не в пример Кулиевым — горячим наездникам и метким стрелкам, — говорил о них поэт. — Бечеловы в большинстве своем были настоящие люди. Стада их паслись на зеленых пастбищах над аулом, где летним днем по нагретой солнцем траве скользили тени облаков и орлов»³.

Маленький Кайсын любил бывать у родственников своей матери. Бечеловы всегда вызывали в нем чувства уважения и детского восхищения, и он с удовольствием играл целыми днями со своими двоюродными братьями Азретом и Чуккаем Элекуевыми⁴. Чуккая чаще называли тогда Зулкарнием. Это были сыновья Салимат, старшей сестры Узеирхан. Азрет (1918—1993) был почти ровесником Кайсына, а Чуккай-Зулкарний был старше их на шесть лет, однако разница в возрасте почти не замечалась, так были дружны между собой дети. Играли они в «красных» и «белых», как все дети их возраста того времени. Детям не нравилось, когда в их играх принимал участие старший брат Жумаку⁵. Он был их старше на десять лет, да ему и редко выпадало свободное время, так как он помогал отцу и матери по хозяйству, присматривал за сестренками Жюзюм, Жамилят, Кундуз, Зайнаф и Кезибан.

Особенно любил Кайсын бывать в ауле Актопрак, что в переводе на русский язык означает «Белая глина» (теперь этого села нет). Это небольшое селение, насчитывавшее около десятка дворов, располагалось недалеко от Эль-Тюбю, и, чтобы попасть в него, надо было немного спуститься по затерянной среди нагретых солнцем камней

³ Там же. С. 432.

⁴ Чуккай Элекуев погибнет на фронте в годы Великой Отечественной войны. Азрет вернется с фронта, будет со своим народом в Средней Азии. Последние годы проведет в селе Яникой, где и будет похоронен.

⁵ Жумаку Элекуев уйдет в 1942 году добровольцем на фронт, не вернется. Его запишут в число пропавших без вести.

и скал тропинке. Громоздившиеся разноцветные скалы и белые вершины гор всегда привлекали взор Кайсына: там начинались безраздельные владения орлов и туров. Отсюда хорошо были видны ворота горного мира Башиллик и Каратау, виднелась и вершина горы Тихтенген, у подножия которой будет располагаться альплагерь, а потом турбаза, но тогда этого еще ничего не было, а были лишь скалы, горы и сверкающие белизной вершины, как символы вечности и прочности бытия. В ауле Актопрак жил его любимый друг детства Клычби Бечелов. Его отец, Якуб Бечелов, простой и приветливый горец, положил детям на большом склоне тяжелый камень «кьолташ», самый необходимый предмет старинной игры. Здесь они с ватагой своих ровесников могли провести целый день, и всегда ласковая, заботливая мать Кани Байкеловна (девичья фамилия Болуева) не всегда могла дозваться закадычных друзей обедать. А если они и приходили, то наспех съедали горячие, обжигающие лепешки и другое нехитрое угощение: сыр, миску мамалыги, сушеное мясо, а чурек они уносили с собой: мало ли что, пригодится!

Иногда они поднимались чуть выше аулов Актопрак и Эль-Тюбю. Оттуда попадали в Булунгу или шли в Верхний Чегем — к родственникам по линии отца и матери. Из отцовской родни Кайсыну нравилась семья дяди Османа Жюнюсовича Кулиева. Тот был женат на Сайхат Хаджимусовне Кожашевой (1905—1988), родом из аула Думала, которую без согласия родителей «украли» семнадцатилетней. Кожашевы не мирились с Кулиевыми целый год, особенно был против этого брака старший брат Сайхат Хаджимусовны — Чепеллеу Кожашев. Он даже пытался «выкрасть» обратно сестру, устраивал драки, грозился отобрать ее у Кулиевых, но, к счастью, вопреки всему брак оказался удачным. Сайхат привязалась к мужу. Несмотря на то что он погиб в 1937 году и она была еще молодой двадцатилетней женщиной, она осталась верна ему на всю жизнь. В 1928 году у них родилась дочь Джансурат (Кёкез) и потом появились два мальчика — Сагид и Мухтар. Сагид Османович Кулиев (1930 г. р.) и Мухтар Османович Кулиев (1936 г. р.), племянники Кайсына Кулиева, всегда были привязаны к своему дяде. Сагид Османович до последней минуты жизни находился у постели тяжело умирающего поэта Кайсына Кулиева. Но об этом — далее.

Тогда, в конце двадцатых — начале тридцатых годов, мо-

лодые супруги Осман и Сайхат были очень привязаны к маленькому Кайсыну Кулиеву. Сайхат Хаджимусовна вспоминала: «Кайсынчик приходил к нам часто, и тогда, когда ему было лет пять-шесть, и тогда, когда он стал большим — учился в школе и техникуме. У меня вначале не было детей, и я была всегда рада ему. Мы с ним отправлялись к моей маме — Зурум Мимулатовне Гемуевой (девичья фамилия)». Жила она там же, в Думале, и всегда была рада приходу дочери и внучонку, как ласково называла Зурум племянника мужа своей любимой дочери, которой столько пришлось пережить из-за пустяковой вражды двух родов — Кулиевых и Кожашевых. Добрая старушка ставила на стол самые лучшие угощения, и пока дочь убирала по дому, помогая старенькой матери, Зурум расспрашивала Кайсына, как поживает его мама Ужей (Узеирхан), чем занимаются Али, Аубекир, Осман, Гуашеабез и Кани. Кайсын отвечал насмешливо о своих братьях и сестрах, без всякого интереса и просил рассказать сказку, одну из тех, у которых, как водится, нет конца. «Помнишь, бабушка, ты мне до конца не рассказала и обещала сделать это в другой раз? Вот мы и пришли с Сайхат. Говори, говори, ана», — просил Кайсын, и когда начинала досказывать сказку Зурум, то не было более внимательного у нее слушателя, чем этот живой и любознательный мальчик.

Часто Кайсын со своими друзьями Клычби Бечеловым, Шакманом Жарашуевым, Ибрагимом и Мусой Малкаровыми поднимались на пастбища, ловили лошадей и учились скакать на них без седла. В этом особенно преуспевали двоюродные братья поэта по линии старшего брата матери Ислама — Асхат, Абай, Уразай и Амрука Бечеловы. Они были смелыми, ловкими и отчаянными ребятами. Это они учили Кайсына искусству держаться на коне без седла. Они были чуть старше, знали, как объезжать коней, и щедро делились с Кайсыном опытом. Ислам в эти часы наблюдал за сыновьями, невольно вмешивался иногда и сам. Школа верховой езды дала свои результаты: Кайсын никогда не падал с лошади, за что сверстники прозвали его «шкурой коня». А когда он немного подрос, ему стали позволять и самому объезжать лошадей, чем он премного гордился позднее, став взрослым: «Еще мальчиком я ездил верхом замечательно. Меня сажали на необъезженную лошадь без седла, и я объезжал ее. Не было случая, чтоб я упал...»

Другом детства Кайсына была и его родная сестра Мариам Шуваевна, которую он больше всех любил и заботился о ней, потому что жизнь ее была сложной, нелегкой.

Она была только на один год старше Кайсына, и они вместе учились в школе, вместе готовили уроки. Мариам была старательной ученицей и требовала от брата во всем порядка и прилежания. К сожалению, Мариам Шуваевна была в доме единственным человеком, кто любил литературу так же, как и Кайсын.

Ей, родной сестре, Кайсын читал свои первые стихи на родном языке, и она горячо одобряла еще во многом наивные поэтические наброски десятилетнего мальчика. Словом, сестра Мариам оказалась достойной слушательницей и собеседницей поэта не только детства и юности, но и всей его жизни...

Здесь, работая в школе, она познакомилась с учителем Абдулом Омаровичем Жетишевым (1916—1971). Умный и красивый парень привлек внимание девятнадцатилетней Мариам, и с ее позволения, по обоюдному уговору друзья Абдулы «украли» невесту. Это случилось утром 4 ноября 1935 года. Вскоре сыграли веселую свадьбу, на которой больше всех плясал и пел Кайсын. И молодые преподаватели зажили дружной семьей. Вскоре у них родились сыновья — Шарабутдин, Махсут и Максим. А через четыре года двадцатитрехлетний молодой учитель ушел на службу в Красную Армию. После окончания военного училища он был направлен на борьбу с белофиннами и участвовал в так называемой зимней кампании 1939/40 года, а потом защищал Отечество в годы Великой Отечественной войны. Его любимая Мариам осталась в Нижнем Чегеме у его родителей. Трое детей не мешали Мариам Шуваевне всю себя и все свое свободное время посвящать ученикам и школе. А домашние дела и ведение хозяйства были на плечах трудолюбивого Омара Жетишева и его спокойной, молчаливой жены. Они очень гордились своей невесткой-учительницей, которую односельчане величали по имени и отчеству — Мариам Шуваевна.

Так и жила Мариам Кулиева в семье Жетишевых, ждала и верила, что Абдул отслужит и вернется из рядов Советской Армии, не зная, как сложно и трудно сложатся в дальнейшем их личные судьбы, как будет она мучительно и безотрадно ждать все шесть лет возвращения мужа, перебирая в памяти короткие дни счастья и незабываемые

потери близких: умрут на ее руках сыновья — старшенький Махсут и младшенький Шарабутдин, отец Абдулы — Омар Жетишев, ее любимый свекр. Всех оплачет и похоронит Мариам вдали от родного Чегема. Ненавистная война, потрясшая всю страну и искалечившая судьбы многих людей, войдет в судьбу и сердце Мариам Шуваевны Кулиевой многоликой бедой.

Впоследствии ей поэт посвятит и первое стихотворение военных лет «Сестре Мариам с фронта». Оно датировано 1943 годом. На русский язык его перевела В. Звягинцева. Приведем начало стихотворения:

Прочтя твое письмо, я закрывал порой
Глаза усталые свои
Иль, подпершись обветренной рукой,
Глядел на облака в крови.

И предо мною гор гряда плыла,
Как воинов седых отряд.
Я видел пролетевшего орла,
Чегемский слыша водопад.

Парной туман висел в ущельях гор,
Как мокрая овечья шерсть.
Вон волчий след, знакомый с давних пор,
Их осенью в горах не счесть.

В двух последних четверостишиях милые сердцу картины родной природы, того, чем дорожил поэт, кого любил и внимание которых особенно ценил:

Зимой, бывало, в тонких сапогах
Бегу... До школы две версты!
Вернусь — и с новой книжкой в руках,
Жду, что меня похвалишь ты.

Эти строки красноречиво говорят о взаимоотношениях в детстве сестры и брата. К сестре Мариам Кайсын был привязан больше всех. Говоря о близких поэта, Зоя Исмаиловна Мурачаева⁶ утверждала, что «он никого так искренне, самозабвенно не любил, кроме матери и этой сестры».

Детские годы Кайсына Кулиева почти ничем не отличались от детства других детей простых горцев. Едва начав ходить, они уже помогали старшим по хозяйству, заготавливали вместе со взрослыми дрова на долгую и суровую зиму. А с пяти-шести лет они уже самостоятельно

---

⁶ Зоя Исмаиловна Мурачаева — младшая дочь Нафисат, сестры Узеирхан Кулиевой, матери Кайсына Кулиева.

ездили группами и в одиночку в лес за дровами, пасли овец, телят, принимали участие в сенокосе, пахоте, уборке урожая. Так было и с Кайсыном. Трудиться в детстве ему приходилось много. «Я рад,— писал он,— что с малых лет не знал праздности, этого отвратительного уродства, коверкающего людей. Моя старенькая мать считает, что я с детства чрезмерно много трудился, испытал слишком много тяжелого, и до сих пор горюет об этом»⁷.

Вспоминая первые радости и огорчения, поэт будет вести разговор со скалой, как с другом, который его правильно поймет, в стихотворении «У Красной скалы в Чегеме»:

А помнишь ли, скала, тот день, когда
Я, альчики оставив и мальчишек,
Двух осликов своих пригнал сюда,
Чтобы собрать для очага дровишек?

Перевел Д. Долинский

Здесь, у этой скалы, много лет назад он, будучи подростком, получил первый горький урок жизни и, прижавшись щекой к скале, рыдал. «Ты не забыла это? — спрашивал он, прошедший школу познания жизни. — А я все помню, ведь в моей судьбе Ты — первая опора в первом горе». А случилось вот что. В зимний снежный день Кайсын, проходя через дубовую рощу над пропастью, поскользнулся и упал вниз. Он падал в пропасть, цепляясь за ветки редких деревьев и кустарник. Случайно на его пути оказалась горная ель, и она задержала его падение. Кайсын обхватил ее руками, крепко прижался к ней и держался что было сил. С противоположной стороны пропасти все это видел старый горец Чомай. Он крикнул мальчику, чтобы он продержался до его прихода, и побежал звать на помощь людей. Первым, кого он встретил, был Хамид Хасанович, родственник Кайсына из рода Бечеловых. Они вдвоем спасли мальчика. Когда опасность миновала, Кайсын вышел на дорогу и, прижавшись к скале лицом, зарыдал от перенесенного страха и беды, случившейся с ним, однако имевшей благополучный конец⁸. Об этом случае Кулиев думал написать рассказ и даже озаглавил его «Над пропастью»⁹, но не успел осуществить, как и многие

⁷ Кулиев К. Я пришел с гор. М., 1959. С. 8, 9.

⁸ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 102, л. 9.

⁹ Там же, л. 12.

другие замыслы. (Остались лишь названия рассказов — «Когда я был чабаном», «Снежный обвал», «Первый урок», «Побег», «В снежный день», «Маленький ашуг» и заголовки двух повестей — «По следам героев», «Повесть о смелых» и двух романов — «Тень орла» и «Всадник».)

Любовь и уважение к рабочему человеку возникли у Кулиева рано и питались прежде всего личным жизненным опытом и впечатлениями, которые черпал мальчишка из окружающей его действительности. «Работать приходилось много,— рассказывал он. — Трудное начало — не брезговать и не бояться никакой работы — слило меня с простыми людьми, привило настоящее уважение к ним»¹⁰. Достойным примером в этом отношении была для мальчишка мать. После смерти мужа вся забота о детях легла на ее плечи. Отец Кулиева умер, когда самому старшему его сыну Осману исполнилось 15 лет. «Ее доброта, терпеливость и трудолюбие стали первым значительным жизненным уроком для меня»¹¹, — писал Кулиев. С ее именем он прошел всю войну; к ней он обращался перед боем в 1941 году, чтобы обрести силу и мужество:

Через час начинается бой.
Мать, я вижу твой ласковый взгляд.
Ты глядишь на меня, ты со мной,
Вот морщины твой лоб бороздят...

Перевела В. Звягинцева

И снова к ней, когда оставались перед атакой считанные минуты: «Мать, сейчас начинается бой, свищут пули, сверкают штыки...» Ей он обязан всеми лучшими качествами человека и воина: она вскормила и воспитала его — горным орлом:

Шаль на плечи накинь, не тужи,
Слушай песню, не плачь, не грусти.
«Я взрастила Кайсына,— скажи. —
Быть свободным, как горный орел,
Научила я сына-певца.
Мной вскормленный, он смелость обрел.
Был он гордым орлом до конца».

---

¹⁰ Кулиев К. Я пришел с гор. С. 8.

¹¹ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 435.

В родном краю у Кайсына зародились первые представления о верности и дружбе, взаимопомощи и товариществе, о чести и гуманизме. Родная земля научила поэта понимать прекрасное, видеть окружающую красоту и удивляться ей. «Мои первые детские впечатления,— вспоминал поэт,— связаны с суровым обликом взметнувшихся к небесам скал, белизной снега на вершинах и склонах. Весной и летом зеленели луга, деревья и огороды, а на склонах белел снег. Такими остались в моих глазах навсегда утра, полдни, вечера в Чегеме. Мое детство до сих пор приходит ко мне во сне с лошадьми, мулами, осликами. Потому они так часто встречаются в моих книгах». В стихотворении «Вечер в горах» читаем:

Вверху, в заоблачной тени,
снега белеют, вечность длится.
Внизу — сады, дворы, плетни
и красных кровель черепица.

Стада бредут под сень дворов,
и близок отдых еженощный
коз, буйволов, овец, коров
и осликов с тяжелой ношей.

Перевела Б. Ахмадулина

Из всего многообразия цвета — от серого (серый камень) до зеленого (зеленые чинары) — больше всего маленькому Кайсыну запомнился белый цвет (белизна снега, белые вершины гор, цветенье белой алычи и т. д.). И это не случайно: он всегда был перед глазами. «...Острое чувство белизны снега осталось у меня с тех дней. На равнине снег исчезает весной, и до следующей зимы равнинные жители не видят его. А у нас лето и зима не расстаются никогда. Горцы постоянно видят белизну вершин»,— верно заметил Кулиев. Так и рос он среди суровой и величественной природы, среди трудолюбивых и мужественных горцев. Он тоже с малых лет «возделывал огороды, гурты гонял в Кая-Арты, трудясь с утра до темноты». Или: «Рубил дрова в ущельях диких. Косил траву, коров доил. На летних пастбищах Бедыка бараньи головы смолил». Рассказ Кулиева «Как я сбежал с фермы» можно считать автобиографическим. В нем поэт рассказал о своем детстве и о том, как он воспринимал окружающий его взрослый мир, как он тянулся к знаниям и чем кончился этот побег. Убеджав, Кайсын и Саид заблудились, их нашли чабаны. «Незна-

комец повел нас за собой. Ярко горел огонь, освещая каменные стены просторной пещеры, которая служила жильем для хуламских пастухов. У огня сидели человек пять. Они ужинали. Нас усадили у огня...

— Откуда вы, мальчики?

— Из чегемского Кая-Арты.

— Чьи вы сыновья?

— Я сын Кулиева Шувы, а он — Акаева Харуна,— ответил я.

— Понятно. Куда идете?

— В город. Хотим учиться там...

Через много лет, подводя итог своей биографии детских лет, Кулиев сказал в поэме «Кремень»:

В горах, как все вы, не однажды
Я зори ясные встречал
И, к роднику припавши, жажду
Водой студеной утолял.

Перевел Е. Ерёмин

Отца своего Қайсын почти не знал. Он умер от тифа в 1919 году. Кулиеву было тогда два года, зато он хорошо знал братьев отца — Отчая, Доку и Ахмана. Они любили своего любознательного племянника. Шува был простым горским крестьянином, далеким от политики. Но лозунги и идеи Октябрьской революции принял всей душой и, как все горцы-бедняки, приветствовал революцию, став на ее сторону.

Поэтому, когда началась гражданская война и по всей стране зазвучали призывы «Все на борьбу с Деникиным!», отец Қайсына, взяв с собой старшего племянника Такуша, ушел сражаться в ряды партизан против белогвардейцев, когда те появились в Чегемском ущелье.

Белоказаки в горы ворвались,
Тень виселиц застыла на дороге,
Огнем пожара опалило высь,
Запричитали женщины в тревоге.

Слеталось и кричало воронье
Над темною тесниною Чегема.
В тот день отец мой, зарядив ружье,
Обнял меня и попрощался немо.

Перевел М. Дудин

Бои были неравными: горстка местных, необученных военному искусству аульчан, первых активистов и сторон-

ников Советской власти, плохо вооруженных партизан, и умело организованная, вымштрованная деникинская армия, хорошо оснащенная военным имуществом.

Партизанам не раз приходилось отступать и прятаться в горах от карателей белоказаков. В одном из таких переходов через перевал в Сванетию Такуш погиб. Он был сметен снежным обвалом.

Судьба людей мою судьбу просила
Через буран идти на перевал.
Чтоб тяжесть равнодушья не давила,
Я сам на плечи тяжесть смерти взял.

Перевел М. Дудин

Эту трагическую гибель своего любимого племянника Шува тяжело переживал. Он считал себя отчасти виноватым в том, что произошло, но не бороться против деникинцев он не мог. Гражданская война противопоставила горцев, в ее огне сложили головы десятки крестьян. Это было начало самоистребления многих народов, населявших территорию бывшего СССР.

После смерти мужа Шувы Узеирхан вторично вышла замуж в Нижнем Чегеме за Узденова Шимауху. У него умерла жена, и пятерым сиротам нужна была мать. Кажется, что самою судьбой определены были сыновья Шимаухи — Биязурка, Якуб, Магомед и дочери — Апу и Фатима — в дружную и добрую семью Узеирхан, душой и опорой которой была эта замечательная женщина-горянка. Дети Шимаухи ей были не в тягость. Тем более, что к этому времени, когда Узеирхан выходила замуж за Узденова, ее неродные дети от первого брака были уже взрослыми и стали хорошими помощниками.

От Узденова Шимаухи в 1927 году у нее родилась дочь, которую называли Марзият, а через три года появилась сестренка. Девочку называли Шахидат. Кайсын к этому времени был уже большим, он ходил в школу, которую открыли в Нижнем Чегеме в 1926 году. Новую школу строить помогали все односельчане.

И русский мастер с топором в рукач
С артелью горцев-каменщиков вместе,
На разных изъясняясь языках,
Нам эту школу строили по чести.

Перевел М. Дудин

Это была просторная и светлая новая школа. Кайсын радовался, что учился вместе со своим другом Клычби Бечеловым в ауле Актопрак. Повел Кайсына первый раз в школу друг отца Беппаев Батал. Помог подготовить мальчика в школу и дальний родственник Адик Наршауов. Его жена Кермахан была двоюродной сестрой матери Кайсына. Свою первую учительницу Атакуеву Хафисат Исмаиловну Кайсын запомнил на всю жизнь. Мальчик впервые увидел книжки и получил букварь с красивыми картинками. Это был для него и для десятков других детей настоящий праздник, неповторимый:

И в первом классе, праздником даря,
Мне дал учитель книгу и тетрадки.
И даже в снах картинку букваря
Рассматривал, листая по порядку.
О, книга книг! Утеха из утех!
В душе моей она жива навечно,
Всех книг открытей и красивей всех.
Я ей навек признателен сердечно.

Перевел М. Дудин

Кайсын радовался всему: новой школе в Чегеме, новым друзьям. Теперь они будут жить здесь, в районном центре. Узденов Шимауха был родом из Нижнего Чегема, и Узеирхан переехала из Актопрака к нему.

Зимой Кайсын учился, а летом, как все дети его возраста, занимался крестьянским трудом. Учился он легко, усваивая, как говорят, все на лету. Первым русским стихотворением, которое он прочитал в переводе карачаевского поэта Иссы Каракетова, был «Узник» Пушкина. Оно так поразило впечатлительного мальчика, что он ходил под его воздействием несколько дней, повторяя запомнившиеся строки. «Эти стихи ошеломили меня,— вспоминает Кулиев. — Так началась моя любовь к Пушкину».

Вековая тяга народа к свету и знаниям сосредоточилась в молодом поколении. Большинство из рода Кулиевых, Бечеловых, Узденовых были безграмотными, простыми крестьянами. Теперь же замкнутый мир их расширялся до горизонтов всего человечества.

Они учебники открыли,
как двери в свет из темноты,
и знания их открыли
для воплощенья в жизнь мечты.

Перевел М. Ерёмин

Переходя из класса в класс, Кайсын почти по всем предметам получал хорошие и отличные оценки. Особенно он любил литературу, историю, уроки по родной литературе и родному языку. На одном из таких уроков он прочитал в переводе на балкарский язык «Каштанку» А. П. Чехова. С тех пор и зародились чувства преклонения перед этим мастером рассказа. «До сих пор помню, в какой восторг меня привели слова, набранные в книжке большими буквами: «Талант! Талант!» Я физически ощущал вечернюю улицу, выюгу, снег, когда читал о том, как собака потеряла хозяина. Я не знаю другого писателя, который был бы так тонок и естественен, как Чехов»¹², — писал Кулиев.

Уже в школе проявились качества его характера. Кайсын, по воспоминаниям его первых наставников и учителей, таких, как Мусос Кетенчиев, Азрет Малкандуев, Адильгерий Татчаев, был очень искренним, умным и впечатлительным мальчиком. Радости и печали души сразу отражались у него на лице. «Говорил всегда откровенно, честно признавал ошибки и на уроках порой задавал такие серьезные вопросы, что не всегда можно было ответить на них», — рассказывал Адильгерий Татчаев. «Он никогда не мучил животных, любил их, выхаживал подстреленных птиц, брошенных щенков», — говорил Мусос Кетенчиев. А другой учитель — Азрет Малкандуев добавил: «Кайсын всегда защищал слабых, становился на сторону обиженных, был общительным и любознательным, очень старательным (без налета честолюбия) и трудолюбивым».

Через много лет, обращаясь к учителям и школьникам Безенги, Кулиев писал:

Вы — наша надежда!
В вас верит Кайсын,
Чегемских нагорий
Седеющий сын...

Перевел Д. Долинский

Его исключительные способности к русскому языку и страсть к чтению заметил учитель-словесник Борис Игнатьевич, по словам поэта, «пожилой, милый человек в чеховском пенсне». Он обучал детей русскому языку. Его уроки Кайсын назвал благом для себя и не раз говорил,

что благодаря русскому языку для него, сына безграмотных родителей, открылись огромные возможности, и он узнал чудо творений Пушкина, Толстого, Шекспира, Байрона, Гёте. Вспоминая об этой поре детства, Кулиев писал: «Русскому языку нас обучал старый учитель Борис Игнатьевич... Но тогда я не знал, какое благо принесут его уроки, не знал, что русский язык откроет мне свои несметные сокровища и я приобщусь к великой русской литературе — от Пушкина до Твардовского, от Толстого до Паустовского»¹³.

Пройдут годы, и своему любимому учителю Кулиев посвятит стихотворение «Учитель Борис Игнатьевич» и вспомнит этого благородного человека в «Горской поэме о Ленине»:

Вы в молодости не видали гор.
Вас Ленин к нам послал с великой новью
Для счастья горцев. Горцам с этих пор
Вы свет души оставили с любовью.

Борис Игнатьич! От души моей,
Открытой миру вашей доброй силой,
Я этот стих, как песню соловей,
Оставляю вам над вашей могилой.

Перевел М. Дудин

Среди его аульчан жили русские люди, такие, как фельдшер Петр Иванович, который в любую минуту, невзирая на непогоду, шел по просьбе людей и оказывал им медицинскую помощь. Горцы любовно называли его «золотым человеком». Кайсын видел, что такая же действенная, а не показная любовь к людям руководила и русским учителем Борисом Игнатьевичем, который работал с «вдохновенным упорством», «ни бурь не страшась, ни грозы, втолковывал маленьким горцам премудрости школьной азы». Подчеркивая роль в жизни горцев именно таких, казалось бы, простых, обыкновенных людей, посланных в отдаленные села и аулы, айлы и кишлаки, Кулиев, будучи уже известным поэтом, скажет о том, что братская взаимопомощь и поддержка угнетенных народов явилась одним из великих достоинств национального характера русского человека, что интернационализм русского народа способствовал формированию и укреплению дружествен-

¹³ Советские писатели. Автобиографии. М., 1972. Т. 4. С. 342—343.

ных отношений между нациями. «Без помощи и поддержки моего старшего брата меня не будет, меня сокрушат, раздавят и уничтожат враги. Русский народ — один из величайших народов мира — для нас, горцев Кавказа, как и для всех народов страны, зажег тот негасимый Прометеев огонь, который навсегда согрел нас и озарил нашу жизнь. Мы приобщились к русской культуре — одному из самых удивительных духовных достижений человечества, а через нее мы узнали и мировую культуру. Без этого блага братства и взаимного духовного общения мы бы по-прежнему блуждали во мраке»¹⁴.

В школьные годы у Кайсына было много памятных событий и веселых праздников: прием в пионеры и комсомол, вечера-концерты, на которых он прекрасно исполнял национальные танцы.

— Ты очень хорошо пляшешь,— сказал ему однажды Кязим Мечиев.— Учись так же искусно писать.

Не раз участвовал Кайсын, как лучший ученик школы, в республиканских конкурсах на лучшего чтеца художественных произведений. Там и познакомился он с Николаем Семеновичем Тихоновым. Об этом случае рассказал Дм. Хренков. Он написал, что во время своих поездок по Кавказу Тихонов оказался как-то в Чегемском ущелье во время смотра художественной самодеятельности. Среди других выступал юный джигит в белой черкеске. Он читал стихи Лермонтова и читал так, что Тихонов безошибочно определил: этот паренек пишет стихи. Они познакомились.

Н. Тихонов не только разглядел дарование молодого балкарского поэта, но был и одним из первых переводчиков его стихов на русский язык¹⁵. И конечно, осталась в памяти незабываемая первая встреча с мыслителем балкарского народа Кязимом Мечиевым, который, по словам поэта, «вошел в его жизнь с самого детства». «Я обожал его»,— скажет Кулиев.

Много времени Кайсын уделял изучению русского языка: так хотелось любознательному мальчику многое узнать из книг, которые были в избе-читальне, самому перевести все, что говорит голос из Москвы, льющийся из репродуктора, самому прочитать текст на экране немого кино. В аул не часто, но привозили немые фильмы. И вот впер-

¹⁴ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 36.

¹⁵ Хренков Дм. Дорогие спутники мои // Нева. 1974. № 2. С. 124.

вые вместе с мальчиками Кайсын пошел в кино и увидел нечто совершенно новое и тогда трудно объяснимое! «Нас больше всего удивило появление стада овец на экране,— рассказывал этот смешной случай Кулиев. — Приняв их за настоящих, мы пришли в восторг, и наши помятые папахи полетели к экрану. Тогда же я очень завидовал студенту, который стоял позади зрителей и переводил горцам русские надписи фильма. «Вот мне бы так знать русский язык!» — думал я».

А годы шли, как ливни по хребтам
Идут и переваливают горы.
И в новых школах открывались нам
Иного мира солнечные створы.

Перевел М. Дудин

В Нальчикском педагогическом техникуме, который открыли в 1923 году, Кулиев продолжал напряженно заниматься. Он мечтал вернуться в родной Чегем и работать учителем, а для этого надо было много знать. Семнадцатилетний Кулиев уже свободно читал по-русски Лермонтова и Пушкина, Шевченко и Петефи, Лорку и Байрона и многих других поэтов. «Интересно, что первое печатное стихотворение, которое поразило Кулиева своей простотой, был пушкинский «Узник» в балкарском переводе,— писал В. Огнев. — Любопытно и другое знакомство Кулиева со стихами другого великого русского поэта — Лермонтова. Печник, полурусский, полутатарин, который клал печь в сакле Кулиевых, напевал: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французу отдана...» Прошло много лет, и зимой 1941 года под заснеженной Москвой боец-парашютист Кайсын Кулиев читал про удачного купца Калашникова примолкшим солдатам. У костра сидели и русские, и горцы, и казахи, и украинцы»¹⁶.

И вот учеба завершена. Первый этап жизни подходил к концу. К этому периоду относятся его первые литературные опыты. Он начал писать стихи с десяти лет, а с семнадцати уже печататься. В Нальчикском техникуме он много времени отдавал работе над стихами. Но в большинстве своем это были стихи слабые по форме и содержанию, в них мало было и самостоятельности. Сам Кулиев

---

¹⁶ Огнев В. У карты поэзии. М., 1968. С. 219.

писал об этом времени: «Я заполнял толстые тетради стихами. Они казались мне замечательными. Если не печатали, обижался»¹⁷. Самые ранние стихи Кулиева не сохранились. Можно предположить, что это были детские зарисовки о жизни и быте своих аульчан, типа цикла стихов «Мои соседи». Мать, старшие братья и сестры относились к литературным занятиям Кайсына с большим уважением. Они видели, что он жил какой-то своей особой жизнью. И когда он писал и писал, не отрываясь от бумаги по целым дням, они изумленно поглядывали друг на друга и старались тогда вообще много не говорить, чтобы не мешать ему. Вызывало их удивление и другое: Кайсын любил петь с детства, жадно прислушивался к песням косарей и чабанов, с которыми не раз работал вместе в горах. Одним из таких односельчан, людей старшего возраста, был сосед Кулиевых — Мусос Габоев, дальний родственник Бечеловых по линии матери. На его глазах вырос Кайсын от восьмилетнего школьника до студента педтехникума. Он любил Кайсына, как своих детей, и отличал его за большое трудолюбие и любовь к народным балкарским песням, легендам, былям и сказаниям.

Очень любил Кайсын слушать грустные песни матери. Она пела задушевные лирические стихи Кязима Мечиева про обнаженное сердце родной земли — про радость и боль народа. Мальчик жил в атмосфере народной сказки и песни. «Я рос в стихии горского фольклора. Я дышал его воздухом, — говорил Кулиев, отвечая на вопросы корреспондента журнала «Вопросы литературы», — жил в его атмосфере, и, естественно, это оставило большой след в моей работе. Я считаю народную поэзию высшим поэтическим и духовным явлением жизни балкарцев»¹⁸. Мудрые, навсегда запомнившиеся сказки Кулиеву рассказывала добрая мать Клычби — Кани Байкеловна Бечелова. Между ними троими была взаимная любовь. Особый интерес Кайсын проявлял к устным народным преданиям. Чудесные повествования Кани Байкеловны он мог слушать часами. Любил слушать сказки и его друг Клычби.

Песни Кайсын любил слушать и на свадьбах. Сюда он приходил с ватагой ребят. Иногда тамада приглашал его,

¹⁷ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 436.

¹⁸ Кулиев К. Буду учиться, пока живу // Вопросы литературы. 1968 № 11. С. 118.

усаживал рядом с собой и просил спеть что-нибудь. Кайсын охотно соглашался и начинал петь чистым и звонким голосом, привнося каждый раз в знакомую народную песню что-то свое, личное. «Я был маленьким ашугом,— вспоминал поэт,— пел своим товарищам... И теперь, когда я знаком с образцами мировой поэзии, все равно народная лирика остается для меня дорогой и непостижимо прекрасной. Думаю, что она дала мне много»¹⁹. В народных песнях юному певцу нравилось все: и задумчивые рассказы про старину, и сурово-энергичные предания о богатырях-нартах, и грустные излияния-переживания горянок, их сладостные слова о любви и горькой разлуке. Кайсын любил общество веселых людей и охотно бывал на свадьбах, проходах и встречах. А когда учился в Нальчике, к нему охотно шли его сокурсники, они собирались в общежитии и часами спорили о литературе, читали стихи любимых поэтов и свои собственные. Кайсын всегда выступал в роли «критика». К его суждениям прислушивались, потому что по развитию и уму он был мудрее своих ровесников. Он знал и прочитал значительно больше своих товарищей, а его память и манера читать стихи покоряла сверстников. Молодой горец мог прочесть наизусть всю поэму «Демон» Лермонтова, фрагменты из романа «Евгений Онегин» Пушкина, многие стихи Байрона, Мицкевича, Исаакяна. «С ним было всегда интересно,— вспоминал его товарищ, заслуженный артист РСФСР Кучуков Магомед. — Он знал больше нас, о чем мы еще и не слышали. Но никогда он не хвастался своими познаниями в литературе и не выставлял напоказ свои достоинства. Всегда был скромным. За это мы любили его, и нам нравилось бывать в его обществе». Кайсыну нравились добрые и спокойные люди, такие, как его друзья Магомед Кучуков и Сютдюн Хаджиев. Он ненавидел чванство, хвастовство и самодовольство. «Очень неприятно видеть людей, которым кажется, что они знают все и умнее всех... Самодовольство — это одна из отвратительнейших человеческих черт, отсекает путь к совершенству и радости узнать гораздо больше, чем знаешь»²⁰,— говорил он, обращаясь к молодым литераторам.

Вокруг Кулиева группировалась одаренная молодежь, впоследствии составившая основной костяк национальной

¹⁹ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 436.

²⁰ Кулиев К. Поэт и культура // Юность. 1972. № 12. С. 53.

уехал учиться в Москву, а тебя отдали другому») приобретен поэтом только для того, чтобы сказать, чем была и кем могла бы стать для него любимая девушка. Она была бы для него и музой, и вдохновением, счастьем и источником силы. Но ее нет рядом, поэтому на душе поэта остались горечь тоски, боль и сознание какой-то непоправимой ошибки. А ошибок совершено было много.

А если бы ты была рядом в трудный час,
Может быть, была бы другой моя жизнь,
Я бы не перенес столько страданий...
И в радости, и в горе был бы понят тобой,
Ведь мы выросли в одном селе и пили воду
из одной речки.

(Подстрочный перевод)

Послание это о первой любви, любви чистой, как родниковая вода, и нежной, как цветок вишни весной. О ней и поныне шелестят синие-синие чинары и зеленые травы в родном Чегеме.

Знала ли Нафисат о чувствах Кайсына? Возможно, и догадывалась, а может быть, нет. В стихотворении поэт говорит лишь о том, как ему хотелось сказать Нафисат о своей любви, но мешала робость и застенчивость («Шел говорить о своей любви, но, стесняясь, уходил обратно»). Знала об этом чувстве ее подруга Шамкыз Беппаева, родственница Кайсына: «Ей я говорил о своей любви к тебе»,— повествуется в стихотворении. Но факт остается фактом. Когда Кайсын уехал учиться в Москву, она вышла замуж за молодого учителя Азрета Кичибатыровича Будаева, впоследствии известного балкарского поэта, партийного деятеля, загубленного фашистами.

Михаил Дудин писал о Кулиеве того времени: «Он учился жадно и лихорадочно, как будто в нем одном сосредоточилась вся вековая тяга его народа к свету, к знаниям,— ведь балкарцы до революции, как и многие малые народы царской России, не имели даже письменности, и Кайсын, не умеющий произносить слово «хлеб» по-русски, увидел пытливыми мальчишескими глазами новую радость за снежными перевалами»²¹.

В 1932 году умер отчим Кайсына — Узденов Шимауха.

---

²¹ Дудин М. На пути к вершинам // Кулиев К. Избр. произв.: В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 10.

17

Ему было около семидесяти лет. Он увидел счастье своих детей, нянчил внуков — Жашко, Алия и Мусу от старшего сына, гордился ими, но не знал одного, что через девять лет придет страшный день 22 июня 1941 года и его любимые внуки пойдут защищать Родину и все трое погибнут смертью храбрых на полях России. Особенно любил старик внуку Кёккёз от старшего сына Биязурки и своего приемного сына — Кайсына, ровесника Кёккёз. Талант мальчика был для него очевидным и поразительным откровением. Его первые стихи, опубликованные в школьных стенных газетах (их приносила внучка) и распеваемые девочками, были предметом его гордости, и он не раз говорил аульчанам и сородичам: «Помяните меня добрым словом. Будет толк от этогомышленного мальчонки, сына рано умершего Шувы!» Большим утешением для Шимаухи в его предсмертные дни было и то, что сыновья стали уже взрослыми, жили своими семьями и взяли на себя заботу о матери Узеирхан, младших сестрах и братьях.

✓ ГОДЫ УЧЕБЫ В МОСКВЕ

Вспоминаю канувшее детство,
Юность безмятежную свою...

К. Кулиев

В 1935 году Кулиев приехал в Москву. Ему не было и 18 лет. Начинался новый этап в жизни поэта и его творческой судьбе. Он готовился к самостоятельной жизни еще в Нальчике, когда учился в педагогическом техникуме. Еще тогда он перебирал в уме многие специальности: кем быть? Мать хотела, чтобы он стал учителем, как его старшая сестра Мариам, братья советовали не отрываться от земли и быть агрономом или счетоводом, как его друг детства Клычби Якубович Бечелов, который работал бухгалтером.

В эти годы формировалось национальное театральное искусство автономий народов Северного Кавказа. В Нальчике летом 1933 года впервые была открыта театральная студия, в которой насчитывалось более ста учащихся. В нее в числе других были зачислены А. Шериев, Т. Жигунов, В. Сибекова, Х. Кумахова, Қ. Балкарова, ставшие впоследствии известными актерами²², игру которых высоко ценил и знал Кайсын Кулиев, посещая представления этой студии.

С такой же целью — для выявления талантливых, одаренных детей и развития у них творческих способностей — в 1934—1936 годах в Кабардино-Балкарии были созданы шесть Домов художественного воспитания, пользовавшихся большой любовью населения²³. В одном из таких Домов в районном центре Чегема не раз бывал и Кайсын, выступал со своими стихами, учился искусству красноречия.

²² Хутуев Х. И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 106.

²³ Бекижев М. М. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа. Черкесск, 1978. С. 258.

Большую творческую помощь художественным коллективам оказал Государственный институт театрального искусства им. А. В. Луначарского (ГИТИС), которым руководила одно время А. Н. Фурманова²⁴. Анна Никитична когда-то горячо убеждала Кайсына не бросать ГИТИС и доказывала, что занятия в нем для культурного развития любого человека дают значительно больше, чем любой другой вуз.

Неоценимую работу по подготовке национальных кадров и совершенствованию их актерского мастерства проделали режиссеры-педагоги народный артист РСФСР И. Я. Судаков и профессор А. А. Ефремов, отдавшие много сил и энергии, чтобы обучить первых студийцев актерскому искусству. А. А. Ефремов возглавлял кабардинскую студию, а И. Я. Судаков — балкарскую. Они отбирали из местных кабардинских и балкарских студий способную молодежь для учебы в ГИТИСе, посещали колхозно-совхозные театры, знакомились с их коллективами, всячески способствуя творческому росту и актеров, и режиссеров, и всего состава профессиональных национальных театров. Однажды на вечере художественной самодеятельности, на котором Кулиев читал стихотворение Лермонтова «Воздушный корабль», И. Я. Судаков обратил внимание на этого студента педагогического техникума, на его манеру держать себя на сцене и умение читать стихи. Кулиев ему понравился, и он сказал ему, что он должен стать актером. «Я буду поэтом», — возразил ему Кайсын. Но все-таки по его совету он поехал в столицу.

Уезжая в Москву, он сказал своим близким друзьям: «Буду поэтом, и театральный институт мне в этом поможет». К этому времени Кулиев без колебаний решил стать профессиональным литератором и верил в свои способности, как он выразился — «верил в свою звезду». «Я тогда несколько не боялся слова «поэт», не понимая трудного и глубочайшего его смысла. Нынешних сомнений у меня тогда не было и быть не могло», — писал он позже.

Столица вызвала у Кайсына восхищение. Он знал о ней много прекрасных строк и любил повторять: «Москва, Москва, люблю тебя, как сын...» Восторг, вызванный приездом в этот город, остался у поэта на всю жизнь. Пройдут мно-

---

²⁴ А. Н. Фурманова — жена писателя Д. А. Фурманова, автора известной книги «Чапаев».

гие годы, но по-прежнему поэт будет удивляться ее красе и относиться с величайшей любовью к ее истории, современности и культуре. В статье «Москва — символ дружбы и братства» (Московская правда. 1972. 29 декабря) Кулиев скажет немало замечательных слов о ней, прозвучат его пламенные слова любви и признания. А тогда, в середине 30-х годов, особое впечатление на молодого горца произвели памятники писателям и поэтам... Так, Кулиев вспоминал, что по дороге в институт он каждый раз проходил мимо памятника Гоголю и так привык к нему, что, подходя, говорил с поклоном: «Здравствуй, Николай Васильевич!»

Подлинный восторг вызывали у него посещения московских театров, концертов, выставок живописи, встречи с поэтами и писателями. Не раз бывал в Центральном Доме актера им. А. А. Яблочкиной на улице М. Горького, где шли дипломные спектакли выпускников актерского факультета ГИТИСа. После посещения их ему всегда хотелось с кем-нибудь поделиться своим впечатлением, и он находил себе друзей — любителей искусства и театра. Особенно любил Кайсын бывать в гостях у своего друга-ровесника Жанакайта Жунусовича Залиханова, который в это время после окончания Пятигорского рабфака учился на центральных курсах редакторов-переводчиков при ЦК ВКП(б) в Москве. Кайсын часто приходил в общежитие, которое находилось в Бауманском районе по улице Новая Переуudenовская, 8. Его радостно встречали Хабу Кациев и Ахия Танаевич Бозиев (его величали по имени и отчеству как наиболее старшего и солидного, будущего редактора), которые проживали здесь же. Они, как и Жанакайт, любили проводить вечера вместе с Кайсыном Кулиевым, скрытая духовная сила которого покоряла их, особенно — его эмоциональная нацеленность. Он читал им стихи — свои и полюбившиеся — самых разных поэтов.

Когда Кайсын долго не приходил к ним, тогда они, собравшись вместе, ехали в Трифоновский студгородок, что располагался около Ржевского вокзала. Там, в общежитии, жили Кайсын и его товарищи Узеев Муса Ахматович и Бачиев Атлы Хамзатович, будущие участники Великой Отечественной войны. Атлы погибнет в сорок третьем году, как и многие его молодые ровесники, недоучившись, недолюбив... В этом общежитии проживали и девушки-горянки, будущие актеры профессионального бал-

карского театра, приехавшие в Москву и поступившие в ГИТИС на год позже Кайсына Кулиева: Абидат Биттирова, Баблук Уянаева, Тамара Залиханова, Зоя Махиева, Надя Геляева, Зоя Кулиева. Встречая брата и его друзей, Тамара Залиханова в шутку говорила: «Вот они наши «столпы общества», от них будет зависеть наша судьба, положительная оценка театральной общественности и прессы». В эти часы посещения Кайсын много рассказывал о театральной жизни ГИТИСа, искренне радовался тому, что видел и слышал таких мастеров, как Качалов, Остужев, Тарханов, Леонидов, Москвин, Сахновский, Хмелев. «Переходите к нам, бросайте свои курсы редакторов, и вы познаете счастье ликования и глубину горя актера»,— убежденно говорил Кулиев, обращаясь чаще к Ахие Бозиеву. Бросать — не бросать курсы, такого выбора перед собой они не ставили, но окончить их не удалось: в 1938 году по требованию из Нальчика (не хватало кадров) Хабу Качиев и Жанакант Залиханов были отозваны из Москвы. С этого же года Ж. Ж. Залиханов стал работать главным редактором Кабардино-Балкарского книжного издательства (балкарская секция), а Кайсын Кулиев остался в Москве, проводив друзей на родину.

Будущий поэт продолжая работать под началом таких опытных педагогов и известных режиссеров, как И. Судаков и А. Попов. Актерскому мастерству он учился у Ильи Яковлевича Судакова, который, по словам Кулиева, считался одним из лучших режиссеров Европы. «Это был человек поразительного и заразительного темперамента, и у него действительно можно было научиться использовать свой темперамент, ставить его на службу творчеству»²⁵.— писал Кулиев. Интересно в связи с этим привести слова Н. Н. Аноевой, преподавателя ГИТИСа. В письме к Кулиеву она писала: «Хороший, талантливый был ваш курс! Никого не надо было заставлять репетировать, подталкивать. Одна была задача — удержать, как на подтянутых вожжах, темперамент! И Судаков тогда увлеченно репетировал. Ему вы все очень нравились»²⁶.

Обаяние этих ярких личностей, преподавателей ГИТИСа, Кайсын испытал на себе, гордился знакомством с ними, высоко оценивая значение этих артистов для сво-

²⁵ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 26, л. 1—2.

²⁶ Там же.

его умственного и нравственного развития. Они, по его собственному признанию, способствовали становлению его как поэта и человека разносторонней культуры. Духовное формирование личности и внутренняя работа мысли Кайсына шли под воздействием лучших образцов русской и зарубежной классики. «Этому вузу я обязан очень многим»²⁷, — писал Кулиев в 1958 году. Позднее он снова скажет: «Думаю, что мое поступление в ГИТИС было удачей. По своим склонностям я мог учиться только в гуманитарном учебном заведении. А другого института с таким широким профилем, где бы изучались все области искусства и культуры, не было»²⁸.

В театральном институте поначалу Кайсын учился с большим интересом. С удовольствием посещал курс лекций по истории мировой музыки и живописи, актерского мастерства, но и на этих лекциях он часто сидел и писал стихи; менее интересовался такими занятиями, как сценическое движение, ритмика, танец. Иногда посещал занятия по карачаево-балкарскому языку в студии ГИТИСа проф. Умара Алиева (1895—1938)²⁹. У него просто не хватало времени «объять необъятное», ведь Кайсын в то же самое время занимался с еще большим успехом на вечернем отделении Литературного института имени А. М. Горького, в котором преподавали видные деятели советской культуры и признанные педагоги-ученые. Не менее страстно Кулиев увлекался чтением художественной литературы. Круг его читательских интересов был необычайно широк: Пушкин, Лермонтов, Есенин, Тютчев, Блок, Шекспир, Ромен Роллан и многие другие. «Читал я, правда, уже много, русский язык знал прилично. Моими любимыми поэтами в ту пору стали Лермонтов и Есенин... Пристрастие к Лермонтову одобряли, за Есенина корили»³⁰, — говорил Кулиев.

Он понимал, что его все больше и больше притягивает к себе поэзия, и был убежден в своем призвании. Здесь, в

²⁷ Кулиев К. Я пришел с гор. С. 10.

²⁸ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 437.

²⁹ У. Д. Алиев — ученый секретарь кафедры ленинизма ВЗИП г. Москвы в 1936—1937 гг. В эти же годы он преподавал арабский язык в Московском университете и карачаево-балкарский язык в студии ГИТИСа. Арестован 24 июня 1937 г. Через год погиб в заключении. Реабилитирован посмертно.

³⁰ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 437.

столице, ему все чаще вспоминалась родная природа, знакомые с детства места, мать. Он писал в 1936 году:

Мать принесла воды из родника,
А солнце только-только поднялось.
Порозовели в небе облака,
Расцвел в саду красавец абрикос.
Пахнула горной свежестью вода
И холодом заоблачных вершин,
И я держу в руках, как глыбу льда,
Чуть запотевший глиняный кувшин.

Перевел Е. Елисеев

Писал Кайсын в это время много, постигая школу образного мышления и следуя традициям русской и советской литературы, родного фольклора. Первым его стихи заметил, оценил и перевел на русский язык «удивительный знаток поэзии кавказских народов, ее первый пропагандист, обоженный альпийским солнцем путешественник и поэт Николай Семенович Тихонов», — заметил Дудин. Эта оценка будет несколько позже, в 1940 году. А в 1937—1938 годах Кулиев очень нуждался в дружеской поддержке, в сердечных и доброжелательных словах о его поэзии, в объективной оценке его творчества.

Учиться одновременно в Театральном и Литературном институтах было нелегко, и Кулиев колебался: продолжать учебу в ГИТИСе или бросить и окончательно уйти в Литературный институт. Кроме того, его увлекла еще одна сфера: он занялся переводами и перевел на балкарский язык три пьесы — «Фуэнтеовехуна» («Овечий источник») Лопе де Вега, «Проделки Скапена» Мольера и «Бронепоезд № 14-69» Всеволода Иванова. В пьесе «Овечий источник» Кулиев интересно исполнял роль Фрондозо. Талант актера у него был незаурядный. Вот как об этом говорит преподаватель ГИТИСа Н. Н. Аноева: «Вы, наверное, помните ГИТИС, «Фуэнтеовехуну», Фрондозо... монолог Лауренсии, а вокруг гордые, сильные люди — горцы! Они стояли и плакали. Плакали скупыми мужскими слезами. А мы вместе с Ильей Яковлевичем Еланским плакали в зале. Часто на репетициях мы становились не педагогами, а зрителями. И было еще тогда главное у нас в жизни — молодость, полная надежд и ожиданий...»³¹. Спектакль «Овечий источник» Лопе де Вега

³¹ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 26, л. 1—3.

открыл зрителям-студийцам и профессорам ГИТИСа, присутствовавшим на репетиции, талант двух студентов: Кайсына Кулиева, исполнявшего роль Фрондозо, и Шарифы Кучмезовой — исполнительницы роли Лауренсии. Это были их первые роли, но уже в этом спектакле они обратили на себя внимание многих преподавателей театра, отметивших особенно игру Шарифы Кучмезовой. «Она играла великолепно, в традициях великой Ермоловой», — говорили старые педагоги. Впоследствии Ш. А. Кучмезова станет заслуженной артисткой КБАССР, проработает многие годы в театре и, уйдя на отдых, всегда будет помнить первую свою роль, когда она играла вместе с Кайсыном Кулиевым. А Кулиеву не суждено было стать известным актером. Он ушел с 4-го курса ГИТИСа. А его товарищи, с которыми он учился в ГИТИСе, в том числе и Шарифа Кучмезова, успешно окончат институт и летом 1940 года вернутся из Москвы на родину. Это будут первые выпуски кабардинской и балкарской студии ГИТИСа, воспитанием и обучением которых постоянно интересовались художественный руководитель института, народный артист СССР Л. М. Леонидов и основатели МХАТа, народные артисты СССР К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко³². Способные выпускники, прошедшие пятилетнее обучение в институте, стали основой жизни Кабардинского и Балкарского государственных драматических театров, их имена известны: Мухарби Сонов, Буха Сибекова, Тима Жигунов, Каласа Балкарова, Зулихан Куралаева, Ахмат Куддаев, Фатимат Ахкобекова, Таубий Рахаев, Хизир Чабдаров, Магомет Чипчиков, Тамара Залиханова, Омар Балаев, Абдул-Хашим Мокаев, Атлы Бачиев, Муса Узеев, Шарифа Кучмезова, Абидат Биттирова. Впоследствии они стали видными деятелями культуры, известными артистами своей республики; некоторые из них погибли, защищая Родину в годы Великой Отечественной войны. Их всех хорошо знал, с ними учился четыре года Кайсын Кулиев, все они вместе тогда, в 30-е годы, жили активной творческой жизнью, пламенными мечтами о создании своего национального театра, желанием приносить радость не только любителям искусства, но и всем жителям Кабар-

³² См.: Хутуев Х. И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 103.

дино-Балкарии. Все они стали участниками торжественного открытия обоих государственных национальных театров, вылившихся в большой праздник торжества. Это было 26 октября 1940 года. Но среди них не было уже Кайсына Кулиева: он добровольно ушел служить в ряды Советской Армии. С ним тепло попрощался и пожелал ему успехов там же, в военкомате, Жанаканит Жунусович Залиханов, председатель военной комиссии.

Все это произойдет позднее, а тогда, в 1937—1938 годы, Кулиев много внимания уделял, как мы уже писали, переводам. В переводах, по словам современников Кайсына, он явил довольно высокое мастерство. Пьесы, переведенные им на родной язык, вошли в репертуар балкарского театра. Вспоминая первый сезон национальных государственных драматических театров, бывший министр культуры КБАССР К. К. Эфендиев писал: «Успешно прошли и первые выступления коллектива Балкарского государственного драматического театра, показавшего в постановке профессора Судакова спектакли «Овечий источник» Лопе де Вега, «Бронепоезд № 14-69» Всеволода Иванова и «Проделки Скапена» Мольера. В них проявилось актерское дарование Шарифы Кучмезовой, Ахмата Кудаяева, Таубия Рахаева и других исполнителей»³³. Хочется отметить немаловажное, на наш взгляд, и другое высказывание. Рассказывая о себе, Шарифа Нануевна Кучмезова вспоминала, как приняли балкарцы спектакль «Овечий источник» в день открытия национального театра, когда она играла на сцене, исполняя роль Лауренсии: «Театр был переполнен. Лопе де Вега звучал на моем родном языке и как звучал! Надо было видеть лица присутствующих, их восторг и переживания. Я считаю и считала тогда, что Кайсын Кулиев дал возможность своим землякам встретиться с героями испанского писателя и почувствовать величие и яркость его слова. Перевод был замечательный. Обо мне и говорить не приходится: я ликовала, и когда кончилось представление и меня обнимал и поздравлял Кязим Мечиев, я поняла: была сенсация»³⁴. Сам же поэт очень скромно писал: «...мне думается, переводы мои были далеко не совершенны. Недавно я перевел

³³ Кабардино-Балкария под солнцем Великого Октября: Сб. статей. Нальчик, 1967. С. 185.

³⁴ Личный архив авторов.

«Отелло». Это, наверное, сделано лучше»³⁵. Позднее Кулиев перевел драму Г. Лорки «Кровавая свадьба», и она с успехом шла в госдрамтеатре имени Али Шогенцукова в постановке народного артиста КБАССР Бориса Кулиева. В последние годы жизни Кайсын Кулиев работал над переводом пьесы «Ерма» испанского писателя, но не закончил.

Учеба в двух институтах глубоко обогатила начинающего литератора, дала ему высокую культуру мышления, развила и отточила в нем природный талант.

Здесь же, в Москве, произошло большое событие в личной жизни поэта. В театральном институте он встретил девушку на четыре года моложе себя — Тамару Залиханову, которая поступила в этот же институт годом позже, и он сразу выделил ее из вновь прибывших молодых горянок. Умная и внешне привлекательная, она сразу обратила на себя внимание и преподавателей, и студентов. Режиссер И. Судаков еще в Нальчике, когда набирал группу молодежи для ГИТИСа, был приятно удивлен и правильной литературной речью молодой горянки, и ее какой-то особой интеллигентностью, поэтому дважды спросил ее: «Вы балкарка?» «Да, — смело ответила Тамара. — Мой отец Асланток Залиханов, балкарец, родом из Баксана. Я же родилась и выросла в городе Нальчике. Здесь окончила семилетку». Биографические данные ее знали, о ней все рассказал И. Я. Судакову друг их семьи Касым Акаев, дальний родственник Кайсына Кулиева. Он-то и привел девушку к Судакову и просил обязательно ее включить в число группы, которая будет отобрана для театрального института.

Экзаменовал Тамару Аслантоковну Залиханову сам руководитель мастерской актера профессор И. Я. Судаков. На его вопрос, чтобы она хотела исполнить, она пожелала прочитать «Письмо Татьяны к Онегину». Поклонник классической школы чтения, он был доволен декламацией своей будущей ученицы, а Тамара первый успех своего исполнения объяснила подругам, которые «болели» за нее, случайной удачей. Она была принята в ГИТИС.

Год учебы, проведенный вместе с Кайсыном Кулиевым, сблизил их духовно. Она умела слушать его стихи и уже тогда понимала, что перед ней большой поэт с благород-

---

³⁵ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 437.

ными устремлениями. Часто они серьезно разговаривали вдвоем о будущем, о театре, где они будут работать, вернувшись на родину. Да, Тамара Аслантоковна будет одной из лучших артисток первого национального драматического театра КБАССР и отдаст всю свою жизнь делу служения этой благородной профессии. Пройдут годы, и ее коллеги-друзья торжественно проводят на заслуженный отдых Тамару Залиханову в 1975 году. Но тогда, в Москве, они не могли и предположить, как сложно и драматически сложатся их судьбы, что иными станут их чувства друг к другу, и они попадут в круговорот трагических событий...

Они любили друг друга. Тамара своим чутким сердцем понимала, что восприятие жизни у них общее, что у них одни интересы и цели, их многое связывает. Однако где-то в глубине души она тревожилась: а как сложится в будущем ее личная жизнь с таким поэтически-мечтательным, быстро увлекающимся человеком, «счастливым первенцем творенья, полным веры и любви», как она в шутку называла его? Называла так потому, что он часто ей читал «Демона» Лермонтова, иногда чуть-чуть изменяя его текст: «При виде вас, Тамара, я слов коварных искушенья найти в уме своем не мог», или: «Я царь познания и свободы. Я враг небес...» и т. д. А уж клятву Демона читал всегда вдохновенно и страстно. Кайсын не скрыл от нее своей романтической любви к Лейле, внучке Кязима Мечиева, того, что он написал и посвятил ей стихи «Мне кажется, что все певцы на свете...» (1936), «Лейле» (1938), «Еще три песни Лейле» (1938).

Поставив в известность родителей, они решили поженились. Препятствий не было: родители с той и другой стороны были согласны. Кайсын и Тамара зарегистрировались в 1937 году в Москве. Фамилию Тамара пожелала оставить свою. Вскоре молодожены получили комнатку в общежитии для семейных около ВДНХ в Алексеевском студгородке и продолжали упорно учиться высокому актерскому искусству. Когда начались каникулы, молодая чета приехала в июле этого же года в Нальчик. Мать Тамары — Муслимат Султановна встретила их, как и подобало, по горским обычаям. Все родственники из рода Кучменовых пришли поздравить Тамару и Кайсына, принесли подарки, желали счастья на долгие годы. Родной брат Муслимат — Кучменов Хасанби собрал всех родственников в Шалушке и устроил вечер в честь приезда молодых.

Погостив два месяца у матери Муслимат Султановны в Нальчике и в родительском доме в Нижнем Чегеме, Кайсын и его жена к сентябрю уехали в Москву: их ожидала учеба в ГИТИСе и в Литинституте. В начале 1939 года в ожидании ребенка Тамара Аслантоковна уехала к матери в Нальчик, а 28 марта у Тамары и Кайсына родилась дочь. Назвали ее Жанной. И когда девочке исполнилось семь месяцев, Тамара вместе с дочерью и матерью поехала к мужу в Москву. В семейном общении теперь они поселились втроем. Кайсын и Тамара учились, а Муслимат Султановна смотрела за ребенком. Жили дружно. Теснота и многие неудобства не мешали им быть счастливыми. Семейные заботы не отвлекали Кайсына от работы над стихами. Все написанное им за эти два года радовало близких друзей, его самого и Тамару. Стихи отличались разнообразием тематики, новизной содержания и формы. Он все дальше уходил от формалистических издержек поэзии 20-х годов, от декламационного стиля агитационной лирики 30-х годов к более точному изображению жизни и родной природы. («Утро мне всего милее...» — 1935, «Здравствуй, утро!» — 1936, «У садовника» — 1936, «Ты ночью родилась...» — 1936, «Дождь сечет бичами скалы...» — 1936, «Мне кажется, что все певцы на свете...» — 1936, «Пускай меня любая спросит мать...» — 1936, «Аробщик» — 1937, «Утром под солнцем весны золотая...» — 1939 и др.) Как видно, вначале это были поэтические зарисовки, написанные на основе детских и юношеских впечатлений, но уже в них есть свои поиски и подлинные поэтические находки. Это «Песенка мальчишка, едущего на ослике» (1937), «Песенка горной речушки» (1937), «Снежок» (1937), «Мальчишка и теленок» (1935), «Во дворе» (1936), «Мальчишки и козлята» (1936). В этих чистых и свежих стихах отразилось биение сердца родной земли, бесценные пейзажи «малой родины», то, на что был обращен поэтический взгляд. Поток утреннего света и счастья окрыляет. Для выражения непосредственных впечатлений, душевного состояния поэт находил точные и яркие слова: «Утро мне всего милее...» (1935), «Здравствуй, утро!» (1936). «В стихотворениях этой поры,— писал известный критик И. Гринберг,— он воспел «утро со светлым лицом, с пением проснувшихся птиц, с хлопотами людей», он посылал привет «звонким садам... зрелым плодам... ветру, бегущему с гор», облакам, в Грузию уплывающим. В этом

подборе нежных и светлых красок не было никакого наигрыша и нарочитости. Они отражали радость новизны, проникшей в горскую жизнь, покой ладного, любимого труда, очарование дружбы, сплотившей людей»³⁶. Юношеские, порой романтически окрашенные стихи дороги были Кулиеву и в последующие годы. «Они оправдывают искания мои тех лет,— говорил он,— и стали как бы истоком всей дальнейшей моей работы, связав со всем мне родным в жизни, с фольклором, а также с традициями русской и общеевропейской поэзии. Кроме того, они доказали мне правоту и необходимость остаться верным избранному пути»³⁷. Возвращаясь не раз памятью к тем годам, когда он «по молодости лет» «песни пел беспечно», Кулиев оставался по-прежнему верен своим идейно-эстетическим установкам раннего творчества («И я по молодости лет...» — 1974):

Вполне осознанно и мудро,
Сегодня так же, как тогда,
Я повторяю: «Здравствуй, утро!»
И «Здравствуй, чистая вода!».

И «Здравствуй, небо, луг с травой!».
И «Здравствуй, хлеб, что мы едим,
Хоть я и знаю: ты порою
Бываешь черствым и скупым!».

Перевел Н. Гребнев

---

³⁶ Гринберг И. Счастливое искусство удивляться // Молодая гвардия. 1974. № 11. С. 257.

³⁷ Советские писатели. Автобиографии. М., 1972. Т. 4. С. 343.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НАЛЬЧИК

К вам вернулся я, горы мои.

К. Кулиев.

вою трудовую деятельность Кулиев начал с 1939 года заведующим балкарской секцией Союза писателей Кабардино-Балкарской АССР.

Закончив учебу в Москве, он вернулся вместе со своей дочкой и Муслимат Султановной в родной город. Тамара Аслантоковна оставалась еще на год, чтобы закончить театральный институт. Она снова поселилась со своими подружками в общежитии Трифоновского студгородка.

Кайсын стал жить в доме матери Тамары, у своей тещи Муслимат Султановны Залихановой, по улице Мало-Кабардинской, дом 21. В этом доме и прошли два последних мирных года жизни поэта перед Великой Отечественной войной. Жил с ними еще сын Муслимат Султановны — Измаил (1919—1943). Он был на два года младше Кайсына. Очень любил свою маленькую племянницу Жанну, заботился о ней и всячески старался заменить ей мать, когда оставался с ней один. Но ему было не суждено увидеть ее взрослой девушкой. Когда началась Великая Отечественная война, он ушел защищать Родину. Из письма Тамары Кайсын узнал, что Измаил пропал без вести. Потом будет установлено, что Измаил Залиханов не пропал без вести, а погиб смертью храбрых под Курском в 1943 году. Было ему только 20 лет. Кайсын будет тяжело переживать смерть Измаила: он любил этого одаренного юношу, уважал его за твердый характер, благородство души.

Тогда, в те предвоенные годы, особых средств к существованию у Кулиева не было, а надо было помогать матери, Тамаре, содержать семью. И Кайсын стал работать по совместительству в пединституте, где год преподавал литературу. Все заботы о маленькой дочери легли на ба-

бушку, которая и дождалась первых шагов ребенка, учила главным словам «мама», «папа», берегла и всячески заботилась о ней. Она была женщиной ласковой, трудолюбивой, много повидавшей горя. Очень любила своего зятя-поэта, дорожила им, переживала вместе с ним его первые неудачи по работе, когда он приходил взволнованный, возбужденный и делился с ней своими тревогами о людской несправедливости.

Причин для переживаний хватало. И главная из них — это отрицательное отношение областной писательской организации к его сборнику стихов «Здравствуй, утро!». Рукопись пролежала в издательстве три года. Сначала ее бурно обсуждали в Союзе писателей республики еще летом 1937 года, но никакого решения не приняли, ни к какому выводу не пришли. В чем же была причина? Вот как ее объяснил сам поэт: «Справедливости ради должен отметить: стихи эти не находились в общем поощряемом русле поэзии того времени, и, как автор их, в те годы я был почти одинок не только в балкарской, но и во всей горской поэзии. Потому-то мои поиски и маленькие находки не встречали поддержки со стороны большинства старших стихотворцев и критиков, потому я не избежал нападков и обвинений»³⁸.

Судьба первой книги очень волновала Кайсына, и он отвез ее на более объективный суд в Правление Союза писателей СССР. Кайсын понимал, что не все его стихи хороши. «От многих же стихов сборника с удовольствием отказался бы, — писал он позже, — да сделанного не воротишь»³⁹. Однако знал и другое: были и необъективные оценки его произведений, особенно таких, в которых ощущалась новизна содержания, отход от старых форм и канонов, риторики и напыщенного словословия. Возвращаясь памятью к тем дням и годам, Кулиев писал: «При всей слабости и риторичности многих стихов, видимо, были в ней вещи, которые несли какую-то непривычную для балкарской поэзии тех лет новизну. Должно быть, поэтому старшие товарищи протестовали как раз против тех сторон моей работы, которые я старался развить в дальнейшем... Были горькие, несправедливые упреки и обвинения... Пусть

---

³⁸ Советские писатели. Автобиографии. М., 1972. Т. 4. С. 344.

³⁹ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 438.

останутся на совести моих критиков тех лет все беспочвенные требования. Нас рассудило время»⁴⁰.

После вмешательства Правления Союза писателей СССР весной 1940 года вышла первая книга стихов Кайсына Кулиева «Здравствуй, утро!». Поэт испытывал необыкновенное чувство творческого подъема и радости. То, что он хотел рассказать людям, он поведал. «Мне хотелось назвать радостное радостным, горькое горьким, передать свои ощущения эмоционально и образно»,— говорил он о своем первенце и уже больше никогда не испытывал подобных чувств. Мечта юности сбылась. Накупив побольше экземпляров своей книги, Кайсын первым делом поехал поделиться радостью с матерью и земляками. Мать отнеслась со спокойной сдержанностью, хотя в душе была несказанно рада за сына, а сестра Мариам ликовала: она покажет эту книгу стихов брата своим детям, коллегам по работе. «Какое это счастье,— думала она,— что на книжной полке в школьной библиотеке, где когда-то учился Кайсын произносить первые слова по-русски, теперь будет стоять книга с его именем!»

Успех Кулиева на литературном поприще был стремительным и неожиданным. В нем еще при Кязиме Мечиеве увидели большой талант люди разного возраста и разных общественных положений, неповторимую яркую индивидуальность поэта, как бы пришедшего на смену мыслителю и мудрецу Кязиму Мечиеву. Это отметили сразу писатели Берт Гуртуев, Али Шогенцуков, Ю. Либединский, Н. Тихонов, А. Фадеев, В. Казин, Д. Кедрин. И сам Кязим Мечиев, несомненно, почувствовал в Кулиеве преемника, уверовал в опоспособность этого молодого горского паренька из Чегема придать иной поворот его творческим замыслам и художественным образам. «Я многим обязан ему,— писал Кулиев в 1966 году,— его замечательной образности, сжатости, драматизму и правдивости поэзии, его мудрости и человечности»⁴¹. Встретились эти два великих горских поэта в последний раз летом 1940 года. Кязиму было 80 лет, а Кайсыну — 22. В эту довоенную поездку в аул Шики К. Кулиев, Ю. Либединский, В. Казин и другие жили в гостях у старого ашуга несколько дней. Они видели Кязима в сакле среди родственников, за работой в кузни-

---

⁴⁰ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 439.

⁴¹ Там же. С. 435.

це, разговаривающим со своими односельчанами. «Я беседовал с ним подолгу,— вспоминал Кулиев. — Чего еще лучшего я мог желать! И сейчас вижу его неторопливо раскрывающим томик Хафиза в маленькой комнате с каменными стенами, где находились его книги и где в одиночестве он писал стихи»⁴².

В честь приезда московских гостей в сельском клубе провели литературный вечер, на котором звучали стихи и Кязима Мечиева, и Кайсына Кулиева. Старший передавал поэтическую эстафету младшему поколению. «Он читал первым, читал сидя свои старые стихи, в которых тревоги и беды ночным снегом падают в дымоходы саклей горских крестьян, Кязим читал как-то особенно. Другой такой манеры чтения стихов я не встречал. Еще до этого приезда я неоднократно пытался имитировать манеру чтения Учителя при нем. Он смеялся. Видимо, у меня ничего не получалось,— вспоминал Кайсын. — На вечере в Шики, слушая Кязима, все плакали — и старые неграмотные крестьяне, и школьники. Затем стали выходить на эстраду один за другим старики и старухи. Они читали наизусть стихи своего земляка. Это не могло не удивить любого. Такое встречается очень и очень редко.. Это говорило о том, что его стихи жили, подобно пословицам, в душе народа, а не определенного круга читающих людей»⁴³. Это была памятная встреча для обоих поэтов. После они уже никогда не встретятся. Кязим умрет в 1945 году в Талды-курганской области Казахстана. Об этом Кулиев узнает после войны и сделает все для того, чтобы поэзия Кязима Мечиева заняла достойное место в балкарской литературе и память о нем вошла в каждый дом немногочисленного балкарского народа, живущего в ущельях и предгорьях Центрального Кавказа, между Эльбрусом и Казбеком. Это была тяжелая потеря на жизненном пути Кайсына (на войне смерть была как-то оправдана!), и он долго не мог с этим примириться и тогда, когда узнал о трагическом факте. Помнил и тогда, когда писал о нем статьи, очерки, стихи...

Этот последний предвоенный год для Кайсына Кулиева был насыщен большими событиями и незабываемыми встречами. Так, он познакомился с писателем А. А. Фадее-

---

⁴² Мечиев К. Огонь очага: Стихи. М.: Худож. лит., 1970. С. 8.

⁴³ Там же.

евым, с которым виделся в Орджоникидзе в 1939 году во время празднования юбилея Коста Хетагурова и в Ереване этого же года на юбилее эпоса «Давид Сасунский», и с поэтом Д. Н. Кугультиновым. В Калмыкии торжественно отмечалось в 1940 году 500-летие эпоса «Джангар». На этот праздник приехали известные писатели во главе с Фадеевым. Приехал сюда от Союза писателей КБАССР и Кайсын. «Мы встретились с ним и подружились,— писал Д. Кугультинов,— потому что были близки друг другу по духу, потому что понимали друг друга с полуслова». Глубокие духовные узы связали поэтов на всю жизнь. Родило их многое: почти вместе начинали поэтический путь, воевали в годы Великой Отечественной войны, перенесли тяжелые беды, долгие годы были связаны общественной работой в секретариате правления Союза писателей РСФСР и СССР и многое и многое другое. Вот как об этом писал сам Кугультинов: «Я прошел войну. Прощел войну и Кайсын. С ним были рядом друзья. Со мной были рядом друзья. И тогда мы физически ощущали силу дружбы. Тут уж ничего абстрактного не было. Война определяла человека, как лакмусовая бумага определяет кислоту. И там мы говорили: «С этим я пойду в разведку». Но если уж ты определил — значит, есть соответствие, совпадение точек. И войну, быть может, мы выиграли оттого, что была такая дружба, которую потом назвали дружбой народов, моральным духом или высотой нравственного начала»⁴⁴.

Сороковой год был памятным для Кайсына не только тем, что он был в долгом общении со своим Учителем, как любил Кайсын называть Кязима Мечиева, но и другим волнующим событием: он стал членом Союза писателей СССР. Те, которые дали ему рекомендацию, отмечали в его стихах искренность и вдохновенность, щедрость души и самобытный талант. Кайсын сразу стал вровень с первыми балкарскими поэтами и писателями, которых он и тогда во многом превосходил. Желание Кайсына осуществилось: он стал признанным официально писателем. А впереди его ждала творческая работа, сил было много до невероятности. Все получалось и удавалось: и курс лекций по литературе в пединституте, который он успешно прочитал студентам зимой и летом 1940 года, и работа в балкарской

---

⁴⁴ Литературная газета. 1982. 27 октября.

секции Союза писателей республики. Но иногда жажда полнокровной и полновесной жизни сменялась тревожными предчувствиями каких-то надвигающихся суровых испытаний. Казалось бы, все складывалось хорошо: жена Тамара оканчивала Театральный институт, довольна своей профессией, есть любимая работа, подрастает дочурка. Ее Кулиев любил самозабвенно и всегда тревожился о ее судьбе.

Ложится снег, и вновь вдали от дома
Мне слышится твой голос в тишине.
Я слышу вдалеке раскаты грома,
И за тебя, как прежде, страшно мне.

Меня к истокам возвращает память,
Мне видится, как много лет назад,
Тебя, обвиншую меня руками,
Несу я из дому в зеленый сад,—

писал Кулиев в стихотворении «След полдня, миновавшего когда-то...», посвященном Жанне Кулиевой.

Пытаясь понять поток собственных мыслей, Кайсын старался разобраться, отчего снова и снова он возвращается к ощущениям об опасности, которая нависла над его мирным очагом, родным краем, Родиной. Поэтому в конце июня 1940 года, после приема экзаменов у студентов Кабардино-Балкарского пединститута, Кайсын уезжает из Нальчика и добровольно уходит служить в ряды Советской Армии, чтобы защищать Родину. Жена и маленькая дочурка остаются на попечении Узеирхан и тещи Муслимат Султановны Залихановой. Кайсын писал: «...приняв экзамены у студентов, всем поставив «отлично» и «хорошо», я уехал в Красную Армию... Тогда мы не представляли себе размеры предстоящих испытаний и бедствий. Мы в тот вечер никак не думали, что одни из нас погибнут на фронте, а другие через пять лет встретятся так далеко от родных гор... Не вернулись с фронта и многие из моих студентов»⁴⁵.

Молодой поэт острее других чувствовал и осознавал надвигавшуюся войну, поэтому-то он ушел добровольцем учиться теперь уже военному искусству побеждать. Это решение поэта Юрий Грибов тоже объясняет создавшимся тревожным положением: «Для балкарского маленького

---

⁴⁵ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 441.

аула слово «учитель» звучало тогда так, как звучит сейчас слово «космонавт». Но отказался вскоре Кайсын Кулиев от этой почетной должности. Время было тревожное, и он добровольно ушел в Армию»⁴⁶.

Объяснение этому поступку найдем и в его строках:

...Я теперь среди людей,
Дом забывших, правды ради.
Ради счастья Родины своей.

Перевела Ю. Нейман

Уезжая на службу в армию, Кайсын дал телеграмму в Москву жене Тамаре. Она в это время собиралась потихоньку в дорогу, ведь до окончания учебы оставались считанные дни. Неожиданно получила от Кайсына телеграмму, в которой коротко сообщалось о том, что он такого-то числа будет проездом, просил встретить его на станции «Москва-Сортировочная». Тамара Аслантоковна и родственник Кайсына Хашим Мокаев (он учился с Тамарой на одном курсе) пошли встречать поэта. Поезд прибыл днем с большим опозданием. Кайсын вышел из вагона, обнял друга, несмело поцеловал жену. Видя ее взволнованное лицо и заплаканные глаза, стал торопливо и бодро говорить о том, что он скоро вернется, время пролетит быстро, и служба в Красной Армии необходима ему и Отечеству. Тамара спросила: «Как там, в Нальчике? Мама здорова? Жанночка ждет меня?» — «Да, здорова,— ответил Кайсын, радуясь тому, что разговор перешел на другую тему. — Все тебе шлют приветы и ждут, что скоро приедешь домой. А доченька ждет маму больше всех!» Кайсын улыбался, шутил. Он был коротко подстрижен, темная сатиновая рубашка ладно сидела на нем, а лицо, как отметила про себя Тамара, было похудевшим, встревоженным. Говорили минут пятнадцать. Вскоре раздалась команда занять места. Солдаты-новобранцы вскакивали на ходу в вагоны. Кайсын тоже ловко вскочил в свой вагон. Последними словами, которые расслышала Тамара, были: «Жди. Я вернусь!» Хашим и Тамара стояли на перроне, пока не скрылся последний вагон. Не знали они тогда, что это были не просто призывники, а будущие защитники Родины, многие из которых погибнут в первые же дни Великой Отечественной войны.

⁴⁶ Грибов Ю. Певец из Чегема // Советская Россия. 1977. 1 ноября.

СЛУЖБА В КРАСНОЙ АРМИИ. ВОЙНА

Навстречу буре боевой мы встали,
Как верные Отечества сыны.

К. Кулиев

Оместе с Кайсыном Кулиевым в одном вагоне ехали и его земляки: студент сельхозтехникума Маммат Жабоев, родом из Нижнего Хулама, хорошо тогда уже известный балкарский журналист Хасан Кудоев и только что окончивший школу Хусей Мечиев. Еще в Нальчике, садясь в эшелон, Кулиев подумал: «Хорошо бы было, если б Маммат попал со мной в одну часть». Он понравился Кайсыну своим доброжелательным, открытым лицом и приветливой улыбкой. Так и случилось. Они вместе попали в Заполярье, в район города Кандалакши, в 217-й стрелковый полк 194-й стрелковой дивизии. Здесь и началась их военная служба.

Вместе с ними был и Сергей Кучинский. Многое было для них новым и непривычным. Привыкшие к темным южным ночам, они не могли долго освоиться с тем, что ночь здесь в определенное время года совсем не наступала. Трудно было попервоначально привыкать к размеренной и четкой армейской дисциплине. Командиром роты, где служил Кайсын, был прославленный участник финской кампании лейтенант Шарыпин. Он был интеллигентным человеком, любил душевные беседы и иногда говорил с кавказцами об их родине, обычаях, культуре. Шарыпин знал, что Кайсын поэт, и в свободные от занятий часы просил его почитать стихи. А когда командир батальона капитан Беляков узнал о том, что Кайсын учился театральному искусству в Москве, то предложил ему и его товарищам организовать самодеятельность в батальоне. Кайсын и его друзья выступали перед полковой и гарнизонной аудиторией ⁴⁷.

⁴⁷ Черкесов М. Гвозди бы делать из этих людей // Кабардино-Балкарская правда. 1991. 14 августа.

Служба в стрелково-пехотном полку Кайсыну совсем не нравилась, ему хотелось быть кавалеристом. Но через некоторое время Кайсын изменил свое решение и попросил, чтобы его и рядового Жабоева Маммата перевели в парашютную часть. Заявление Кулиева удивило замполита и комроты. Они знали, что он поэт, имеет уже напечатанную книгу, состоит членом Союза писателей СССР с 1938 г., знали и другое, что избранный поэтом род войск — самый трудный и опасный. Об этом прямо и сказали солдату Кулиеву, на что он ответил: «Поэт не только должен писать о трудностях и опасностях, но и сам их должен испытывать и преодолевать!» Вскоре просьбу его удовлетворили и вместе с его земляком Мамматом Жабоевым отправили на три месяца в город Пушкин (бывшее Царское Село). Здесь они сначала учились прыгать в любое время суток и в любую погоду, с разной высоты с трамплина и с вышки, а затем, когда их отвезли в летние лагерь 201-й парашютно-десантной бригады имени С. М. Кирова, Кулиев стал совершать прыжки с бомбардировщика ТБ-3 и с разных других самолетов. «Мне нравилась эта опасная, но увлекательная служба,— писал об этих днях поэт. — Она требовала от людей большой отваги»⁴⁸. Вспоминая об этих днях учебы, о трудностях и чувстве страха перед первым прыжком с самолета в темную бездну, Маммат Жабоев рассказывал Наршаовой Сакинат Адиковне спустя много лет: «Мы были смелыми ребятами-десантниками, но первым из нас сделал прыжок с самолета, как и все другие прыжки, наш любимый Кайсын, наш полковой поэт. Он подал нам пример решимости, выдержки, собранности и, я бы сказал, бесстрашия. В последующие тренировки нам было уже легче, чувство боязни высоты исчезло. Мы все были благодарны нашему земляку. А он, смеясь, часто повторял слова, когда замечал на наших лицах тревогу или нерешительность:

— Орел мой, ко мне!»

Этот выразительный заголовок одного из стихотворений поэта стал емкой метафористической формулой жизненного поведения Кайсына, когда ему было особенно трудно.

---

⁴⁸ Кулиев К. Я пришел с гор. С. 10.

Когда война срывала с петель двери
И ветер гнул меня, угрюм, тяжел,
Я говорил, в судьбу упрямо веря:
— Ко мне, родной орел!

Перевел Д. Голубков

Возвращаясь памятью к тем годам, бывший десантник Маммат Жабоев продолжал: «Кайсын всегда приходил к нам, читал стихи мне на балкарском языке и читал по-русски. Мы знали, что писал он их по ночам, в свободное от полетов время... Его очень любили в 1-м батальоне, где он служил, а знали его как поэта, не преувеличу, если скажу, во всем полку. Вместе мы прослужили с Кайсыном один год. 24 июня 1941 года нас расформировали. Кайсын попал в десантные войска и уехал в другое место. К сожалению, мы не переписывались в годы войны, затерялись наши дороги и адреса, мы были очень далеко друг от друга. Но год, проведенный вместе с ним как раз перед самым началом войны, запомнился на всю жизнь».

Счастье и утешение от всех тревог и забот Кайсын находил в поэзии. Возможности писать и обдумывать творческие замыслы у него были, и он много и упорно работал, когда освобождался от прыжков с парашютом. Командование части, в том числе командир бригады генерал Безуглый и комиссар Киреев, относились к молодому поэту-горцу по-отечески, опекали его, заботились и вообще относились к нему с большим уважением. Ведь они понимали, что парашютист Кулиев был единственным членом Союза писателей СССР из всех, кто был зачислен в эту бригаду за всю ее историю. Чувство благодарности к этим военным людям с такой чуткой душой Кулиев пронес через всю жизнь. И уже в середине 70-х годов он вспомнит добрым словом и тех, с кем тогда ему пришлось служить. «Вместе со мной служили замечательные ребята — сильные, смелые, грамотные»⁴⁹. Был в части еще один человек, которому доверялся поэт: читал только что написанные стихи, советовался. Это был врач Абусаид Исаев, родом из Дагестана, по национальности кумык. Он отлично понимал балкарский язык, и Кулиев, вечно занятый своими мыслями, образами, рифмами, изливал, как говорят, перед ним свою душу. Абусаид всегда внимательно слушал поэ-

⁴⁹ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 441.

та, восхищался им и говорил, что Кулиев будет знаменитым и его славное имя войдет в историю культуры народов Северного Кавказа. «Только вот признаешь ли меня, когда я после войны приеду со своей женой Резедой к тебе в гости?!» — шутил он. Юная горянка из Гуниба, его милая Резеда училась в Ленинграде, там она останется работать в госпитале, когда начнется война.

Кайсын Кулиев расстался с Абусандом Исаевым весной 1941 года, когда в мае всю бригаду перебросили в Латвию. Кулиев попал в город Даугавпилс (Двинск). Здесь еще больше ощущалось приближение грозных лет, предчувствие войны охватывало всех. Прощаясь друг с другом, они не знали, что больше никогда не увидятся, что Абусаид в одном из боев получит тяжелое ранение, но все-таки будет продолжать оказывать помощь раненым и умрет, стоя за операционным столом. Об этом Кулиев узнает, находясь в чебоксарском госпитале из рассказа Николая Тихонова «Дети гор», посвященного этой славной чете — Абусаиду Исаеву и его жене Резеде. В палате, где лежал Кулиев, очерк читали все: и раненые, и больничный персонал. Кайсын рассказывал им об этой славной семье, с честью выполнившей долг перед Родиной.

«...Истекая кровью,— взволнованно читал Кулиев,— он оперирует одного за другим шесть человек, и приносят его друга, которому он обещал сам оказать помощь в случае беды. И он собирает последние силы и говорит: «Моя рука не дрогнет, я обещал это тебе, дорогой!» И он блестяще сделал операцию... Страшная разрядка потрясла его перенапряженный организм. Он выронил инструмент, покачнулся и упал бездыханным. Герой-врач, пожертвовав собой, спас в этот день семь жизней. Седьмым был русский, лейтенант Петров»⁵⁰.

За четыре месяца до начала Великой Отечественной войны, почти на рубеже войны и мира, Кулиев писал в стихотворении «Из тетради «В Старой Русе» (1941), обращаясь к матери:

...добрая моя!
Твой сын здоров. Он учится упорно,
Как защищать родимые края —
Тебя и близких — от напасти черной.

---

⁵⁰ Давыдов И. Он защищал Кавказ // Кабардино-Балкарская правда. 1971. 3 декабря.

Лишь мужество сейчас — надежный щит,
В нем — утешенье наше и опора.
Поверь, твоя любовь меня хранит...
Настанет день — твой сын вернется в горы!

Перевела Ю. Нейман

Слова поэта оказались почти пророческими в эту предвоенную предгрозовую атмосферу, он «чувствовал все нарастающую угрозу войны». Да и как было не тревожиться, когда к этому времени уже многие европейские страны находились под пятой фашизма. Там, где Кулиев писал эти строки, с апреля 1942-го по март 1943-го произойдут кровопролитные сражения с простым, казалось, названием — «бои местного значения». Старую Русу захватят гитлеровцы, осквернят и разорят «этот русский городок старинный». Он для Кулиева был дорог уже тем, что здесь когда-то Достоевский жил, «бродил по улицам глухим, глядя на бревенчатые срубы, думал о своем, смотрел, как дым в небо зимнее возносят трубы». Теперь здесь проходил службу Кулиев в парашютно-десантных частях, учился совершать прыжки, в свободное от занятий время писал стихи, постигая психологию и нравственные принципы советских бойцов и командиров, будущих героев Великой-Отечественной войны. «Возможности писать у меня были... Командование части относилось ко мне хорошо», — писал он. Именно в это время начала формироваться в поэте скрытая духовная сила, сила сопротивления и мужества, его идейно-художественные принципы, твердая убежденность в дружбе советских людей, вера в их единство и сплоченность. Поэтому он писал в феврале 1941 года:

За честь земли своей все вместе встанем
Неразделимым воинством одним,
В бою, в беде жестокой не обманем,
Что ни случись — ее не предадим!

Перевела Ю. Нейман

Эти слова, похожие на клятву, были произнесены поэтом в те дни, когда еще в Старой Русе и в лесу, окружавшем ее, не было блиндажей, наспех сделанных солдатских землянок, разрывов бомб, огневых ячеек, траншей и окопов, горя и смерти. А были, по словам поэта, зимний бор, сухой и легкий снег, юные сосны и вековые ели в царстве сна — все, как в сказке небывалой. И главное —

«столько белизны и света», спокойствия, «как будто в мире: больше нету зла, ни горя, ни войны».

И тишина стоит такая
В большой стране, в лесном краю,
Что, кажется, я здесь твою,
Россия, душу постигаю!

Перевела Ю. Нейман

Так думал поэт в январе сорок первого в Старой Русе, когда он «утром, встав на лыжи», «в зимний бор направил бег...».

Сюда к нему в мирные дни приезжала жена Тамара Аслантоковна. Восемь месяцев она не видела мужа с тех пор, как рассталась с ним на станции «Москва-Сортировочная», когда несколько минут они успели повидаться. Посоветовавшись с матерью, Тамара решила проведать Кайсына. По письмам она понимала, что он очень скучает о ней, дочурке, матери. В марте 1941 года она выехала поездом. На вокзале ее провожали Муслимат Султановна и ее родной брат Исмаил. Он держал на руках двухлетнюю Жанну и все просил Тамару не задерживаться ни в Москве, ни в Ленинграде, а сразу ехать к Кайсыну в Старую Русу.

По случаю приезда жены Кайсыну дали увольнительную. Два счастливых дня провели они вместе в старенькой, но уютной гостинице, гуляли в сосновом бору, утопая в предвесеннем мягком снегу, шутили, смеялись. И все казалось удивительным: сказочным и красивым. Пройдет время, и Кулиев в стихотворении «Из тетради «В Старой Русе» вспомнит об этих неповторимых минутах:

Вновь сегодня бор сосновый
Мне открылся вдруг в метель
Незнакомой сказкой новой,
Мной не слышанной досель.

Перевел Н. Коржавин

И трудно было представить обоим, молодым и счастливым, что через три месяца начнется война, и они расстанутся, а через год — всего через год! — в 1942 году здесь пройдет передовая, огненная линия фронта, погибнут сотни бойцов с верой в то, что и они ценою мужества, отваги и невероятных усилий приближали светлый и счастливый

мир грядущей победы. Обо всем этом напишет Кулиев, постигая нравственные принципы воюющего народа и жестокие законы войны.

Находясь в июне 1941 года в г. Даугавпилсе, Кулиев еще острее почувствовал накаленность атмосферы. «Мы тренировались, учились, начали заниматься немецким языком, — писал он. — Лагерь наш находился в лесу у небольшого озера. Помню 21 июня я лежал на берегу озера и читал трагедию Самуила Галкина «Бар Кохба», напечатанную в журнале. А на следующий день столкнулся с войной лицом к лицу, воочию увидел ее жуткий лик. Фашисты нещадно бомбили город и аэродром. Наши самолеты не поднялись — говорили, что не было горючего... Все вокруг было охвачено огнем. Советские войска отступали из Латвии»⁵¹. Об этих же первых днях войны писатель Николай Николаевич Яковлев с горечью писал: «Небо потемнело от германских самолетов, а наша авиация, застигнутая врасплох на аэродромах, понесла тяжелые потери: в первый день войны было уничтожено 1200 самолетов»⁵². Наши войска отступали, проходя, по словам Н. Н. Яковлева, через ад массированных ударов с воздуха.

В этих исключительно тяжелых условиях перед Кулиевым и небольшой группой парашютистов-подрывников была поставлена задача подготовить взрыв двух больших мостов через Западную Двину у Даугавпилса. Здесь Кулиев впервые увидел не только горе, но и мужество людей, которые хорошо осознали смысл приказа «стоять на смерть», но выполнить боевое задание. Это было священным законом жизни, хотя и жестоким по своей сути и необходимости. Задание было выполнено. Мосты рухнули в реку вместе с фашистскими танками и пехотой. О взрыве мостов (по одному ходили поезда, по другому — остальной транспорт и пешеходы) Кайсын Кулиев подробно рассказал на страницах своей биографии: как они заложили тонну взрывчатки и среди огня и дыма, под непрерывным обстрелом и бомбежкой ждали более суток, ждали, когда на мосту появятся вражеские танки. В эти часы ожидания поэт насмотрелся на горе и страдания беженцев. Он видел, как обессиленные старики и дети, девушки, с опухшими босыми ногами, с обезумевшими от страха глазами,

⁵¹ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 442.

⁵² Яковлев Н. Маршал Жуков // Роман-газета. 1986. № 1. С. 14.

всё шли и шли по мосту. Боль и горечь людей стали нетленной памятью поэта. Обращаясь к Латвии, он писал:

Тебя пришлось мне видеть в дни иные.
Горел песок твой, камень, валуны.
В твоей земле я хоронил впервые
Своих друзей в начале той войны.

Перевел Н. Гребнев

Всю жизнь Кулиев не мог забыть одного бойца-пехотинца, который плакал и кричал: «Что вы наделали! Мой друг на мосту остался!» Мост был взорван мгновенно, как только на него вступили головные танки противника. «И теперь мне видятся клубы дыма, куски металла и одинокий боец, бежавший с винтовкой в руках и вещмешком за спиной,— рассказывал Кулиев. — Выполнив приказ, мы шли через горящий город в лес...»

В начале той войны так путь был труден,
Что ныне не забыл я ничего.
Я помню: сосны падали, как люди,
Стеная в миг паденья своего.

Перевел Н. Гребнев

Вспоминая подвиг своих боевых друзей, Кулиев писал к 35-летию Великой Победы: «По поведению этой небольшой группы парашютистов-подрывников прозорливый человек мог бы тогда же сделать вывод, что такой народ непременно победит, несмотря на все тяготы и беды. В их выдержке и самообладании, в том, как они, в тяжелейших условиях выполняя задание командования, твердо и уверенно делали свое дело, ясно отразились те лучшие человеческие и военные качества, которые дали нам возможность в результате суровых сражений победить страшного врага и отстоять свое Советское Отечество»⁵³.

Годы Великой Отечественной войны — это трудный этап в жизни Кайсына Кулиева. Да и кому из советских людей было легко в это время? Кулиев испытал все, что пришлось пережить народу и нашей армии. Особенно тяжелым был сорок первый год, когда приходилось временно отступать и оставлять врагу большие территории. По его словам,

---

⁵³ Кулиев К. Письмо к сыну // Литературная газета. 1980. 7 мая.

отступая к старой границе, он участвовал «в непрерывных жесточайших боях, не прекращавшихся ни днем, ни ночью». На его глазах погибали сотни бойцов в боях за Латвию. «Горько было видеть гибель друзей, стыдно было перед населением за наше отступление», — писал он.

Уже в самом начале войны, проходя местами ратной славы, он познавал в пороховом дыму и пыли тяжелые дороги отступления, жестокие оборонительные бои и короткие часы отдыха, когда перед глазами вновь и вновь вставало человеческое горе. «Особенно тяжелое впечатление производили беженцы, ведь среди них было много стариков и детей, беспомощных, усталых, голодных. На белых бородах и бровях стариков лежала густая пыль сухих дорог — пыль беды, — писал Кулиев, — а девушки, действительно «с газельими глазами», такие красивые, казалось, рожденные только для счастья, шли с опухшими, избитыми в кровь ногами»⁵⁴.

Думая о тревожном времени, видя гибель боевых товарищей и нескончаемую даль прифронтовых дорог, Кулиев имел право сказать:

Я свой стих под воем шрапнели
Поднимал навстречу грозе,
Только губы мои бледнели
Над телами милых друзей.

Перевел В. Державин

Поэзия Кулиева военных лет свидетельствовала о том, что он прочно утвердился в своих гражданских позициях, до конца ощутив драматизм времени, его героизм и величие. Все это помогло созданию проникновенных строк о своих друзьях, о Родине и воюющем народе.

В первые дни войны Кулиев писал мало. Постоянная боевая тревога, готовность к подвигу ценой собственной жизни, утрата боевых товарищей, жестокие бои и ни минуты покоя — все это не способствовало творческому труду, но рождало уже отзвуки и мысли в душе поэта и истинного гражданина о народном подвиге, о гуманизме советского воина и о других многих вопросах войны и мира. Находясь в Латвии, он написал только два стихотворения «Перед боем» (1941) и «Как ждет орленок

---

⁵⁴ Там же.

мать свою...» (1941). «В первые дни войны,— заметил поэт,— было не до стихов. Но все равно мне как-то удалось еще в Латвии написать два стихотворения. Я послал их в газету»⁵⁵. Стихи были написаны на балкарском языке. Перевел их Н. Корнеев. 31 августа 1941 года они были опубликованы в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» под заглавием «Стихи о мужестве». «Поэт выражал в них искренние чувства патриота, верность Родине, воспевал мужество и героизм в битве с фашистами,— писал И. Давыдов.— В стихотворении «Содержание жизни» лаконично было сказано самое главное, что требовалось тогда от каждого»⁵⁶.

Когда мужества разворот
Для победы нужен Отчизне,
Будь мужественным, патриот,
В этом все содержание жизни.

С психологической достоверностью и глубиной выражены мысли бойца в письме к матери. Он убежден в том, что советский воин не предаст Отчизну, как лермонтовский Гарун, убежавший с поля брани и проклятый матерью за свою трусость, а будет биться до последних сил.

Твой сын, как трус Гарун, в ночи
В окно не постучит
И светлое твоё лицо
Ничем не омрачит.

Он, как мужчина, будет жить,
Умрет — так на посту!
Недаром ты его в себе
Носила, как мечту.

Когда Кулиев попал в Ивановскую область в составе все той же бригады, прошедшей с кровопролитными боями всю Латвию и потому направленной на переформирование, у него появилась небольшая возможность осмыслить огромность той беды и тех страданий, что нес фашистский вандализм, и художественно передать беспощадную жестокость врага и подвиги советских солдат. «Умение учиться на пережитом — неопенимая вещь. Нам, литераторам, очень полезно помнить это», — писал он.

⁵⁵ Лауреаты России. Автобиографии российских писателей. М., 1973. С. 108.

⁵⁶ Давыдов И. В. Летописцы огненных лет. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 9.

Бригада расположилась в лесу. Прекрасный сосновый бор, заглушавший шум и треск военной техники, располагал к эмоциональному настрою души и восприятию истины, которая не позволяла сглаживать драматичность событий войны, ее тяжелейшие испытания. Потому-то стих Кулиева уподобляется раненому воину: «Сегодня стих мой — раненый боец». Он «поднимается, кровью исходя», чтобы идти вперед. Во всех произведениях Кулиева 1941—1942 годов чувствуется трагическое мужество бойцов, когда они проявляли чудеса храбрости, шли один на один против немецких танков, отбивая десятки вражеских атак без минуты передышки, и всегда помнили о товарищах по окопу, вынося раненых с поля боя. Вот суровый быт войны:

В России — снег, а тут дожди весь день.
Насквозь мокры обмотки и шинели.
Стоим по пояс в ледяной воде,
От холода и грязи почернели.

Перевела Ю. Нейман

Кулиеву посчастливилось: он остался жив в эти первые страшные месяцы войны, окреп и возмужал и, несмотря на горечь неизбежных в создавшихся драматических условиях поражений, находил в себе силы писать, как только выдавались короткие часы отдыха. А они были каждый раз после испытаний новых видов парашютов. Работа была очень опасная, требовавшая максимального внимания и большой силы воли, собранности и постоянного напряжения. Новое было в том, чтобы научиться прыгать и управлять парашютом с высоты двести пятьдесят — триста метров. До этого минимум высоты прыжков составлял тысячу метров. Разница была огромная! У Кайсына реакция была мгновенной, и все прыжки были удачными. И все-таки, по его словам, было очень опасно, так как земля находилась слишком близко. «Если сколько-нибудь задерживалось раскрытие парашюта, грозила гибель».

Вечерами в тиши соснового леса, оставаясь с собою наедине, Кулиев вновь и вновь переосмысливал все трудности, выпавшие на его долю, и судьбу его товарищей, и только что пережитый опыт ложился в строфы стихов «Сосны России шумят» (1941), «Конь» (1941), «Сестре» (1941), «Ты ждешь меня» (1941), «Поэту будущего» (1941), «Любимой с фронта в первый год войны» и др.

Печальное было время:
С утра до вечерней тьмы
Боев многотрудных бремя,
Крепясь, выносили мы.

Воды из шлема стального
Глотнув среди степных путей,
Глухого горя земного
Я чувствовал горечь в ней,—

Перевела В. Звягинцева

писал поэт в «июльскую мглу сухую» в стихотворении «В дни отступления» в 1941 году. Трагическое восприятие войны нисколько не мешало поэту глубоко верить в то, что благодаря массовому героизму советского народа победа будет на стороне правых.

Все дальше мы отступали,
Но был нам неведом страх,
Лишь хмурая тень печали
Сгущалась в наших глазах.

Перевела В. Звягинцева

Художественное осмысление нравственной силы воюющего народа не могло не привести поэта-воина к раздумьям о Родине-матери — России, ставшей в те годы символическим обозначением нашей многонациональной Отчизны. Поэтическое решение этой темы нашло отражение в двух произведениях Кулиева — «Сосны России шумят» и «России». Так, обращаясь к России в 1942 году, Кулиев ответственно заявил от имени всех горцев Кавказа:

Мы любим тебя, как любит река
То море, где путь ее так просторен.
Россия! Россия для нас на века —
Как небо для звезд и поле для зерен.

Перевела В. Звягинцева

Жизнь на войне измерялась не днями, а часами. И никто не знал, что его ожидает через несколько минут и что ждет завтра. Так случилось и с Кулиевым. Испытание новых видов парашютов неожиданно было прервано. Бригада, в которой служил Кулиев, стала корпусом и находилась в резерве Ставки Верховного Главнокомандования. По боевой тревоге первого октября 1941 года весь

корпус перебросили самолетами к городу Орлу. В этот день Кайсын проснулся рано. «Рассвет — моя любимая пора», — скажет он в одном из стихотворений. На душе было тревожно. «В то утро я сложил стихотворение «Сосны России шумят», — писал поэт. — Я люблю его и теперь»⁵⁷. Вот эти замечательные поэтические строки, написанные Кулиевым в 1941 году, когда в святые минуты всенародного страдания было страстное желание воспеть русскую природу — сосны России, бывшие свидетелями боевого подвига молодых солдат:

К фронту идет за отрядом отряд.
Сосны, как сестры, под гнетом кручины,
Нас провожая, печально глядят,
И без умолку шумят их вершины,
Сосны России шумят.

+. . . . .
Верю: о нас они сохраняют
Память. И будут шуметь ночами,
Вспомнив ряды молодых солдат...
Всюду дороги размыты дождями.
К фронту идет за отрядом отряд.

Перевел Н. Коржавин

Город, к которому направлялись десантники-парашютисты, был занят танковой армией гитлеровского генерала Гудериана. Фашисты рвались к Туле и Москве, прорвав Брянский фронт. Обо всем этом Кулиев, как и его друзья-десантники, знал. Он сидел среди них, в его полевой сумке-планшетке лежал томик стихов Лермонтова, и думал о том, что каждый из них готов умереть за Родину, но и каждый из них, как и он, хочет жить ради ее будущего. Кайсын не раз читал своим боевым товарищам стихи Лермонтова, ведь в его поэзии «такой большой мир, такие большие чувства, что они помогали мне в трудный час не стать мелким человеком. Как-то у костра усталым и полуголодным парашютистам я читал могучего лермонтовского «Калашникова». До сих пор поражаюсь сильному воздействию поэмы на бойцов. И все это было не в стихах, а наяву, на настоящей и очень грозной войне»⁵⁸.

Кайсын вытащил книжку, посмотрел на портрет Лер-

⁵⁷ Советские писатели. Автобиографии. М., 1972. Т. 4. С. 354.

⁵⁸ Кулиев К. Стихотворения. М.: ГИХЛ, 1959. С. 12.

монтова и, несмотря на шум мотора, стал читать стихи поэта, выговаривая четко и громко: «Умремте под Москвой, как наши братья умирали...» Патриотическое звучание стихов Лермонтова, их простая сила и понимание того, что они теперь не отступают, а летят защищать Москву,— все это отражалось на лицах бойцов. «Я поднял их боевой дух»,— подумал Кайсын и снова посмотрел на портрет Лермонтова. «Это утешало меня и связывало со всем мне дорогим,— вспоминал он,— с моим родным Кавказом, поддерживало меня»⁵⁹. А в голове слагались стихи, которые потом переведет на русский язык поэт Дмитрий Кедрин:

О родина былин — земля моя,
Народ твой — исполни, земля моя,
Ты — мать, а я твой сын, земля моя!

.....
Как жить мне без тебя, седой Казбек,
Без узких горных троп страны родной,
Без милых сердцу скал и бурных рек?
Как позабыть Баксан и Терек мой?

1942 г.

«Земля моя»

Он посмотрел в окошко самолета и увидел, казалось ему, безмолвную землю, чуть согретую осенним скудным солнцем, кое-где паслись коровы и овцы, а по узким ленточкам пыльных дорог отступали наши наземные войска и беспорядочные толпы беженцев медленно брели на север. Сердце поэта переполнилось болью и жалостью.

Кайсын знал, что день будет очень трудным, и он будет для каждого из бойцов-десантников серьезным испытанием. «Нам надо мобилизовать все свои духовные силы, всю стойкость, не растеряться бы, когда нас будут атаковать немецкие истребители»,— подумал он и увидел в окно, что они приближаются к Орлу. Так и случилось. Атака была яростной, били вражеские зенитки, а наши самолеты шли без прикрытия. Внизу за городом Кайсын ясно различал наши аэродромы, которые горели, и черный дым, клубясь, устремлялся ввысь. События этого тяжелого дня навсегда остались в глубинах памяти поэта: «Я оказался с группой, которая приземлилась севернее города. Мы собрались и, окопавшись, заняли оборону»⁶⁰. Кучность посадки десант-

⁵⁹ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 444.

⁶⁰ Там же.

ников была хорошей: недаром так тщательно тренировались с новыми парашютами прыгать с высоты триста метров. Кайсын и его товарищи знали поставленную перед ними задачу: во что бы то ни стало задержать врага, пока не подойдет подкрепление. К таким, как Кайсын, и к сотням тысяч других, обращалась Ольга Берггольц:

Всем, что есть у тебя живого,
Чем страшна и прекрасна жизнь,
Кровью, пламенем, сталью,
словом,—
Задержи врага. Задержи!

63

Немало неповторимых подробностей этого дня, совершенного ими подвига запомнил Кулиев и рассказал об этом конкретном боевом эпизоде. «Перед вечером подоспела танковая бригада генерала Катукова,— писал он. — Мы сели на танки и десантом двинулись к Орлу. От пыли невозможно было узнать лица сидящих рядом товарищей. Фашистские истребители низко реяли над нами. Наши истребители не показывались. Многие из наших ребят были ранены и убиты по дороге. Оставшиеся в строю, дойдя до окраины Орла, вступили в бой с немцами, оттеснили фашистов, несмотря на их превосходящие силы. Ночью шел непрерывный бой. Танки Гудериана рвались на север. Советские парашютисты вместе с танкистами стояли насмерть»⁶¹.

Не забыл Кайсын об этих суровых и страшных днях, о погибших молодых смельчаках-парашютистах. В стихотворении «Реквием» есть строки, которые посвящены именно им, парашютистам, которые умирали на руках поэта, и он закрывал им глаза. Наверное, это заставило его сказать о всенародном горе, перейти от личного к большому художественному обобщению:

Я на войне увидел тьму смертей,
Дым городов, свалившиеся своды,
Протянутые руки у детей —
Большое горе моего народа.

Перевел Н. Коржавин

Как и многие его товарищи, Кайсын был ранен в боях под Орлом и снова попал в чебоксарский госпиталь. Здесь

⁶¹ Там же.

он получил письмо от своего друга-земляка Салиха Хочуева и узнал, что он тоже на фронте. Кайсын ответил ему стихотворением «Когда я получил твое письмо...» (1941).

Салих Шабазович Хочуев (1910—1942) является одним из зачинателей балкарской художественной прозы, член Союза писателей СССР, погиб в возрасте тридцати двух лет на фронте. Салиха Кулиев знал с детства, уважал и ценил его человеческие качества, любил и как писателя. До войны Салих Хочуев успел опубликовать две книги. Свой путь в литературу он и Кайсын начали почти одновременно, хотя Салих был старше Кайсына на семь лет. Он не дожид до Победы, но остались его произведения и память о нем в сердцах земляков. Обращаясь к нему в 1941 году, Кулиев писал:

Когда я получил твое письмо,
Мой друг, мне пахнуло
В лицо теплом наших гор.

(Подстрочный перевод)

Кайсын еще не знал, когда писал эти строчки, что через несколько месяцев друг уйдет из жизни, не осуществив свои творческие замыслы и мечты, что его имя войдет в историю балкарской литературы и критики будут писать о нем, как об основоположнике балкарской прозы. Шесть четверостиший Кулиева о нем вместят в себя воспоминания об одном вечере, проведенном вместе, о том, как они однажды зимой гуляли по родному городу, прислушиваясь к скрипу своих шагов и звукам подков в тиши. Это задушевное лирическое стихотворение представляет собой образец романтической поэзии, с присущей ей чертами: грусти, тоски, надежды и т. д. Воссоздавая в памяти картины мирного вечера, стремясь выразить красоту окружающей природы, светлые надежды, свойственные молодости, Кулиев прибегает к оригинальной поэтической образности: «деревья под буркой инея». Конкретный и точный поэтический образ передавал радостное мироощущение двух людей: впереди была долгая жизнь и любимый творческий труд. Светлый колорит красок родной природы, конечно же, придаст белая бурка (ее одевали горцы в праздники, по торжественным случаям, в дни радости). Отсюда естественное выражение душевного состояния друзей: они смотрели вдаль и видели деревья под белой буркой инея. Это стихотворение элегического характера отличается origi-

нальностью, большой эмоциональностью, что вообще было свойственно балкарской поэзии военных лет. Она в лице Кулиева обрела интеллектуальную зрелость и поэтичность. К подобным стихотворениям относится глубоко лирическое «На всем просторе...» (1941), обращенное к матери, сестре, любимой. Война не заглушила у Кайсына личных, интимных чувств. Идеей верности в любви проникнуто это стихотворение, так как любовь к родным, близким людям сильнее смерти и войны:

Родная, услышь мое слово живое
Всем бедам войны вперекор, назло.
Оно к тебе, как раненый воин,
Приходит оттуда, где бой вело.

Перевел Н. Коржавин

Дружба писателей военной поры, основанная на глубокой симпатии, не всегда носила только личный характер. Чаще всего она служила основой осмысления и размышления о том, какой ценой добывалась победа. Приближался тот исторический день восьмого мая тысяча девятьсот сорок пятого, когда состоялось подписание акта капитуляции в Карлсхорсте (предместье Берлина) и человечество свободно вздохнуло от войны.

«Твоя земля», посвященное Владимиру Сосюре,— это о том, что видел и пережил Кулиев:

Здесь видел убитого мальчика я,
Такого ж, как дети родных моих гор,
И долго стоял я, печаль затая,
Как тяжек был глаз этих мертвых укор.

Я девушку видел: в дорожной пыли
Лежала она, холодна и бледна,
Над ней украинские зори цвели,
А мне показалась горянкой она.

Перевела В. Звягинцева

Страхи этого стихотворения правдиво повествуют о тех зверствах и злодеяниях, которые творили на украинской земле фашисты. И первая строфа «Твоя обгаренная кровью земля — как раненый воин среди грохота битв» сразу вводит в драматическую атмосферу военного времени. Трагизм образного постижения мира и облик человека на войне сменяются иными раздумьями поэта о том

времени, когда на этой прославленной земле, где создавал свои произведения Тарас Шевченко, рос и мужал Щорс, наступит мир. В исполнении этой мечты поэт был уверен: «Пусть грохочут бои, по этим дорогам пройдя, победим»⁶². Возвышенный оптимизм, большое мужество и надежда не покидали Кулиева. Он понимал, что речь шла не об одной Украине, а о судьбе России, всей Советской страны. Война становилась эпопеей народа. Забота о всех и о каждом в отдельности становилась общенародной: его, горца, вдали от родных мест встречали русские матери, как своего сына, заботились о нем, отдавая для фронта все лучшее, что было у них. Это было нравственной нормой поведения людей. Это-то благородное чувство дало возможность Кулиеву признаться:

Здесь добрые матери братьев твоих
Кормили меня из морщинистых рук,
Как смуглые руки горянок седых,
Я их целовал, дорогой ты мой друг.

Перевела В. Звягинцева

Находясь в чебоксарском госпитале, поэт-воин значительную часть своего времени отдавал работе над стихом, короткими очерками и рассказами, писал письма домой и друзьям-фронтовикам: Дм. Кедрину, Кериму Отарову (1912—1974) и многим товарищам из Союза писателей — П. Скосыреву, А. Дееву, Л. Выборновой, Л. С. Ерусалимчик, в Союз писателей СССР, в которых интересовался судьбой своих товарищей-поэтов, в частности, он спрашивал о балкарском поэте Кериме Отарове и кабардинском поэте Али Асхадовиче Шогенцукове (1900—1941), который с 15 сентября 1941 года тоже воевал на фронте. Вскоре здесь же, в госпитале в Чебоксарах, он получил письмо от Деева, который писал: «Получили Ваше письмо. Это первое письмо за время войны. Мы не получили еще никаких подстрочников. Между тем потребность в материале есть и работа над переводами ведется непрерывно...

Могу только сообщить неточные сведения, что Отаров со значительной группой работников республики ушел в горы. Где Али Шогенцуков, пока не знаем, но предполагаем, что он пока в Махачкале. Возможно, что на днях

■ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 161.

поедет один наш товарищ для установления связи...»⁶³. То же самое писал П. Скосырев из Москвы 26 сентября 1942 года, очевидно, и его спрашивал Кулиев. «Мы не знаем ничего о судьбе большинства кабардино-балкарских писателей. Особенно волнует нас неизвестность о Шогенцукове»⁶⁴. И Кайсын, и в Союзе писателей СССР еще не знали, что через несколько месяцев, после того как в 1941 году А. А. Шогенцуков отправился на фронт, он был захвачен в плен. Замученный пытками и голодом, он умер в конце 1941 года в Бобруйском концлагере. В Союзе писателей узнают об этой трагической гибели спустя некоторое время. И Деев дважды будет писать об этом Кайсыну — 9 марта и 16 апреля 1943 года. «...Очень сожалею о печальной судьбе Али. Как же это не сумели его задержать, как местные организации допустили, что погиб такой поэт, ведь их так мало в Кабарде...»⁶⁵. От 16 апреля он снова пишет: «Как жаль Али Шогенцукова, у кабардинцев так мало хороших поэтов»⁶⁶.

Связь с Союзом писателей СССР в первый год войны Кулиев поддерживал плохо, редко писал о своем местонахождении. Так, в одном из писем Деев спрашивал: «Почему Вы оказались в Чебоксарах?.. Мы ставили перед собой задачу сохранения основных писательских кадров. И предполагаем поставить вопрос о вашем откомандировании.

...Был вечер, посвященный Кавказу. Если бы мы знали, что Вы в Чебоксарах, мы поставили бы вопрос о Вашем участии. Но это еще впереди... надеемся увидеть Вас в Москве...

П. Скосырев сейчас оргсекретарь Союза писателей, помогает А. Фадееву по организационным вопросам»⁶⁷.

По предложению А. Деева Кулиев посылал в Союз писателей СССР все, что успевал написать на фронте, просил найти поэтов, которые могли бы переводить его стихи. Подстрочники к ним делал сам Кайсын. Ответ пришел сразу же. А. Деев писал 25 октября сорок второго: «Переводы делает опять Дмитрий Кедрин. Но кроме него мы привлекли еще Марию Петровых, очень сильную. ...Последние

⁶³ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 14.

⁶⁴ Там же, ед. хр. 75, л. 1.

⁶⁵ Там же, ед. хр. 31, л. 3.

⁶⁶ Там же, л. 8—10.

⁶⁷ Там же, ед. хр. 36, л. 2.

Ваши стихи взял Павел Антокольский. Видимо, он также переведет ряд стихотворений...»⁶⁸ Найти хорошего переводчика было нелегко, но Кулиеву повезло, что его стихи уже с июня сорок второго года начали переводить такие крупные поэты, как Николай Тихонов, Дмитрий Кедрин, и известные переводчики В. Левик, М. Зенкевич, М. Петровых, В. Звягинцева, Д. Голубков, Л. Шифферс, В. Сикорский, Н. Коржавин. Позже к этим замечательным переводчикам произведений Кулиева присоединятся Наум Гребнев, Яков Козловский. Более тридцати лет занимался переводами Кайсына Я. Козловский. Благодаря его неустанному труду русскому читателю стали известны такие стихотворения Кулиева, как «Калина», «Древняя башня», «Песня Балдражуса», «Петух», «Поэт Востока женщину любил...», «Славой ангельской ты не увенчана...», «— Чтоб стать счастливым...», «Снежная ночь в Нальчике» и многие другие. Постановлением секретариата правления Союза писателей СССР Я. Козловскому за переводческую деятельность присудят в 1982 году премию имени Николая Тихонова.

Вильгельм Вениаминович Левик одним из первых утверждал реалистические принципы художественного перевода, представлял нашу страну в Международной федерации переводчиков, был награжден орденом Дружбы народов, премией ГДР им. И. Бехера, наградами Венгрии, Польши. Он был известен как переводчик уже в 1935 году, когда появилась одна из его крупных работ — поэма Г. Гейне «Германия», воссозданная на русском языке.

В 1942 году в его переводе появилось стихотворение Кайсына Кулиева «Я верю». В нем он верно передал возвышенный оптимизм, характерный для воина. Даже в самые жестокие дни войны, когда пылали подожженные захватчиками города и села и дым пожарниц полз по полям России, солдат говорил:

И, видя гибель очага родного,
Разграбленную отческую сень,
В печальный день я повторяю снова:
Фашисты, близок ваш последний день.

Перевел В. Левик

---

⁶⁸ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 2.

Большую помощь в деле подбора переводчиков Кайсыну оказал А. Деев, сыгравший важную роль в жизни и творческой судьбе поэта в сорок втором и сорок третьем годах. Деев постоянно писал письма Кулиеву, просил ускорить написание стихов, определял иногда даже тематику, договаривался с редакциями газет, журналов в отношении публикации, редактировал и вообще представлял собой высокий пример верности дружбе, творческому братству, добру. Так, вслед за письмом в Чебоксары А. Деев написал еще одно письмо 28 сентября 1942 года. «Пишу вдогонку второе письмо. Нашли материалы, которые Вы послали на имя Скосырева 12 сентября. Но вот беда, Вы не приложили к этим подстрочникам никаких указаний на форму стиха... Напомню, какие стихи в этом тексте: «Сегодня стих мой...», «Мне кажется...», «Нет! Не думай...», «Пусть мой стих остался...», «Сестре», «Я верю», «Русская девочка», «Перед боем», «Мать», «Сгоревшая хата». Надеюсь что-нибудь напечатать и в «Известиях» (а может быть, в «Правде»), а кроме того, проведем радиопередачу... Надо снабжать наши журналы циклами Ваших стихов»⁶⁹.

Поэзия Кулиева сорок второго года была проникнута духом дружбы. Он показал, как война сближала людей, как она обостряла чувства солидарности и братства народов. В стихотворении «Всегда гордился тем, что горец я!» (1942) Кулиев прославлял горца, чуваша и латыша, сражавшихся за русские города на просторах России с такой же самоотверженностью и отвагой, с какой бы они защищали от врага свои родные края.

Чуваш, дружа со мною от души,
Мне с табаком протягивал кисет,
Мне русые знакомы латыши —
Я, раненный, оставил крови след
На их земле, а друг мой умер там,
Склонясь к земле простреленным челом.
Жестокой битвы дым по волосам
Полз у меня в окопе под Орлом.

Перевел Д. Кедрин

Подчеркивая свою любовь к родному краю и ко всем народам, Кулиев писал: «Как старый горец любит свой Казбек, так я люблю все земли и края». Это стихотворе-

⁶⁹ Там же, л. 1.

ние было опубликовано впервые 15 сентября 1942 года в «Правде», а затем перепечатано в «Социалистической Кабардино-Балкарии» и во многих газетах республик и областей Северного Кавказа и Закавказья. В этом же году оно было передано по многим радиостанциям СССР и Западной Европы. Вот о чем писала 16 октября сорок второго года из Москвы на фронт Кулиеву Л. Выборнова: «Стихи Ваши: «Всегда гордился тем, что горец я!», «Земля моя», «Жене», «Лезгинка», «Дедовский дом» — прошли по радио два раза полной передачей и отдельные стихи из этой передачи проходили и проходят в литературно-музыкальных 9-минутках. 18 октября тоже идут Ваши стихи. Газета «Правда» напечатала «Всегда гордился тем, что горец я!», а в «Литературную газету» я послала весь цикл Ваших стихов. Напечатала она и «Лезгинку», в следующем номере пойдет «Земля моя»...»

Бывший редактор газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» И. Давыдов так вспоминает об этом стихотворении Кулиева: «Народы братских республик воспринимали страстные, певные строки балкарского поэта как выражение своих чувств и надежд». Подчеркивая идейную и воспитательную значимость стихов Кайсына, их эмоциональное воздействие, он, как очевидец тех грозных лет, писал спустя многие годы в своей книге «Летописцы огненных лет»: «Эти стихи тогда можно было услышать на призывных пунктах, в горных аулах и селениях. Они произносились, как клятва матери-Родине»⁷⁰.

Обращаясь к размышлениям о роли поэзии в жизни человека, особенно человека на войне, много повидавшего, пережившего и прочувствовавшего, Кулиев в духе своего миропонимания писал в стихотворении «Поэты» (1942):

Мы зеркало земли, где кровь и горя глыбы.
И сердце мира мы, уставшие от бед.
И армии страны, врагам неся погибель,
Страдая и терпя, сквозь кровь своих побед
Идут, пыля, сквозь наше сердце. Сердце это,
Как поле битвы, где стоят пальба и гром.
Весь мир, где льется кровь, весь в сердце у поэта.
Мы сердце всей земли. Мы соль ее несем.

Перевел Н. Коржавин

---

⁷⁰ Давыдов И. В. Летописцы огненных лет. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 10.

О высоком патриотизме стихов Кулиева свидетельствует и письмо А. Деева, написанное поэту 25 октября 1942 года из Москвы. «Я нисколько не сомневался, что Вы в мыслях уже на Кавказе,— писал он. — Это вполне естественно. Ведь Вы — сын Кавказа, истинный сын всегда там, куда его зовет родная земля, он всегда со своей родной землей и народом. Здесь Вы совершенно правы. Но ведь Вы и своими стихами боретесь за Кавказ и боретесь очень активно. Ваши стихи — крупные снаряды по врагу, потому что они поднимают ярость народа, гнев, ненависть против гитлеровцев. И надо эти стихи писать и посылать, чтобы они доходили до народа»⁷¹. Весь гнев своей души к врагу и чувства любви к родному краю Кайсын выразил в стихотворении «Земля моя» (1942):

Как бьется за свое гнездо орел,
Так буду за тебя сражаться я,
Я кровью напою твой каждый дол,
Умру, обняв тебя, земля моя!

.....

Чем в ужасе бежать от тех зверей,
Что, задушив дитя, терзают мать,
Я мертвым храбрецом хочу скорей
На бурке боевой своей лежать.

Перевел Д. Кедрин

Военные стихи Кайсына Кулиева печатались в центральных газетах «Красная звезда», «Правда», «Литература и искусство», в журналах «Знамя», «Красноармеец», «Огонек», «Дружба народов» и в местных изданиях; лучшие из них передавались по центральному и местному радио. «...Делались отдельные мои передачи,— писал поэт,— мне сообщали из Москвы, и я слушал их в госпитале»⁷². Этому всячески содействовали друзья Кулиева из Союза писателей СССР. Вот что писал один из них: «Особенно радуют нас Ваши стихи. Мы узнаем в них Вас, живого, спокойного, уравновешенного и вместе с тем горца — горячего, страстного. И стихи эти доставляют удовольствие не только нам, узкому кругу работников Союза. Хотя бы из того, что они сразу пошли в прессу и радио и их

⁷¹ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 2.

⁷² Кулиев К. Так растет и дерево. С. 444.

передают всякий раз, как только речь идет о Кавказе,— хотя бы из этого Вы можете увидеть, что эти стихи нужны, что попали они к нам в самый подходящий момент. Радиокomiteeт готовит еще одну передачу»⁷³.

Или вот другое письмо, датированное 26 сентября 1942 года и отправленное из Москвы, с улицы Воровского, 52. «Дорогой Кайсын! — писал П. Скосырев. — Очень рад был получить от Вас письмо и подстрочники. Только вчера мы с А. А. Фадеевым говорили о Вас... Ваши подстрочники передаю поэтам для перевода и немедленно дам их на радио и в газеты»⁷⁴.

Земляки-воины и односельчане гордились, слушая по радио и читая в газетах пламенные призывы Кулиева, который оружием слова и личным участием в боях по мере сил приближал день победы. Они высоко ценили его патриотическую деятельность. Кайсын оправдывал их надежды. В стихотворении «Мое слово» (1942 г.) он писал:

И я встретил врага. И я начал борьбу,
Мое слово все время стояло на страже.
Мое слово боролось.

Я падал от пуль

И вставал.

И стихи я писал точно так же.

Перевел Н. Коржавин

В одном из писем сорок второго года поэт-фронтовик Керим Отаров писал: «...многое выпало на нашу долю и многое нам пришлось пережить. Но будем верить: наступит день, когда коварный враг будет уничтожен, и земля отдохнет после тяжких потрясений. Тогда мы снова встретимся и будем счастливы тем, что, исполнив сыновий долг перед любимой Родиной, честно, с чистой душой и совестью скажем: «Да, мы сделали все, что могли, для защиты родной земли, не требуя для этого никаких наград и поощрений. Наш долг — честно служить Родине, и мы его выполним»⁷⁵. Из писем, которые получал Кулиев от родных и знакомых, он узнавал подробности, как жили его земляки, когда немцы оккупировали Кабардино-Балкарию, о зверствах, которые творили враги на его священной зем-

⁷³ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 2.

⁷⁴ Там же, ед. хр. 75, л. 1.

⁷⁵ Там же, оп. 4, ед. хр. 49, л. 1—3.

ле, об убийствах беззащитных женщин и детей. «Перед расстрелом фашисты подвергали пыткам свои жертвы: отрезали части тела, выкалывали глаза... На теле убитой З. Б. Шекеровой, 19 лет, из селения Кёнденен Эльбрусского района, следы ожогов, волосы с головы наполовину выдернуты, левый глаз выбит...»⁷⁶

Не раз Кулиев читал и гневные репортажи, публицистические статьи писателей-воинов И. Г. Эренбурга, А. Н. Толстого, Н. С. Тихонова, обращения антифашистских митингов народов Северного Кавказа и Закавказья. «Немцы залили кровью аулы Кабардино-Балкарии, — писал Эренбург. — Они уже терзают женщин в селах Северной Осетии. Они осквернили честь сакли. Они оскорбили народы Кавказа»⁷⁷. Кайсын тяжело переживал вторжение врагов в родной край: там остались его родичи, мать, жена, маленькая дочурка Жанна. Он тосковал о них, беспокоился, когда не получал от родных писем. Ему очень хотелось увидеть их хотя бы во сне. Желание иногда сбывалось:

Я после боя спал в соломе.
И хоть мне холод досаждал,
Мне ты приснилась утром дома...
Когда же я продрог и встал,
Был холод. Ты ж куда-то скрылась,
Тоску умножив по себе...
Но все ж за то, что ты мне снилась,
Я благодарен был судьбе.

Перевел Н. Коржавин

Теперь он знал, что в Кабардино-Балкарии бесчинствует враг. В стихотворении «Дочке» (1942) он писал:

Мы свидеться с тобою не вольны —
Дороги застилает дым войны.
Края родные, где идут бои,
Как душу, топчут недруги мои.

Я часто на дорогах фронтовых
Ребят встречаю бледных и худых.
Их волосы льняные теребя,
Я вспоминаю, девочка, тебя.

Перевел Ю. Полухин

⁷⁶ Там же, ф. 7, оп. 1, д. 77, л. 1—3.

⁷⁷ Эренбург И. Г. Собр. соч.

Своей жене Тамаре он посвятил стихотворение «Любимой с фронта в первый год войны» (1941). В подобных стихах Кулиев стремился показать, что советский солдат не только суровый мститель за боль и страдания, принесенные его земле жестоким врагом. Он сохранил в чистоте самое нежное чувство — любовь к женщине. В стихотворении «Любимой с фронта в первый год войны» вся сложная гамма его чувств передается через восприятие войны («Огромный простор, разлучивший нас, заливают кровью война») и собственной личной судьбы, когда, по словам поэта, «на гребне кровавой крутой волны» решалось счастье людей. И на этой «скорбной и темной тропе войны» любимая была всегда рядом с ним:

По трудным дорогам войны ты шла
Тут же, рядом, вместе со мной.
Мне имя твое, что струя тепла
В зимнем мраке тоски ночной.

Перевела В. Звягинцева

Наступление фашистских орд, злодеяния которых превосходили Чингизхана, Тимура и других поработителей, было для Кайсына мучительно. Он не мог представить Кавказ под пятой фашистской машины массового истребления. И не только он переживал за Кавказ. Те же самые чувства испытывал и Н. С. Тихонов. В письме к А. Фадееву от 15 декабря 1942 года он писал: «Кавказа нашего родного до боли жалко. Неужели проклятые немцы доберутся до Орджоникидзе и до Военно-Грузинской дороги и пойдут на Тбилиси? Черт возьми их, собак!

А побережье! А прославленные курорты наши? А горы: Балкария, Осетия, Карачай! Ужас, просто думать не могу. Если бы не Ленинград, я бы поехал на Кавказ — чем мог бы, помог ему»⁷⁸. В это же самое время и Кулиев писал письма А. А. Фадееву с такой же просьбой — послать его на Кавказский фронт. «Знать, что на вершине Эльбруса реет флаг со свастикой — было невыносимо, — говорил Кулиев. — Я писал об этом Фадееву, просил оказать содействие в направлении меня на Кавказский фронт. Он ответил, чтобы пока я не думал об этом и лечился, присылал начальнику телеграммы, спрашивал о моем здоровье, про-

⁷⁸ Давыдов И. Он защищал Кавказ // Кабардино-Балкарская правда. 1971. 3 декабря.

сил проявить максимум внимания. Я был признателен А. А. Фадееву, зная, однако, что я, молодой литератор, еще ничего особенного не сделал»⁷⁹.

Фадеев знал о желании Кулиева воевать там, где его «малая родина», знали и другие члены Союза писателей, его технические секретари, которые не раз получали письма от Кулиева с просьбой направить его на Кавказский фронт и старались его убедить приехать в Москву для решения некоторых важных дел. Так, А. Деев отвечал Кулиеву 25 октября 1942 года: «...Вы понимаете, что Вашим словом Вы не меньше, а пожалуй, больше пользы принесете Кавказу, потому что у нас нет другого такого поэта в Балкарии. Вот почему я прошу Вас спокойно подумать над этим и не страдать, не переживать, что на Кавказе обходятся пока без Вас. Стихи Ваши уже действуют. Еще раз говорю, что мы рады каждому Вашему письму, дорогой Кайсын, каждому Вашему стихотворению. А еще более будем рады, когда увидим Вас самого...»⁸⁰.

Художественное слово Кайсына непосредственно участвовало во всенародной борьбе с врагом, и сам поэт не раз проливал кровь, участвуя в боях. Такие его стихотворения сорок второго года, как «К горцам», «Я верю», «Сегодня стих мой — беспощадный бой», «Военные кони», «Сон», «Овчарка», «Жизнь, я твой сын!», «Дороги мои», «Мальчик-горец», «Недокуренная папироса» (памяти Александра Субботина), «Песня горцев-партизан», «Андемиркан», «Другу» (Кериму Отарову), «Поэты», «Мое слово», «Шинель», «Дороги», «Всегда гордился тем, что горец я!», посвященное Н. Тихонову, «Земля моя», «Дедовский дом», «Слово сердца», «Клятва», играли большую воспитательную роль и обретали для советских людей активную объединяющую силу.

«О Родина, о воля, горы мои!» — так писал Кулиев в стихотворении «Горы» в 1942 году вдали от родного края. В предгорьях Кавказа и на Эльбрусском направлении шли жестокие бои. На нелегких военных дорогах, на походных бивуаках, когда лежал в госпиталях, он обращался к «малой родине» — земле отцов, ко всем горцам Кавказа с патриотическим призывом быть верными воинскому долгу, Родине. В июле этого года (он в это время находился

⁷⁹ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 445.

⁸⁰ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 2.

в госпитале) по всей стране звучали его пламенные призывы:

Кавказа смуглолицые сыны,
Ступайте в бой! Спасайте от врага
Вершины наши снежной белизны,
Отчизну, что для сердца дорога!

. . . . .
Все, кто своей свободой дорожит,
Сегодня пусть мою услышат речь:
Спасти Отчизну может лишь джигит,
Когда над ней заносит недруг меч!

Перевел Д. Кедрин

Выписавшись в конце лета сорок второго года из госпиталя, Кулиев стал работать в запасной стрелковой бригаде заместителем политрука роты, а потом лектором. Но раны не зажили: он выписался раньше положенного срока, и они давали о себе знать. Надо было снова ложиться в больницу, и в августе этого же года он снова слег. Здесь, в больнице, Кайсын много читал. Не отрываясь, прочитал повесть о народной борьбе с оккупантами на Украине Ванды Василевской «Радуга», опубликованную в осенних номерах журнала «Октябрь» за 1942 г. Снова писал стихи, когда было свободное время. Писал, стремясь через лично пережитое к выражению общенародного, к тому, что имело общезначимый характер — «Горы мои», «Самое дорогое», «Жить!», «Девушке с Севера» (Валентине Лебедевой).

Друзья из Москвы информировали его, как продвигается работа над переводами. В частности, Л. Выборнова писала 16 октября 1942 года: «Ваше желание видеть свои стихи в переводе поэта Антокольского вполне законное и заслуженное. И мы это сделаем при первой же возможности... У нас накопилось уже достаточное количество Ваших стихов, но Вы забыли снабдить их транскрипциями и метром стиха, а без этого ни один поэт не возьмется переводить. Антокольский сейчас в Москве. Правда, он занят театром. Он режиссер. Но мы надеемся, что он выкроит время для переводческой работы... Напишите Ваше мнение о переводах Дмитрия Кедрина. Шлите новые стихи, но только с паспортом»⁸¹.

⁸¹ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 75, л. 2.

«Стихи, написанные в госпитале», созданные в августе 1942 года,— высокого патриотического свойства. Они свидетельствовали о том, что творческие поиски Кулиева этой поры были направлены на конкретно-реалистическое изображение войны, на отношение к ней народа и отдельной личности, на свершение необыкновенного, и звучали они как призыв к самопожертвованию ради жизни других, ради свободы Родины:

Мне кажется, в тебе, страна моя,
Девичьи слезы каждый камень льет
И каждая седая крутизна
Тоскою материнскою полна.

Как будто слышу голоса камней,
Наперебой зовут они вперед:
— Сразись во имя родины своей
И победы. Иль умереть сумеи!

Перевел Д. Бродский

Силой любви и ненависти рождались под пером Кулиева подобные строки в те трудные годы, когда наш народ вел справедливую войну.

Лирико-публицистический пафос Кулиева выражался в ритмике и лексике, близких к стилю боевого приказа. То же самое встречаем у К. Симонова:

Все, что Родиной мы зовем,—
Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь,
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.

И еще одно обстоятельство заставляло так писать: фашизм стал страшной реальностью, а не просто угрозой. «Да, война не такая, какой мы писали ее,— это горькая штука»,— писал К. Симонов в своем дневнике. «...Все оказалось иначе,— говорил Кулиев. — Перед войной мы пели слишком радужные, слишком самоуверенные песни. Но авторы их, видимо, плохо представляли себе предстоящую войну»⁸².

Главным объектом внимания поэтов всегда был человек и его характер. Строфа Кулиева «Я, твой верный сын, беру оружие. Боль твоя моею стала раною» выражала

⁸² Кулиев К. Так растет и дерево. С. 443.

подлинно гражданское понимание сути дела («Жизнь, я твой сын!» — 1942). Именно такой и была тревога каждого советского солдата перед лицом общенародной опасности в дни горя и скорбного гнева. Это о них писал Кулиев в стихотворении «На войне» (1943):

Как много здесь я потерял друзей!
Непогребенные они лежат...
Так, сохраняя жизнь страны своей,
Своею жизнью жертвует солдат.

Перевел Д. Голубков

Союз писателей СССР постоянно следил за судьбой Кулиева, так как многие члены его понимали, что он — самобытный талант, человек большой энергии, особенной отзывчивости и доброты. Теплые чувства привязанности, глубокой дружбы сохраняли к Кайсыну очень долгие годы П. Скосырев, Н. Н. Асеев, А. Деев, Л. С. Ерусалимчик, М. Зенкевич, В. Ц. Гоффеншефер, Л. Выборнова и многие другие. Так, А. Деев, понимая, в каких трудных условиях приходится Кулиеву работать над стихами, делал все возможное, чтобы как-то помочь Кайсыну. Вот что он писал ему 25 октября 1942 года: «...я говорил вчера с Фадеевым, он согласился с тем, что Вас надо на время освободить от непосредственной боевой работы, чтобы дать возможность «отписаться», вылить в поэтической форме все чувства, переживания, настроения, накопившиеся за год... Вы должны некоторое время пожить в Москве, а затем, если уж это будет нужно, идти в армию как писатель, поработать в печати. Об этом я ставлю вопрос. И не только в отношении Вас. Нет, мы ставим вопрос о целой группе писателей братских республик. И, думаю, что Вы согласитесь с этим. Это целесообразно, необходимо и для сохранения основных писательских кадров в республиках. Все эти кадры так дороги нам, народу, стране. Вы понимаете теперь нашу заботу?»⁸³

В начале ноября сорок второго года, когда Кулиев лечился в госпитале, он получил две телеграммы. Одну из Политического управления Красной Армии, а другую — от ответственного секретаря Президиума Правления СПП СССР А. А. Фадеева. Поэт направлялся в их распоряже-

⁸³ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 1—2.

ние. Велико было чувство радости Кайсына в отношении его ближайшего будущего: он снова увидит родную Москву, где он когда-то в мирное время учился в ГИТИСе и Литературном институте, встретится с близкими друзьями, решит многие вопросы, касающиеся его творческих планов! Взяв билет, он поездом приехал в десятых числах ноября на Казанский вокзал и сразу отправился в Союз писателей на улицу Воровского, чтобы о многом поговорить с Фадеевым, который сердечно приветствовал Кулиева, расспросил его о здоровье, как зажили раны, сказал и о том, как и где Кулиев будет жить в столице. Из разговора с Фадеевым Кулиев понял, что Александр Александрович испытывал глубокую тревогу за писательские кадры, которые находились на фронте и многие из которых уже погибли. Узнал Кулиев, что погиб на фронте его земляк, талантливый карачаевский поэт Исса Каракетов, стихи которого он хорошо знал, любил и высоко ценил его поэтическое дарование. Вот что писал Кулиев о нем: «Стихотворение о Кавказе Каракетов написал таким прекрасным и выразительным языком, с такой удивительной свободой и так живописно, что до сих пор эти стихи остаются одним из самых выдающихся произведений, созданных на нашем языке»⁸⁴.

Фадеев часто получал новые сообщения о гибели или тяжелейших ранениях членов Союза писателей СССР. Как понял Кайсын, Фадеев составил список литераторов, которые должны быть демобилизованы: их жизнь должна быть сохранена для будущего Родины. Кулиев был включен в этот список.

— Я уже договорился с А. С. Щербаковым, начальником Политуправления Красной Армии, в отношении вас,— сказал Фадеев. — Вы будете пока находиться в Москве и выполнять порученную Вам работу.

Кулиев возражал против этого лестного и приятного решения, он пытался доказать, что его долг быть там, на фронте, выполняя святую обязанность перед Родиной и народом.

— Ваше место прежде всего здесь,— строго отвечал Фадеев. — Совместно с вами мы будем готовить издание Вашего сборника стихов на русском языке. Вы нам в этом поможете.

---

⁸⁴ Вопросы литературы. 1968. № 11. С. 119.

Оказалось, что А. А. Фадеев хорошо знаком с творчеством Кулиева и в этот приезд «сказал много приятных слов о стихах Кайсына»⁸⁵. Несколько позже, а именно в мае 1943 года, Фадеев в своей записной книжке точно даст определение сущности поэзии молодого горца и его характера: «Прекрасный балкарский поэт К. Кулиев. Подлинный горец и подлинная поэзия...»⁸⁶

Ободряющие слова А. А. Фадеева, который, видно, хотел помочь Кайсыну Кулиеву в его творческой работе, много значили для начинающего литератора. И сама характеристика, выданная поэту Правлением Союза писателей СССР от 19 декабря 1942 года, была как бы свидетельством большой значимости творчества Кулиева: «Во время пребывания Кайсына Кулиева в Москве Всесоюзным Радиокомитетом при СНК СССР было организовано несколько радиопередач из его произведений. В настоящее время Воениздат и Госполитиздат готовят к изданию сборник его произведений об Отечественной войне».

Сергей Иванов написал статью о творчестве Кайсына Кулиева, было написано и предисловие к этому сборнику стихов поэта.

В эту военную зиму сорок второго Кулиев почувствовал участие в своей судьбе почти всего московского литературного братства. Многие стремились поддержать молодого поэта, помочь ему. Кулиев нашел внимание и поддержку среди многих членов Военной комиссии СП, созданной еще в 1934 году, и особенно у А. А. Фадеева, который распорядился, чтобы в честь поэта-фронтовика был проведен творческий вечер. Эта комиссия организовывала встречи с писателями, свыше тысячи которых воевали в действующей армии, в партизанских отрядах, в ополчениях в качестве бойцов, политработников, командиров, военных корреспондентов и т. д. С приезжавшими с фронта, как и с Кулиевым, Военная комиссия проводила соответствующую работу: собирала отчеты о сделанном, давала поручения, организовывала встречи с трудящимися Москвы, то есть вела многогранную деятельность, которая была направлена на помощь фронту. Буквально через несколько дней после приезда Кайсына в Москву Союз писателей и члены этой комиссии устроили его творческий вечер. На нем

⁸⁵ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 445.

⁸⁶ ЦГАЛИ СССР, ф. 1628, оп. 1, ед. хр. 421, л. 1—2.

среди многих других литераторов присутствовали А. Фадеев, Б. Пастернак, Асеев, С. Вургун, Перец Маркиш, Мамед Рагим, Дмитрий Кедрин. Вечер открыл вступительным словом Фадеев. Он коротко рассказал о том, как в эти два самых трудных года Кулиев воевал, проливал кровь в Латвии и под Орлом, защищая Москву. Известные мастера перевода Вера Звягинцева, Мария Петровых, Михаил Зенкевич и поэт Дмитрий Кедрин читали стихи Кулиева на русском языке. Кулиев знал, что это внимание к нему — представителю малочисленного балкарского народа — не случайность в его судьбе. Он и тогда понимал значение Фадеева в развитии и становлении молодых национальных литератур, знал, что он принимает активное участие в мобилизации всех сил советской литературы на борьбу с фашизмом, выезжает на фронты действующей армии, публикует яркие статьи о ленинградской блокаде, глубоко выражая чувства советского народа, является редактором газеты «Литература и искусство». И при такой занятости Фадеев смог уделить внимание Кулиеву! Кайсын ценил это. Организация и проведение творческого вечера, писал Кулиев, подчеркивают одну из сторон многогранного характера выдающегося советского писателя, руководителя литературных сил страны в течение многих лет!⁸⁷

В этот вечер Кулиев был счастлив. Он понимал, что в его лице чествовали всех поэтов-фронтовиков Кавказа. «...Как я был удивлен и взволнован,— писал впоследствии он,— когда узнал, что Союз писателей СССР устраивает мой творческий вечер... Какая мне оказана честь! Творческий вечер молодого поэта, представителя малочисленного народа — и когда! — в тяжелейшую военную зиму 1942 года!»⁸³

В эти дни сорок второго года Кулиев много раз выступал по заданию Военной комиссии ССП по центральному радио, на заводах и фабриках Москвы. Его слушали всегда с большим интересом и задавали много вопросов, касающихся и личной жизни, и творческой судьбы поэта. Активная литературная деятельность Кулиева, его многочисленные выступления среди трудящихся Москвы получили

⁸⁷ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 446.

⁸⁸ Кулиев К. Союз нерушимый сердец // Молодой коммунист. 1977. № 12. С. 3.

большое признание Фадеева и других членов Союза писателей. Фадеев видел яркий и самобытный талант поэта и очень хотел, чтобы поэт уцелел, не погиб, как его земляки-поэты Али Шогенцуков, Салих Хочуев, Азрет Будаев. Поэтому он убеждал Кайсына демобилизоваться и подключил к этому Елену Дмитриевну Стасову, которая работала при В. И. Ленине секретарем ЦК ВКП(б). Она разделяла мнение Фадеева, понимала, как важно сохранить жизнь поэта для будущего. Стихи Кайсына ей нравились глубиной мысли, системой определенной образности и подлинным знанием быта войны, психологии сражавшегося народа. Она организовала первые переводы стихов Кайсына на европейские языки. «Я был благодарен этой умной женщине,— писал Кулиев.— Я бродил с ней по заснеженным улицам Москвы и удивлялся ее словам, обращенным ко мне. Она переоценивала меня. Я ведь был очень молод и не имел права считать себя настоящим поэтом. Но эти крупные люди были добры и внимательны ко мне. Не говоря уже о Стасовой. Я тогда не понимал, почему так хорошо относится ко мне Фадеев, хотя и чувствовал, что чем-то я дорог и близок ему. Теперь, прочитав его записные книжки, я понял причину его внимания. Он был слишком хорошего мнения обо мне»⁸⁹.

Нет, Е. Д. Стасова, А. А. Фадеев и другие известные люди и писатели не переоценивали значение Кулиева как поэта-фронтовика, не переоценивали патриотическую направленность его поэзии. Патриотизм и интернационализм становились характерной чертой многих произведений, написанных Кулиевым в годы войны. В стихотворении 1942 года «Над пепелищем» чувства горца к украинской земле равносильны были чувствам к отчужденному краю:

Земля Шевченко в скорбных пепелищах,
Мы к западу через бой идем.
Мне каждый дом сожженный ранит сердце,
Как будто это мой отцовский дом.

Перевел Ю. Полухин

Многие произведения Кулиева несли в себе мотивы единения всех советских воинов, объединенных общими целями разбить врага, отстоять свободу и завоевать мир.

---

⁸⁹ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 446.

Поэзия Кулиева в эти годы приобретала все большее общественное значение. По словам критика Сергея Иванова, «поэзия Кайсына становилась выражением патристических чувств и настроений всего сражавшегося народа». Статья была написана для печати 25 декабря 1942 года. Е. Д. Стасова называла Кулиева «огненным сердцем Кавказа, ярким представителем мужественных горцев, огромным талантом, в котором есть доброта и сила». Поэт Керим Отаров тоже в одном из писем в декабре 1943 года писал ему: «Дорогой мой Кайсын! Получили твои письма и стихи, ждал я их с большим нетерпением. И только поговорили мы о тебе, как через несколько минут приносят твои четыре пакета, и там замечательные твои стихи. Поверь, Кайсын, я говорю от всего чистого сердца, без малейшей капли лести и прочего другого... Мы пришли к заключению, что тех вопросов войны, судьбы человека, его жизни и смерти, о которых ты пишешь в заключительных стихах, почти ни один поэт не затрагивал еще за время войны! Ты настоящий поэт и поэт большой»⁹⁰.

Интересно здесь привести и слова народного поэта Калмыкии Давида Кугультинова. Вспоминая 1942 год, он писал: «Наши с Кайсыном жизненные тропы пошли параллельно. Он уже в то время был поэтом очень знаменитым. Представьте, в 1943 году была набрана его книга, которая выдвигалась на Государственную премию СССР»⁹¹. Об этом же свидетельствует и высказывание ученого Адыгеи Схакумидова А. С. «В подвигах воинов всех национальностей нашей страны выдающуюся роль сыграла пропаганда героических традиций нерусских национальностей, — утверждал он. — Поучительным примером такой пропаганды является опубликованное в 1943 году стихотворение Кайсына Кулиева «Андемиркан»⁹², посвященное народному герою адыгов XVI века»⁹³. В нем поэт призывал:

Андемиркан! Из древней сказки в бой
Ты вихрем черным вылетаешь вновь.
Твой меч блистает сталью голубой,

⁹⁰ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 4, д. 49, л. 1—3.

⁹¹ Кугультинов Д. Такое простое, сложное чувство // Литературная газета. 1982. 27 октября.

⁹² Андемиркан — герой горского героического эпоса.

⁹³ Схакумидов А. С. Дружба, скрепленная в боях. Майкоп, 1975. С. 68—69.

На бурке вражеская рдеет кровь.
И человечесий обрели язык
Каменя, стынущие на пути.
Ты слышишь их разноголосый крик:
— О храбрый сын! Спаси нас! Защити!

Перевел Д. Бродский

И еще одно высказывание. «Вы спрашиваете мнение о Ваших стихах,— писал А. Деев 23 февраля 1943 года.— Стихи хорошие. Глубокие, лиричные, проникнуты высоким чувством человека, который горячо принимает к сердцу все, что творится вокруг. Только так может писать настоящий поэт»⁹⁴.

Кулиев в это время писал такие произведения, как циклы стихов «Пейзажи войны» (1942—1943), «О тех, что не вернуться» (1942—1944). Эта зима и этот год были исключительно счастливыми для поэта. О нем и его поэзии много говорили, писали. Каждое его стихотворение в русском переводе публиковалось и находило отклик. Кайсын работал много и упорно, следил за письмами бойцов, заметками, очерками и стихами, которые публиковались в центральной периодической печати. Он часто повторял слова, ставшие в то время крылатыми: «Нельзя победить врага, не научившись ненавидеть всеми силами души»⁹⁵. Это был эпиграф к рассказу М. Шолохова «Наука ненависти», опубликованному в «Правде» 22 июня 1942 года. Кулиев читал этот рассказ и ставил его наравне с очень известной в то время публицистической статьей А. Н. Толстого «Что мы защищаем». Оба эти произведения по-своему раскрывали, что такое Родина для советских солдат. Кайсыну, как заместителю политрука роты и лектору, такие произведения помогали всесторонне разоблачать врага, воспитывать бойцов в духе преданности Родине.

Понимая, что он не имеет морального права оставаться в тылу, Кулиев поблагодарил Е. Д. Стасову и А. А. Фадеева за внимание, заботу и поддержку и твердо решил вернуться на фронт, быть рядом с теми, кто защищал Отечество. Эти герои становились главным объектом внимания Кулиева-поэта, его идеалом. «Я не мог, не имел

⁹⁴ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 3.

⁹⁵ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1951. С. 55.

права считать себя лучше тех, кто сражался и погибал,— писал Кулиев. — Их так же ждали дома матери, как и моя в Чегемском ущелье. На этот счет у меня тогда были твердые убеждения. К тому времени я уже видел многое и многое испытал»⁹⁶.

К одному из тех, кто защищал свой отчий край, Кулиев писал в сорок втором году от имени целого поколения писателей:

Мы начатых поэм недописали,
Мы с отчих гор ушли на зов войны.
Навстречу буре боевой мы встали,
Как верные Отечества сыны.

Перевел В. Левик

Эти поэтические строки были обращены к Кериму Отарову, но они обрели общенародное звучание. Керим в это время воевал в пехотной дивизии на Брянском фронте, служил офицером разведки, участвовал в боях в качестве командира стрелкового взвода и тоже писал прямо с полей сражений, открыто и мужественно рассказывая о зверствах фашистов («Сожженная земля» — 1942, «В разоренной деревне» — 1942).

Из-за тяжелых ранений Кулиев быть парашютистом-десантником уже не мог, но быть полезным фронту был способен. В этом он был убежден, поэтому писал в сорок втором:

Убежденность моя созрела
Не в уютном, теплом дому,
А в полях, под бурей обстрела,
В ливне пуль, в огне и дыму.

Перевел В. Державин

Видя его непреклонность, Фадеев решил, что Кулиев вернется на фронт в качестве военного корреспондента газеты «Красная звезда». Предполагалось, что Кулиев поедет на Кавказский фронт вместе с поэтом Константином Симоновым. Он тоже хорошо знал Кулиева как поэта, ценил его военные стихи и принимал участие в судьбе молодого горца. Их объединяла духовная общность. Близость Кулиева к Симонову особенно ярко проявилась в то время,

---

⁹⁶ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 446.

когда они были оба под Сталинградом, обращенным в руины и пепел, и видели своими глазами героизм его защитников, мужественно сражавшихся более трех месяцев и беззаветно умиравших за этот город.

Под гром артиллерийской канонады, в промежутках между работой военного корреспондента Кайсын написал здесь же стихотворение «Сталинградцам» (1942). В нем говорилось о битве на Волге, о военном событии, когда 330-тысячная вооруженная до зубов, отборная гитлеровская армия была окружена, сломлена и уничтожена. И Кулиев воспел беспримерный подвиг защитников Сталинграда, сражавшихся на берегу великой русской реки. Выполняя свой гражданский и воинский долг, они знали, что за Волгой для них земли нет:

Мы не уйдем отсюда,
Пока жив хоть один из нас...

(Подстрочный перевод)

Зловеще-черные, громадные облака ядовитого дыма над разрушенным городом — таков Сталинград в реалистическом описании Кулиева в стихотворении «Сталинградцам»: «День и ночь нас закрывает дым пожарищ», «Дым застилает наши глаза». И снова: «Дым пожарищ закрывает от нас воды Волги» и т. д. Сострадание к участникам Сталинградской битвы по-разному находило выражение в стихах-посланиях. У Кулиева в данном стихотворении — через лирико-публицистический характер. Поэт, сам участник битвы за волжскую твердыню, восхищался героизмом людей, когда, по его словам, он видел, как обессиленные герои падали, опираясь на стены горящих домов, падали, склонив голову на камни. Повторение одних и тех же глагольных форм «падали» усиливало трагическую ноту стиха. Кулиев правдиво поведал о драматических днях Сталинградской битвы и в другом стихотворении — «Город»:

Здесь каждый дом солдаты с боя брали,
Усталость победив, идя в штыки,
И каждый раз товарищей теряли
В густом дыму на берегу реки.

Горели в танках, бегством не спасаясь.
Кто думал о себе в такие дни?
С гранатами под вражий танк бросаясь,
Овладевали городом они...

Перевел Н. Коржавин

С горьким чувством поэт рассказывал, как «горел весь город», о виденном, когда, участвуя в упорных атаках, советские солдаты выходили героями, побеждая в неравных схватках с гитлеровцами 6-й немецкой армии, считавшейся лучшей в вермахте, а ее солдаты и офицеры не знали поражений в кампаниях на Западе 1940 года. Эти фашистские громилы были преисполнены наглой уверенности в своей непобедимости. Однако они были остановлены и разбиты: 2 февраля 1943 года остатки немецкой группировки, которой командовал генерал-полковник Паулюс, капитулировали.

Итак, в конце декабря 1942 года Кайсын отправился на Сталинградский фронт. В его небольшой библиотечке лежала пьеса А. Корнейчука «Фронт», посвященная борьбе за передовую военную науку. Она была опубликована в дни тяжелейших боев под Сталинградом осенью сорок второго года в «Правде». «Русские люди» К. Симонова и «Нашествие» Л. Леонова, сразу завоевавшие признание миллионов людей, он уже прочитал. Кулиев ехал на Сталинградский фронт и думал о том, что вот он становится свидетелем и участником победы огромной важности, что здесь разбиты немецкий фельдмаршал Манштейн, назначенный командующим срочно созданной группой армий «Дон» для помощи окруженным, и 6-я армия Паулюса вместе с танковой армией Гота. «Какой великий героизм потребовался от наших войск, чтобы задержать продвижение Манштейна к Паулюсу!» — размышлял Кайсын. И с горечью подумал о том, что сколько здесь лежит в донских и приволжских степях бесславно погибших за бредовые идеи фашистского рейха румынских, венгерских, итальянских солдат стран-сателлитов Германии...

Здесь, на Сталинградском фронте, в 1942 году были и его коллеги по профессии, призванные в армию в качестве военных корреспондентов «Правды», «Красной звезды» и других военных газет,— М. Шолохов, К. Симонов, В. Гроссман, А. Кешоков, очерки и статьи которых имели огромное воспитательное значение. Кайсын с интересом

читал сталинградские корреспонденции Василия Семеновича Гроссмана, объединенные потом в серию «Сталинградская переправа» и «Направление главного удара».

Когда Кайсын Кулиев приехал на Сталинградский фронт, на всех участках уже шло наступление Красной Армии. Поэт смотрел на бойцов и видел их лица взволнованными, полными решимости и воли. Они не только выстояли на берегах Волги, но и вышли победителями, окончательно разгромив армию Паулюса. Это было видно уже по всему: везде валялись подбитые немецкие самолеты, танки «тигры». «Битва в районе Сталинграда,— писал впоследствии Г. К. Жуков,— была исключительно ожесточенной. Лично я сравниваю ее лишь с битвой под Москвой». Известный американский исследователь Г. Солобери в книге «Великие битвы маршала Жукова» писал: «...после Сталинграда никто больше не сомневался — Россия... в конечном итоге разгромит Германию».

Под гром орудий и прибыл Кулиев на Сталинградский фронт. Среди его документов находился пакет от Политуправления действующей армии и характеристика от Союза писателей СССР. Кайсын их вручил начальнику политуправления фронта С. Ф. Галаджиеву. Встреча с ним состоялась в просторной избе, где временно размещался Военный Совет. Разговор был коротким, в присутствии политического советника К. Ф. Телегина. Кайсын тут же узнал, что он направляется военным корреспондентом в газету 51-й армии «Сын Отечества», и надо было немедленно собираться в дорогу. Вечер застал Кулиева уже в пути. «...Я скакал по зимним степям, догоняя наступающие войска»,— вспоминал Кулиев. Настроенне у него было приподнятое. Скоро Новый год — 1943-й, год надежд и творческих исканий. Кулиев надеялся, что в новом году его книга будет опубликована в Москве. Так, по крайней мере, предполагалось в Союзе писателей СССР. Кайсын хорошо понимал, о чем ему писал А. Деев еще 25 октября в сорок втором: «Переводов накапливается много, и мы, конечно, немедленно перешлем их Вам, чтобы Вы могли реализовать обещание Чувашгиза — издать сборничек. Это будет великолепно. Но — кто знает — может быть, нам удастся и в Москве издать книжечку. Я пытаюсь вести разговоры об этом с издательством «Правда». Пусть в библиотечке «Огонька» издадут. Это будет еще лучше.

Начинаю подготавливать очередную книгу своего аль-

манаха «Дружба народов» и, конечно, включу в нее Ваши стихи. Вы ведь помните, что Ваши стихи уже печатались на страницах альманаха в переводах Давида Бродского»⁹⁷. Кайсын надеялся и был полон веры в хорошее будущее, в удачу. Настроение у него было отличное. На станциях и полустанках он провожал глазами разные воинские эшелоны, которые шли от берегов Волги на новый участок фронта, туда, где летом 1943 года пройдет огненная Курская дуга, будет успешно завершена Орловско-Курская битва, а дальше боевая дорога пройдет через Брянск и Гомель, но это уже будет без него. Сейчас же Кайсын слышал, как из окон вагонов доносились слова тогда популярной песни: «Ночь коротка, спят облака, и лежит у меня на ладони незнакомая ваша рука...» Эту песню Евгений Долматовский и композитор Марк Фрадкин сочинили здесь, кочуя по Сталинградскому фронту с бригадой артистов. Называлась она «Офицерский вальс». Но песня была и солдатской, поэтому ее и называли через некоторое время по-другому — «Случайный вальс». На военных дорогах Кайсын иногда любил тихо напевать этот вальс:

После тревог
Спит городок.
Я услышал мелодию вальса
И сюда заглянул на часок.

Встретили Кайсына в редакции газеты «Сын Отечества» приветливо и сразу завалили заданиями. Работники газеты все были чрезвычайно перегружены. Они занимались подготовкой массовых агитационных листовок, публицистических статей и очерков, большинство из которых носили характер карикатуры на Гитлера, Геббельса и других фашистских вояк; они писали различные корреспонденции на боевые, злободневные темы, короткие рассказы о боевых подвигах, составляли устные литературные альманахи, выступления по радио и были заняты многими другими разнообразными формами и методами работы, отвечавшими на призыв правительства — «Все силы народа — на разгром врага!». Редактор газеты С. Жуков и его заместитель, бывший редактор «Харьковского рабочего» З. Гильбух, обрадовались приезду Кулиева. У него

⁹⁷ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 2.

были отличные характеристики, знали его и по стихам, опубликованным в центральной печати. Каждый человек у них, как говорится, был на счету. И на приезд Кулиева они возлагали большие надежды. Қайсыну эта работа попервоначалу не понравилась, казалась «скучной и незначительной». Ему, вчерашнему авиадесантнику, привыкшему к постоянной опасности и большим боевым делам, трудно было смириться с ролью только журналиста, в обязанность которого входила доставка вовремя корреспонденции в редакцию с передовой. К этому прибавилось и то, что опыта журналистской работы Кулиев не имел, плохо был знаком с различными публицистическими жанрами. Он не был ни очеркистом, ни прозаиком, а был поэтом-бойцом. Но главное в том, что у него было необыкновенно велико чувство ответственности перед теми, о ком писал. Может, поэтому он иногда забывал о своих прямых обязанностях и ходил в атаки, стрелял из автомата, лежал сутками в окопах, бросался в рукопашную и долго не появлялся в редакции. Выносил все, что терпели солдаты, жил с ними бок о бок в сырых землянках, в блиндажах и наспех сделанных подземных жилищах, делился хлебом и глотком воды:

Одну сигарку курит чуть не взвод,
За сутки час поспишь едва ли тут.
Нас день и ночь опасность стережет.
Вот так солдаты на войне живут,—

Перевел Н. Коржавин

писал Кулиев в сорок третьем в стихотворении «На войне». Однажды Қайсын в окопах среди солдат до того «зачитался» — бойцы просили «еще» и «еще», что он опоздал «домой». Редактор простил ему эту «слабость», сказав по-отцовски: «Спасибо, Қайсын, но в следующий раз и меня пожалей». Қайсын передал редактору письмо генерала с передовой, и тогда выяснилась причина задержки корреспондента. В письме генерал просил, чтобы к Кулиеву не применяли мер наказания, так как он «поднимал боевой дух бойцов: читал стихи, зовущие в атаку...»⁹⁸. Одним из тех, кто слушал тогда поэта, был связист С. Т. Зубко. Вот что он писал спустя много лет из Киева: «Мы, рядовые, Ваши однополчане, оставшиеся в живых

⁹⁸ Кабардино-Балкарская правда. 1974. 24 мая.

после таких потрясений и ужасов войны, помним Вас и следим за Вашим творчеством. Все, что печатается в центральных изданиях, вырезаем и храним, как дорогую память тех грозных лет и нашей далекой юности». Или вот другое письмо от Нейман из Запорожья: «Мы, все поклонники Вашего чудесного таланта, радуемся тому, что знали Вас тогда, когда Вы только начинали дорогу в тысячелетие. В моем фронтовом дневнике за 7 апреля 1943 года есть такая запись (это было под Ростовом): «Сегодня к нам, в редакцию, приехал поэт Кайсын Кулиев. Это очень жизнерадостный, веселый и хороший поэт. Он нам читал свои стихи и стихи Сергея Есенина. Потом Кайсын танцевал до трех часов ночи. И это на фронте, рядом со смертью!»

Этой третьей тяжелой военной зимой, находясь в войсках 51-й армии, Кулиев понимал, что он не имел никакого права нарушать дисциплину военных корреспондентов, что на войне каждому положено выполнять ему порученное дело. Но все-таки иногда нарушал и только потому, что свою жизнь и деятельность журналиста понимал как солдатскую службу, участие в боях лично. Об этом свидетельствует случай, который произошел с Кулиевым на **Украине.**

Редакционный пункт находился в Донбассе. Кулиев был послан на передовую с определенным заданием: описать, как разведчики достают «языка». Кулиев сам отправился в разведку вместе с другими, но взять в плен с нужного участка немецкого офицера долго не удавалось. А когда было выполнено задание именно на том участке фронта, где находился Кулиев, в редакцию не поступило никаких известий. Он продолжал воевать, чем и вызвал большое недовольство заместителя редактора З. Гильбуха, который сделал строгое внушение Кулиеву.

— Ты поступил нехорошо, Кайсын! — говорил он. — Разве твоя работа не такая же важная по сути дела, как и ратные дела простых бойцов?! Ты ведь несешь большую ответственность перед своими читателями-бойцами. Если я не смог тебя убедить, читай творческий отчет Ильи Эренбурга, где он высоко оценивает значение военных корреспондентов во фронтовой обстановке⁹⁹.

---

⁹⁹ Отрывок из выступления И. Эренбурга публиковался в газ. «Литература и искусство» (1943. 16 января).

— Я прежде всего солдат, а корреспондент потом,— запальчиво отвечал Кайсын. — Не желаю быть только штатным журналистом. Мое место в боевом строю.

— Ты поэт-солдат, журналист-солдат,— делая ударение на словах «поэт» и «журналист», говорил сдержанно Гильбух. — И твои корреспонденции, очерки должны стать «голосом героической души народа», как сказал Алексей Толстой¹⁰⁰.

«Он прав»,— думал Кулиев, но продолжал делать по-своему, исходя каждый раз из обстановки, которая складывалась на фронте. Однажды дело дошло до большой ссоры, потому что Кулиев «вернулся с передовой, пробыв там втрое больше положенного». Произошла снова ссора, и неизвестно, чем бы она кончилась («оба схватились за пистолеты»), если бы в самый критический момент не зашел редактор Семен Осипович Жуков. Он унял и успокоил враждующие стороны, отругал Гильбуха, отечески сделал внушение Кайсыну. «Удивляюсь до сих пор,— писал позднее Кулиев,— почему он меня никогда не корил, не наказывал, имея на это право. Он был умный и хороший человек». Объяснение этому простое. С. О. Жуков видел, что Кайсын иначе поступать не может: он жил общей жизнью с солдатами, и это создавало ту «близость в отношениях между писателями и героем, без которой немислимо рождение правдивой, богатой содержанием литературы о войне»¹⁰¹. Семен Осипович прощал его ошибки, своевольные поступки, снисходил к ним. Главное же было в другом: С. О. Жуков правильно оценил силу таланта поэта, поэтому берег его, заботился о нем, старался не огорчать и без того впечатлительного, эмоционально возбудимого поэта.

Большое чувство ответственности, когда страна воевала от мала до велика, заставляло Кулиева упорно работать над собой и в области небольшого рассказа, очерка, публицистической статьи, кратких военных корреспонденций, освещавших во всех деталях отдельные боевые операции, то есть выполнять все задания редакции, независимо от того, нравились они или нет. «В них ведь тоже можно показать беспощадную жестокость врага, бесчеловеч-

¹⁰⁰ Гильбух имел в виду доклад А. Толстого «Четверть советской литерат.», прочитанный на юбилейной сессии АН СССР в ноябре 1942 г.

¹⁰¹ Сурков А. На дорогах войны // Литературная газета. 1945. 5 мая.

ный характер войны, развязанную гитлеровцами, сказать о героизме воинов», — думал он и старался работать по заданию редакции так, чтобы заслужить похвалу Гильбуха. Кулиев уважал его за прямоту характера, требовательность, честность и добросовестность. «Мы с ним снова стали приятелями, и так уже продолжалось до конца», — вспоминал Кайсын. Гильбуху нравились краткие и содержательные репортажи, публицистические статьи и очерки Кулиева. Его военная проза сразу вошла в русло общего героического устремления всего редакционного материала газеты «Сын Отечества». Корреспонденция Кулиева, как и многих других журналистов, стала выражением народного подвига. Очерк Кулиева «Руки убийцы» Гильбух отметил как лучший из опубликованных в газете.

Отличной школой оперативных жанровых форм, которые позволяли быстро откликаться на события дня, для Кулиева послужили циклы очерков о городах-героях В. Гроссмана «Сталинградская битва», очерковые произведения К. Симонова, публицистические статьи и памфлеты И. Эренбурга о фашистских главарях Гитлере, Геринге, Геббельсе, Гиммлере, Риббентропе («Бешеные волки», «Зверь в очках», «Фриц-литератор», «Фабрика убийц» и др.). Они публиковались на страницах «Правды», «Красной звезды», «Комсомольской правды» и во многих других дивизионных, армейских и фронтовых газетах.

И конечно же, он писал все это время стихи, делал к ним подстрочники, постоянно держал связь с Правлением Союза писателей СССР, так как предполагалось издание его книги. Вот что писал А. Деев 12 февраля 1943 года: «Главное, присылай свои стихи. Со сборником дело обстоит так: Звягинцева перевела ряд лирических стихов; конечно Антокольский отказался. Кое-что сделал Бродский, в общем, я уже в гослитиздате взялся за дело, поправляю переводы, собираю те, что «задержали» переводчики. В понедельник, 15 февраля, подготовил один чистый экземпляр для комиссии по премиям. Часть придется дать в подстрочниках, но это ничего. Ты сам понимаешь, что сейчас некоторые стихи уже отстали от жизни (где призы-вы к горцам). Мы их оставили, они имеют литературный интерес...» А чуть дальше А. Деев писал: «Я буду тебе признателен, если ты дополнительно пришлешь несколько стихотворений, которые закончат книгу (не в том смысле, что пойдут в конце), без них в ней не будет хватать

воздуху, мажорного тона. А сейчас мажорный тон — победа у всех!.. Когда закончу книгу — сразу сообщу об этом радостном факте. А ты поскорее обрадуй нас новыми стихами...»¹⁰²

Об этом же самом поэта просила и М. Кустова из Нальчика. Она работала в радиокomitee и писала ему 26 ноября 1943 года: «Если позволит Вам время, попрошу прислать стихи, посвященные дню освобождения Кабардино-Балкарии, то есть к январю месяцу. Постараемся подобрать музыку из родных Вашему сердцу народных напевов»¹⁰³.

В это время Кулиев встретился со своим земляком — кабардинским поэтом Алимом Кешоковым (1914 г. р.). Они были почти ровесниками. До войны они не были лично знакомы, а знали друг друга лишь по стихам, которые появлялись в местной печати. Породнила их, связав узлами дружбы и боевого братства, Великая Отечественная война, когда они шли вместе тяжелыми фронтовыми дорогами по волжским просторам, украинским степям и крымской земле, истерзанной боями.

Мы были вместе там, мой друг, мой брат Алим!
Одной с тобой мы укрывались плащ-палаткой.
Когда гремел огонь, жесток, неумолим,
С солдатскою судьбой мы не играли в прятки,—

Перевел Л. Шерешевский

писал Кулиев, обращаясь через много лет к своему другу-однополчанину.

Вспоминая об этих днях войны. Алим Кешоков потом тоже расскажет о пройденном вместе пути, что они вместе видели и пережили. В автобиографической повести «Вид с белой горы» он писал: «...судьба свела меня с Кайсыном Кулиевым, с которым мы прошли вместе Донбасс, Сиваш, Крым...»¹⁰⁴ Кайсын ничего не забыл об этих трудных путях-дорогах фронтовых. Незадолго до смерти в стихотворении «Алиму Кешокову» (письмо из больницы) Кулиев писал:

Я помню Перекоп, и злобный свист свинца,
И пулею твою пробитую фуражку...

¹⁰² ЦГА КБАСР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 3.

¹⁰³ Там же., ед. хр. 75, л. 4.

¹⁰⁴ Кешоков А. Вид с белой горы. М.: Современник, 1974. С. 103.

А ты, достойный сын достойного отца,
И храбр и стоек был в тот день студеный, тяжкий...

Перевел Л. Шерешевский

Тогда им было по двадцать с небольшим, работали вместе военными корреспондентами в одной газете. «Мне приходилось видеть Алима Кешокова в самых разных обстоятельствах,— рассказывал Кайсын о боевых подвигах своего друга, подчеркивая его смелость и верность воинскому долгу, гуманным принципам взаимоотношений советских людей. — Я видел его в окопах Перекопа, когда его кавалерийскую фуражку пробила пуля, под артиллерийским огнем вместе переходили мы гнилой Сиваш и лежали под одной плащ-палаткой под Ростовом и Мелитополем». Часто вместе они выезжали на передовую, вместе ходили в атаку. Алим Кешоков позднее писал, что в разгар стремительного наступления под Сталинградом он встретился с Кайсыном, с которым он прошел почти всю войну. Кешоков не забыл с ним совместную военную службу, которая длилась почти всю войну. Спустя несколько лет в стихотворении «Кайсыну Кулиеву» Кешоков скажет:

И подняла одна тревога
Нас одного с тобой числа,
Одна жестокая дорога,
В одно сражение увела.

И как назначено судьбою,
Мы горской песни два крыла
И одного ружья с тобою
Два неразлучные ствола.

Боевая дружба поэтов была скреплена одной целью: скорее приблизить день Великой Победы. В одной из атак Кайсын был ранен. Друг не оставил его и нес на себе до ближайшего медсанбата. Об этом случае Алим написал стихотворение, и оно было прочитано друзьям где-то в донских степях и запомнилось Кулиеву навсегда. Вот как он сам рассказал об этом: «Солдат тащил на себе тяжело раненного товарища, который говорил: «Оставь меня, сам можешь погибнуть! Оставь меня. Счастье между нами поровну никто не делил. Оставь меня!» Но солдат не оставил друга, он полз под огнем противника, грыз землю, но товарища вынес». Этим товарищем был Кайсын, которого радушно встретили в сорок третьем году в редакции газе-

ты «Сын Отечества». «Кайсын сразу включился в редакционную жизнь,— вспоминал Кешоков. — Писал он вначале по-балкарски. На помощь ему пришел Гоффеншефер, который освоил и ремесло поэта-переводчика. Кулиев не только писал стихи, ему давали и другие задания. Как и все, он выезжал на передовую, привозил материалы о боевых буднях войск. В газете появлялись его корреспонденции и очерки за подписью «Чегемли». Очерк Кулиева «Труп убийцы», написанный по живым впечатлениям от фронтовых дорог, был высоко оценен читателями».

Многое роднило этих двух смелых молодых горцев — защитников Родины. Сближало то, что они показывали правду военного быта, таким, каким он был, со всеми трагическими обстоятельствами и жестокими испытаниями людей, их страданиями и горестями.

Враг высоту оборонял упорно,
И вот атака захлебнулась вновь.
На наши лица дым ложился черный,
И на рубахах вспыхивала кровь,—

писал А. Кешоков в 1944 году в стихотворении «Знамя». Кайсын, как и Алим Кешоков, изображал войну такой, какой он ее знал. Он сам участвовал в многосуточных боях за города России. В своих стихах военного времени Кулиев рассказывал о том, что видел. Это были жизненно правдивые описания, когда сила сопротивления врагу в этой вынужденной войне оказывалась сильнее любой военной техники врага.

Шел десять суток бой. Но враг упорно
Разил огнем, не отходил назад.
Не зная сна, покрытый пылью черной,
За этот город в бой ходил солдат.

В разбитые дома ползли, как в доты,
И били по врагу у стен в тени,
В расщелины просунув пулеметы...
Так яростно сражались тут они!

Перевел Н. Коржавин

Правдивые, психологически достоверные поэтические и прозаические строки военных стихов А. Кешокова и К. Кулиева поражали читателей своей глубиной мысли и чувств-

ва. Потребность молодых горцев помочь своим сражавшимся народам заставляла обоих работать выше человеческих возможностей. Писали они в годы войны много, по ночам при свете керосиновой лампы работали, чтобы к утру сдать редактору порученное им дело, а ведь надо было выкроить время и для стихов, и для переводов. И, несмотря на все трудности, выпавшие на долю их, сорок третий год войны оказался самым плодотворным, пожалуй, периодом во фронтовой жизни Кулиева и Кешокова. Они находили время для реализации своих творческих возможностей. Для обоих начинался период расцвета этих возможностей, и они были подготовлены к нему в полной мере. Большим счастьем было, что они оба дожили до долгожданной Победы, и Кешоков с гордостью писал об этом знаменательном дне в мае 1945-го:

В боях за свободу сердца пламенели,
Но свету противилась черная мгла.
И вот наконец мы приблизились к цели.
Как радостно в дом наш победа вошла.

Перевела В. Потапова

Пройдет ровно сорок лет после Великой Победы, и каждый из них выразит в художественном слове прошедшую войну и свое время. 6 июня 1985 года у могилы друга в Чегеме I прозвучат взволнованные слова Кешокова: «Человек, которого мы сегодня хороним, составляет гордость и славу народа, породившего и вскормившего его, поэтому в трауре не только родные и близкие, друзья и братья Кайсына Кулиева по перу... В свое время великий Горький сказал, что талант не зависит от количества населения. Удивительным подтверждением тому является Кайсын Кулиев, чья взволнованная, полная жизнеутверждения поэзия ярким, негасимым лучом ложится в полосу света, освещающую эпоху ожесточенных схваток и созидательного труда, зарождения расцвета нашей культуры, глубокого художественного мышления.

Все произведения, созданные поэтом,— это его единая, цельная изумительная книга, которая называется «Кайсын Кулиев», это возвышенное и вечное творение, увенчанное славой поэта и окруженное вниманием и заботой благодарного народа...

Кайсын Кулиев оставляет в наследство потомкам

нескончаемую, полную драматизма и глубоких мыслей, любви и преданности родной земле поэзию. И памятником ему будет бесконечная эта песня».

* * *

Работал Кулиев неутомимо, успевал во всем: и побывать на передовой, где шли бои, и написать об этом репортажи и стихи, отослать письма домой друзьям и близким, выручить товарища по дежурству, сделать подстрочки к стихам. Его теперь все время «атаковал» А. Деев, который отвечал за публикацию и содержание стихов Кулиева, за сборник стихов, предполагавшийся к изданию в ближайшее время. В письме от 9 марта 1943 года он сообщил: «...хлопочем над книгой, ведем войну с переводчиками, которые ужасно медлительны. До сих пор никак не можем закончить твою книгу. Во-первых, Антокольский отказался, Алигер тоже занята чем-то. Видимо, все же стихи сложноваты для них, не устраивают их своим настроением, внутренним звучанием, которое очень трудно передать. Пришлось нам привлечь к переводам Льва Шифферса. Он делает очень близко, точно, хотя иногда не хватает огня. Говорю иногда. И приходится на это идти, потому что лучше не сделает никто. Перевел ряд стихов Бродский. Но мне не очень нравится его работа. Он слишком старается что-то изобразить, и получается вычурно. Иногда грубоваты слова, вроде «огонь пожрал». А у тебя слова очень простые. И не словами ты добиваешься высоких эмоций... Жаль, что Петровых нет...

Тороплюсь с книгой. Ведь ее надо сдать в Комитет по Сталинским премиям. Решили не ждать последних переводов, а то и так запоздали. Затем я ее должен сдать в ближайшие дни в набор по Гослитиздату»¹⁰⁵.

А. Деев требовал, чтобы Кайсын собрал все написанное, бросил все дела и занялся только тем, о чем просил его Союз писателей, без этого книга Кулиева будет задержана. Он предупреждал друга: «Книжку я сдам в набор, но верстку задержу, без этих дополнений просто невозможно ничего сделать. Так вот тебе, Кайсын, мой заказ. Пусть тебя освободят от повседневной работы, ну дня на два-три, и ты напиши. И срочно пришли. Пошли два раза, в разных

¹⁰⁵ ЦГА КБАСР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 3.

пакетах, в разные дни, на случай, если одно потеряется. Не забудь прислать с подстрочником и указание о форме стиха. Если там будет редиф или внутренняя рифмовка, обязательно укажи, блесни формой стиха!»¹⁰⁶

И Кулиев писал их, многие из которых посвящал своим друзьям. «Поэт на фронте» (1943) — одно из таких произведений Кулиева. В нем он рассказал о своем друге Алиме Кешокове, с которым прошел по военным дорогам, участвуя в боях за освобождение Ростова-на-Дону, Донбасса, Крыма. Мужество бойца и нежность поэта становились органически единой чертой героя. В трудных условиях, во время коротких передышек между боями на смену штыку приходила поэзия:

Склонясь над взлохмаченной гривой коня,
Поводья тугие сжимая в руке.
Он мчался в атаку. Отблеск огня
Играл на холодном клинке.
А ночью, едва затухала заря,
Он молча бродил по уснувшей степи.
Потом, засветив огонек фонаря,
Писал на седле стихи.

Перевел Л. Шифферс

«Чеканные стихи с сабельным звоном» создавались поэтом-фронтовиком Кешоковым в минуты короткого привала у обочин фронтовых дорог, в землянках при свете коптилки, в часы раздумья в прифронтовом госпитале.

Под Мелитополем, где проходили упорные бои за Крымский перешеек, Кайсын Кулиев стал участником ожесточенных сражений. В эти осенние месяцы в дыме и гуле непрерывных боев у него не было времени писать стихи, он писал лишь короткие корреспонденции для газеты, положив на колени планшетку, там, где удавалось присесть на часок. Сильный сухой трепал листки бумаги, на которых Кайсын торопливым почерком записывал свои раздумья о минувшем дне, запомнившиеся эпизоды и события, каждый из которых был днем жизни и днем смерти. И снова перед ним вставали человеческие судьбы, беспощадная и суровая правда. «Я наблюдал много горького и трагического»¹⁰⁷, — писал он, встречая беженцев, которые возвращались по пыльным военным дорогам домой. Мелитополь

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 448.

был освобожден, и части Красной Армии направлялись к Перекопу и Сивашу. Перед ним были те же толпы измученных, испуганных людей — стариков, детей, женщин, как и в 41-м, но теперь это был путь не отступления и пролегал он в иных условиях: люди уже видели лик грядущей победы. Им встречались пленные немцы, подбитая вражеская техника, а главное — они ощущали всем сердцем устремленность вперед нашей Армии-победительницы. «В боях за Мелитополь мы видели настоящее господство нашей авиации в воздухе,— писал Кулиев об этом времени.— Советские танки наносили врагу сокрушительные удары. Все неузнаваемо изменилось по сравнению с начальным периодом войны»¹⁰⁸.

В конце октября сорок третьего года Кулиев поехал через Аскания-Нова к Перекопу, а от него — на Сиваш. Он пошел с первым подразделением саперов, которые должны были заняться своим трудным ратным делом — незаметно перейти Сиваш, закрепиться и дать возможность переправиться другим нашим войскам. Военный корреспондент дивизионной газеты, выступающий часто в роли политбойца, Кайсын ненастной осенней ночью вместе с бойцами шел по грудь в ледяной воде и видел, как они несли «боеприпасы, противотанковые ружья, тянули легкие пушки по воде и топи три с половиной километра». Запомнился этот переход на всю жизнь. «Моста не было. Ни танки, ни тяжелые орудия перейти Сиваш не могли. Все же наши войска заняли плацдарм. Это была драматическая и грандиозная картина,— вспоминал Кулиев.— Когда я думаю, что человек способен перенести самые большие трудности, каждый раз мне вспоминается Сиваш и особенно саперы. Какой это был промадный труд! Какие это были люди!»¹⁰⁹. О таких людях Кулиев написал в том же году циклы стихов «Перекоп» (1943)¹¹⁰ и «Сиваш» (1944). Это живые, горячие отклики на волнующие героические боевые события, участником которых он был.

Что Кулиев выстрадал и проверил на собственном опыте жизни, немного приоткрывают страницы его военной биографии, строки письма фронтового товарища Стегачева Ивана Мартыновича, бывшего заместителя редактора га-

¹⁰⁸ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 448.

¹⁰⁹ Там же. С. 449.

¹¹⁰ «Перекоп» поэт начал писать в ноябре 1943 г., а закончил в апреле 1944 г.

зеты 257-й стрелковой дивизии. «Ночью мы перебрались с тобой на Сиваш — Гнилое море,— писал, вспоминая, он Кулиеву 26 декабря 1959 года из Улан-Удэ Бурятской АССР.— Все небо было опутано трассирующими пулями и ни одного ориентира. Мокрые и усталые добрались мы до первой воронки, покрытой снегом, и под одной плащ-палаткой решили дожидаться рассвета.

Помню, нам очень хотелось есть. И тогда ты достал кусок хлеба, промокший в Гнилом море. После войны более вкусного хлеба не ел... У тебя да и у меня была не одна такая мокрая и голодная ночь под пулями...»¹¹¹. Подчеркивая исключительную трудность того перехода через Гнилое море (когда они оба проявили железную выдержку и упорство), суровость условий проведенной ночи в воронке под пулями, И. М. Стегачев рассказал о том, как они с Кайсыном, чтобы не заснуть на снегу и не погибнуть, иступленно пели бодрую, нарочито веселым голосом, песню. Выжить или замерзнуть в снегу на мерзло-мокрой земле — такова была альтернатива, стоящая перед этими фронтовиками, освобождавшими Крым. «...Мы с тобой в ту ночь до утра пели «Шаланды, полные кефали...» и... зачинщиком был ты! Первый раз в жизни я тогда пел, не думая о том, что меня кто-то слушает. Ты знал слова, и ты пел. Я, наверное, орал... Кайсын, Кайсын, что мы вложили в «Шаланды» у Гнилого моря — не знаю. Знаю одно — сейчас эта песня у меня в душе. И когда мне тяжело — пою «Шаланды, полные кефали...».

Пусть у меня не музыкальный слух, но если бы мне предложили спеть эту песню на сцене Большого театра — я бы не отказался... Я рассказал бы, как пел ее Кайсын Кулиев за Сивашом, и люди плакали бы!»¹¹²

По следам непосредственных событий на Перекопе была написана в 1943 году «Баллада о капитане Сааняне». В ней рассказывалось о том, как во имя свободного Отечества умирали люди разных национальностей, как их мысли и чувства, разум и сердца были неразъединимы. Образ такого человека и дан Кулиевым в цикле стихов «Перекоп». Он не наделен индивидуально неповторимыми чертами. И всего лишь один раз обращается командир к солдатам, когда он был смертельно ранен. Но воспринимает-

¹¹¹ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 65, л. 1.

¹¹² ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 65, л. 2.

ся его характер в существенных духовно-нравственных проявлениях. Умирая, он хотел выполнить свой воинский долг. Это было его последнее желание:

И батальону он приказал,
Смерть от себя гоня:
— Несите меня на Турецкий вал!
На руки взять меня!

Я — ваш комбат и, пока дышу,
Должен вести вас...

Перевела Ю. Нейман

Отталкиваясь от живой реальности того боевого времени, Кулиев, как и многие другие соратники по перу, создавал произведения по велению долга и сердца, потому что они были нужны людям как выражение их чувств и мыслей. «Острая нужда в поэтическом слове стала тогда для миллионов людей глубоко личным чувством, — писал А. Абрамов. — Они никогда не забудут о той совершенно исключительной роли, которую советская поэзия сыграла в их жизни в пору великих испытаний. Об этом многие из них рассказывали в письмах авторам поэм и стихотворений»¹¹³. Произошло такое и с Кулиевым. В архиве у него есть письмо. В нем говорится о том, как 10 июня 1942 года боец Адам Абгорян писал своим родителям, что он отправляется со своим танковым экипажем на Сталинградский фронт. Экипаж совершил подвиг и весь погиб. Кайсын во фронтовой газете откликнулся стихотворением «Баллада о танке»¹¹⁴ (перевел В. Гоффеншефер). Друзья погибшего танкиста прислали сестре Люсе Абгорян информацию фронтовой газеты, которую она долгое время хранила. В письме к Кулиеву она просила рассказать более подробно о ее погибшем брате. Случай с Кулиевым — не исключение. В Теркине тоже многие находили и узнавали себя, о чем они писали в письмах к поэту. Так бывает, когда произведение обретает судьбу, слившись с судьбой многих людей. И лично пережитое становилось общенародным выражением чувств. Вот что писала 26 ноября 1943 года из Нальчика М. Кустова: «Тов. Кулиев! Примите мое глубокое уважение как к человеку и поэту. Громад-

¹¹³ Абрамов А. Лирика и эпос Великой Отечественной войны. С. 7.

¹¹⁴ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 139, л. 3.

ное удовольствие испытываешь, читая ваши стихи. Всеми силами стараюсь сделать их достоянием многих, многих слушателей. Очень прошу писать в Радиокomiteт. Ваши стихи транслируются у нас каждый месяц 2—3 раза. Читает их артист Шаваев»¹¹⁵.

Военные стихи Кулиева нравились потому, что они были правдивыми, как сама жизнь, и поэт смог просто рассказать о том, как, «горькой водки глотнув, закурить забывая (о сырые, холодные, длинные дни!), по-бурлацки негромкий мотив напевая, по болоту орудья тянули они...». Это о саперах, с которыми работал Кулиев, а потом их воспел в цикле стихов «На Сиваше», рассказал, какой ценой они приближали исторический день победы, как они

Топорами, лопатами землю долбили
И с утра до заката, и с выходом звезд,—
По саперам весь день дальнoбойные били,
А саперы настойчиво строили мост.

Перевел Ю. Полухин

Герои цикла стихов «На Сиваше» — рядовые люди, которые, как тысячи других, ушли на фронт. Это прежде всего солдаты-пехотинцы, которые «шли по жаре безводной... на октябрьских сухих проселках взбивали густую пыль», смелые и упрямые люди саперы «с бессонницей глаз суровых» и «кудрявый, синеглазый санинструктор, которого солдаты звали Верой», это и бесстрашные командиры, сержанты и старшины. Им очень не просто было взять город: «Десять дней Мелитополь лихорадит от взрывов, плывут в дыму орудийном абрикосовые сады, от дома к дому, согнувшись, пехота бежит торопливо, раненые солдаты устало просят: — Воды!»¹¹⁶ С большой художественной убедительностью Кулиев показал ратный подвиг рядовых войны, многие из которых в боях за Сиваш и Перекоп погибли. Был убит командир и девушка-санинструктор. Они остались там, под Перекопом, а «нас звала расплата...»,

Мы вновь с боями двинулись на запад,
Вдали оставив девушку-солдата.

Пять месяцев провел Кайсын Кулиев в чрезвычайно напряженных условиях непрерывных боев за Мелитополь,

¹¹⁵ Там же, оп. 1, ед. хр. 75, л. 4.

¹¹⁶ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. С. 296.

Перекоп, Сиваш («О, эти пять месяцев жизни: слепых пулеметов биенье, когда над травой поблекшей нельзя поднять головы»). С ноября 1942-го по март 1943 года он был не просто журналистом-газетчиком, а был бойцом, испытывавшим все трудности солдатской жизни, товарищем тех, которые мобилизовали все свои духовные и физические силы, все то лучшее, жизнестойкое, что было в человеке. Долгие холодные дни под дождем в окопах, переход ночью в болотной ржавой воде («Ночной Сиваш перед нами. По горло в воде батальоны»), горечь поражений и радость небольших побед, смерть товарищей — все это испытал Кулиев на себе. Поэтому ровно через год опаленная огнем фронтовая память снова заставила обратиться поэта к этим с пеленой дыма и завесой огня дням:

О, эти пять месяцев жизни:
    с холодным сивашским ветром,
С какой-то уж слишком домашней, усталой
    привычкой к боям,
С бессонницей глаз суровых,
    с ночевкой в поселке ветхом,—
О них никогда не забудет солдатская память моя!

Перевел Ю. Полухин

В начале апреля 1943 года, когда развернулось наступление за освобождение Крыма, Кулиев по-прежнему часто ездил на передовую — то на Перекоп, то на Сиваш, бывал на Турецком валу. Вместе с ним ходил в разведку Аршавир Михайлович Дарбни, неустанно следовавший за поэтом и поддерживавший все его инициативы и предложения по выполнению боевых заданий. В это время и окрепла их боевая дружба, которая осталась на долгие годы. Спустя более 20 лет он продолжал писать поэту письма из Еревана, где постоянно жил после войны. «...Смотрю в «Литературной России» твой портрет, твои стихи, ваш аул и статья о твоём творчестве,— писал А. М. Дарбни 18 февраля 1964 года.— Я беседую с тобой. Мы вспоминаем прошлое, войну, Турецкий вал, деревушку, где я подарил тебе одномник Лермонтова...»¹¹⁷ Аршавир прекрасно знал о привязанности Кайсына к поэзии Лермонтова, с образами и стихами которого балкарский поэт не расставался в самые трудные дни, и не раз однополчане слушали, как их фронтовой товарищ читал и свои строки о любимом поэте:

¹¹⁷ ЦГА КБАСР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 22, л. 21.

...Всегда мне маячит с тех пор
Мятежный, стремительный «Парус».

Позже сам Кулиев вспоминал об этих днях: «Ведь я в дни фронтовых испытаний Отечественной войны даже клялся именем Лермонтова, а томик его избранных произведений постоянно находился у меня в полевой сумке»¹¹⁸.

Писал в этот год Кулиев много, находил время — часы и минуты — для работы над стихами, так как интерес к ним не только не ослабевал, а, наоборот, усиливался: только на войне он понял, какие глубокие корни имеет святое чувство — патриотизм, любовь к Родине. В таких стихотворениях сорок третьего, как «Солдат», «Сестре Мариам с фронта», «Город», «Баллада о погибшем друге», «Жизнь, как бой, трудна», «Мой аул», «В глаза мои смотри...», «Моя земля», «Меня, быть может, не дождется мать...», «Нагорный снег сверкает белизной...», это вечное сложное чувство — любовь к родному краю и Отечеству — заиграло новыми красками и зазвучало по-новому из уст горца.

В 1943 году Кулиев писал стихи не только о патриотизме. Так, из двадцати пяти стихотворений, переведенных на русский язык, семь стихотворений посвящено любимой. Тема любви к женщине, чувства дружеского участия в ее трудной судьбе с особой силой зазвучала в стихах поэта именно этого времени. Он создал ряд конкретных женских образов в таких стихотворениях, как «Девушка из Подмосковья», «Лампочка из гильзы от снаряда», «Цветы на фронте», «Уйдя на фронт, я письма сжег твои...», «На фронте — снег...», «Имя святое твое...», «Окоп. Звезда. Смотрю...». Некоторые из них написаны в форме лирического признания, монолога, воспоминания, призыва, обращения: «...на войну вслед за детьми пошли и женщины, и девушки-девчонки» (А. Твардовский). С ними не раз сталкивалась поэта судьба военных лет. И часто повествовательные сюжеты органично переходили в лирическую исповедь, открытость. Так, Кулиев не раз вспоминал своего боевого друга военврача медсанбата Веру Максимовну Сидорову, с которой он встретился на фронте в начале сорок третьего. В том же году Кулиев написал стихотворение о ней.

Через много лет на одной из встреч с поэтом студенты Кабардино-Балкарского госуниверситета задали поэту вопрос: «Вымышленное ли имя «Вера» в этом стихотворе-

¹¹⁸ Кулиев К. Стихотворения. М.: ГИХЛ, 1959. С. 11—12.

нии?» Кулиев отвечал, что почти каждое женское имя, встречавшееся в его фронтовой лирике, связано с реальными конкретными лицами и эпизодами из жизни товарищей по оружию, со случайными встречами во время коротких остановок при передислокации частей, когда никакая опасность не препятствовала возникновению знакомства, чувствам взаимного интереса, симпатии и даже влюбленности. Одним из таких стихотворений, написанных на основе того, что было с поэтом, является «Девушке из Подмосковья». В основу его тоже лег жизненный случай, который произошел с Кулиевым. Ему нравилась одна девушка. Он любил бывать у нее, слушать довоенные вальсы на патефоне, читать ей стихи и вести разговоры о театре. Он тосковал по ней, когда долго не видел, и всем сердцем устремлялся, когда выдавалось свободное время, в «Подмосковье, бревенчатый дом», где «высокие сосны стоят за окном»,

Над белой землею сиянье светил.
Не раз я в тот домик с тобой приходил.
Была там тропинка, узка и бела,
Она от калитки к порогу вела.

Перевел Д. Голубков

На память о тех встречах и дружбе с этой девушкой остались стихи и сердечные пожелания той, которая была мила поэту: «Пусть сосны счастья шумят над тобой!» Это была, очевидно, Галина Зубарева, соседка Кедриных. Молодая и красивая, она тогда готовилась поступать в театральный институт, прекрасно читала стихи. «В ее молодом, горячем исполнении мы однажды слушали даже лермонтовского «Мцыри» целиком,— рассказывал Кулиев.— Не думаю, чтобы я был равнодушен к ней». Об этом догадывались близкие друзья поэта. Людмила Ивановна Кедрина была убеждена, что стихотворение «Девушке из Подмосковья» написано о том времени, когда Кайсын приходил к ним и встречался с их милой соседкой. От Галины Зубаревой он получал небольшие весточки и приветы. Вот письмо от 18 октября 1947 года: «...Галочка (помните ее?) кланяется Вам и приглашает Вас к себе в гости»¹¹⁹. То же самое в письме и от 17 декабря 1949 года: «Вам кланяется Галочка (если Вы еще помните ее)»¹²⁰,— писала

¹¹⁹ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 46, л. 2.

¹²⁰ Там же, л. 3.

Людмила Ивановна в письмах к Кулиеву, когда он жил во Фрунзе.

Стихотворения о женщинах, дружбе и любви — личные, интимные и гражданские — отличались глубоким и мягким лиризмом, искренностью переживаний. Они были чаще всего обращены к матери, жене, сестре, любимой, разделившим вместе с защитниками Родины ненависть к врагу, любовь и верность народу, тяжкий труд в тылу, все лишения и невзгоды военной поры. Солдаты верили в них, как верили в победу. Обращаясь к жене в 1943 году, Кулиев писал:

Уйдя на фронт, я письма сжег твои.
Любимая! Я сам их бросил в пламя,
Чтоб чистые слова твоей любви
Враг не запачкал грязными руками.

Перевела Ю. Нейман

Близостью эмоционального настроения, лиричностью и элегическим настроением схожи с ним и «Стихи Чегему, написанные с фронта». Они отразили целый комплекс размышлений и чувств поэта об отчей земле и любимой, которыми так дорожил поэт:

На фронте — снег. Как легкий мех,
Ложится невесомо.
Мне кажется — такой же снег
У вас сегодня дома.

Перевела Ю. Нейман

О них, женщинах тыла, думали солдаты в минуты короткого отдыха, в окопах и эшелонах, когда проезжали знакомые места. Эта светлая память о прошлых мирных счастливых днях, о любимых была неподвластна военным суровым будням. Она была как счастье и награда:

Окоп. Звезда. Смотрю, дыханье затая,
На дивную игру живых огней и света
И верить хочется, что на звезду вот эту
Глядишь сейчас и ты, далекая моя!..

Перевела Ю. Нейман

В это время, особенно в 1942 году, Кулиев очень волновался за жену и дочь. Писал об этом друзьям, они понимали его тревогу: Нальчик был оккупирован. В частности,

А. Деев писал Кайсыну в апреле 1943 года: «Что же это тебе не пишут из Нальчика? Неужели нет знакомого, друга, который сообщил бы все о Тамаре и девочке? А самому туда выехать не удастся?»¹²¹

Выехать, конечно, было нельзя ни под каким предлогом. Он даже не мог добиться, чтобы его перевели на Кавказский фронт. Он не знал, что с семьей, и ждет ли его жена. Дело в том, что он получил письмо от одного своего земляка, который сообщил ему неприятную весть о Тамаре: что якобы она неверна ему. Горько и обидно было узнать об этом.

В этом же, 1942 году он написал грустные строки:

Как горец песнь родную забывает —
Коль так я вашим сердцем позабыт.
А кровь солдата с камня дождь смывает —
И след моей любви так в вашем сердце смывает.

Перевел Н. Коржавин

Пораженный этим неприятным известием, Кулиев продолжал верить в Тамару и ее любовь. Слишком многое связывало их: первое чистое чувство любви, взаимопонимание, когда они учились вместе в театральном институте, мечтали о будущем, о долгожданном ребенке, когда им посчастливилось полностью насладиться, увидев крошечную дочурку. Кайсын всегда считал, что они принадлежат с Тамарой к счастливо рожденным людям, которых природа щедро наделила всем: умом, красотой, здоровьем предков, острой памятью и воображением (что имело немало важное значение в работе актера!). Они оба узнали и муку, и радость наслаждения, когда участвовали в первых постановках обожаемого ими театра. Думал тогда Кайсын и о своей маленькой родине, где «лежит тумана кисея преданьем по ущельям черным, где песня первая моя ушла, как тур, по тропкам горным» (перевел Н. Коржавин). «Никому и никогда не поверю, что бы ни говорили о ней. Только — ей самой. Она ничего не скроет и расскажет всю правду о себе» — так думал Кайсын. Так и произошло, когда они встретились во Фрунзе. Не верил Кайсын и тому, кто говорил об оскудении чувств на войне, выступал против легкости отношений, искажения и принижения военно-полевых романов. Кайсын по-прежнему любил и не уставал повторять светлое имя любимой:

¹²¹ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 8—10.

Имя светлое твое
Не устану повторять я.
Отдых в нем, и забытьё,
И от вражьих пуль заклатьё.

Перевела Ю. Нейман

Традиционная тема встречи и разлуки любящих в лирике Кулиева сорок третьего года часто использовалась для углубления психологического показа действий и чувств героя. Так, в стихотворении «Цветы на фронте» (1943) мужественный защитник Родины, простой солдат в минуты отдыха собирает в поле цветы для своей любимой, чтобы подарить их при встрече. «Любимая! Не раз я рвал цветы на поле, где зимой прошли бои...» Война и цветы. Какой контраст! Солдат знает, что подарить букет он не сможет. Любимая далеко от него, поэтому так дороги ему воспоминания о ней, о днях мира, покоя и тишины, когда он приносил ей цветы:

Как часто о тебе мне снились сны.
И сколько я собрал цветов лесных.
Но не было тебя... За дни войны
Немало у меня завяло их.

Перевел Д. Кедрин

Радость жизни сохраняется, несмотря на постоянную близость смерти, и верность суровому воинскому долгу никак не мешала верности любви, семье. «Цветы на фронте» — своеобразное отражение этих чувств. Собранный букет цветов на полях войны приобщен поэтом к биографии солдатской жизни на фронте. Этот простой случай опоэтизирован для того, чтобы глубже раскрыть душу советского воина-освободителя, показать его нравственные качества, без которых нет подлинно настоящего человека. Свою любовь и верность нес солдат через тысячу четыреста семнадцать дней войны, поскольку они, как и любовь к Родине, были могучей идейной и нравственной силой в борьбе против фашизма.

Дорогой образ не забыт воином. В любви черпал солдат уверенность в победе жизни над смертью. Чистоту любви, гуманность советского воина, его заботу о близких и родных, свежесть чувств, пронесенных сквозь самые жестокие испытания, Кулиев выразил с необычайной простотой и нежностью в «Песне о голубых глазах» (1943) из цикла

стихотворений «О тех, что не вернутся». В ней поэт подчеркивает незримое слияние любви воина к Родине и дорогим, близким людям:

Мы степью шли, от жажды изнывая,
С трудом давался каждый шаг.
Закрыла небо туча грозовая...
А друг мой пел о голубых глазах.

Перевел Д. Голубков

Известный советский поэт Дмитрий Кедрин высоко ценил эти стихи Кулиева. В письме 9 марта 1944 года, присланном на фронт Кулиеву, он писал об этих стихах: «Сейчас я стал переводить твои новые стихи: «Глядя в темную даль», «Цветы», «Песня о голубых глазах». Говорю без комплиментов: среди них есть маленькие шедевры. Я люблю твои стихи за полноту мысли и чувства, что, увы, не часто в нашей поэзии. Я понимаю, что тебя побудило написать то или другое стихотворение, восприятие мира у нас, вероятно, сходное — и потому некоторые из переводов твоих стихов вышли у меня удачно»¹²².

Дмитрий Кедрин один из первых отметил наличие в стихах Кулиева героико-романтической и лирической интонации, его умение выразить в переживаниях солдата-горца тоску по любимой и родному очагу как общенародные чувства.

В 1943 году Кулиев надеялся увидеть наконец-то свою книгу, изданную в Москве. В марте этого года ее уже сдали в набор. Об этом известил поэта Деев. Он написал ему 23 марта 1943 года: «Книжку твою, названную мной — «Горы мои», я сдал в набор. В ней свыше тысячи строк, 65 стихотворений. Теперь надо бороться за ее выход, а то сделаем ее и заматрицируем, и будет она лежать и покрываться пылью. Однако, для того чтобы она была полноценной, — срочно высылай несколько стихотворений уже с новой тематикой о Кавказе. Сам понимаешь, что это необходимо. Один экземпляр книги послан Кериму. Некоторые стихи переведены заново... Книга получится хорошая»¹²³.

Через двадцать три дня, то есть 16 апреля этого же года, Деев снова писал Кулиеву: «...сборник я наконец сдал

¹²² ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 56.

¹²³ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 8—10.

в набор. Было очень много поправок, потому что поэты снижали уровень. Кое-что пришлось поправлять и в авторском тексте. Еще в гранках почитаю и кое-что поправлю. По плану мы наметили выпустить книгу в мае. Но, памятуя нашу издательскую медлительность, допускаю, что выйдет сборник «Горы мои» в июне. И то будет хорошо...»¹²⁴.

Книга Кулиева «Горы мои», набранная в 1943 году и выдвинутая на Государственную премию СССР, не была издана ни через год, ни через пять лет. Вышла она только через 14 лет, в 1957 году, в Москве, в издательстве «Советский писатель» под названием «Горы». Но тогда, в сорок третьем, ни Деев, ни Кулиев не могли и представить того, что случится. А пока что Деев продолжал просить все новых и новых стихов от Кулиева. Так, в этом же письме от 23 марта он писал: «...я жду от тебя хорошего, делового письма со вложением новых стихов об освобождении Кавказа...»¹²⁵

И Кулиев писал стихи. В них было свое, авторски выстраданное мужество, лично пережитое и испытанное на войне. Обращаясь к своему поколению от имени человека, которому пришлось столкнуться с фашизмом и испытать в огне боев собственную жизнестойкость и силу воли, он писал:

Чем дать врагу топтать траву твою
И с робостью глядеть на твой позор,
Пусть лучше смерть сразит меня в бою,
Чтоб спать мне на груди родимых гор.

Перевел Д. Кедрин

Это высокое идейно-нравственное содержание, накал чувств почерпнуты поэтом в горниле войны. И это понимали те, которые слушали по радио или читали стихи поэта сорок четвертого года. Вот что писала М. Кустова, женщина, потерявшая на войне двух родных братьев, мужа и младшую сестру: «Осиротел мой дом. Остались я да дочка. У нее жених на фронте. Хоть бы ее пощадила война... Пусть хоть ее сердце не будет иметь этой страшной тоски...

...Ваши стихи я нашла и включила в радиомонтаж. Хорошо их слушать. Только горестно. Ну да и пишите их Вы не в радостный праздник, а в трудные дни. Скажу Вам от

¹²⁴ Там же, л. 7.

¹²⁵ Там же.

души, по-матерински скажу — хорошие, правдивые стихи. Волнуют они и сразу узнаёшь их — Кулиев писал! Значит, есть лицо, свое, на других непохожее»¹²⁶.

Сам поэт признавал, что в его произведениях «независимо от художественного уровня, чувствуется трагическое мужество того времени». Он считал это основным тоном своих произведений. «То, что я видел вокруг и пережил, — писал он, — никак не вязалось с бодростью. Мне очень нравятся прекрасные слова Мицкевича: «Какая жизнь — такой пусть будет песня». По моему мнению, и поэзия должна была вбирать в себя ту драматическую атмосферу, в ней должно было жить небывалое мужество людей, очень хотевших жить, но сражавшихся и погибавших за свою родину. Тут ложь и фальшь звучали отвратительным кощунством»¹²⁷. Несомненно и то, что Кулиев в это время испытывал влияние поэзии А. Твардовского и других советских поэтов, правда которых учила «углубленному отношению к жизни, стойкости и нравственной чистоте». Так, книга про бойца Твардовского «Василий Теркин» жила в это время в умах и сердцах почти каждого создателя поэзии и народа-воина. «Мы, бывшие фронтовики, помним, что Книга про бойца была нам всех прочих более дорога», — писал Кулиев. Такое же значение для него имели поэмы А. Кулешова «Знамя бригады» (1943), Н. Тихонова «Киров с нами» (1941), М. Алигер «Зоя» (1942), В. Инбер «Пулковский меридиан». (1941—1943).

С поэмой Аркадия Кулешова «Знамя бригады» Кулиев познакомился, когда купил очередной номер журнала «Знамя», положил его в свою полевую сумку и на досуге стал просматривать его. Внимание привлекла поэма «Знамя бригады». Он прочитал ее. Она поразила новизной содержания и большими художественными достоинствами. Кайсын прочитал ее еще раз и был уверен, что такую поэму «мог создать только очень крупный художник, всем существом любящий родную землю»¹²⁸.

Оба поэта воевали и не были лично знакомы. Лишь после войны Кулешов станет для Кайсына близким и дорогим человеком. Они подружатся. Кулешов переведет «Книгу земли» Кайсына на белорусский язык. Кайсын будет

¹²⁶ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 75, л. 5.

¹²⁷ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 449.

¹²⁸ Кулиев К. Глубокие корни // Кабардино-балкарская правда. 1974. 2 февраля.

дорожить дружбой этого человека и при каждой встрече будет настойчиво приглашать к себе в горы, в Чегем. Выступая на вечере, посвященном 60-летию со дня рождения Кулешова, Кайсын подчеркнул, что он много сделал для братства культур своими блестящими, по единодушному мнению знатоков, переводами, в том числе и из горских поэтов. В стихотворении «Лицо друга», посвященном Кулешову, Кайсын сказал о дружбе, что «дается как награда», о том, что «быть может, жизни смысл непостижим, и все же дружество — ее основа».

Мы в дружбе обретаем утешенье,
Без друга холоден и отчий кров.
Одни мы — как без мельницы селенье
Иль мельница сама без жерновов.

Перевел Н. Гребнев

С годами эта поэтическая дружба будет все крепнуть. Как и в годы войны, так и во все послевоенное время Кулиев будет высоко чтить поэзию Кулешова, его многогранный талант, чье творчество действительно помогало людям жить и трудиться, становясь их собственной радостью и болью. Обращаясь к нему, Кулиев признавался:

От Минска далека моя земля,
Но, ученик чегемских скотоводов,
Я взял тебя себе в учителя
На все мои оставшиеся годы.

Перевел Н. Гребнев

Прекрасные слова о Кулиеве сказал и Аркадий Александрович, когда он приехал в Москву 20 декабря 1977 года. Кайсын его встретил на Белорусском вокзале, и они вместе поселились в гостинице «Москва». Кулешов приехал на юбилей Кайсына — отметить в Концертном зале им. П. И. Чайковского 60-летие своего друга. Кулешов не знал тогда, что оставалось ему жить только сорок четыре дня. Вечером он выступил со словами приветствия. «Я люблю поэзию своего друга из Чегемского ущелья Кайсына Кулиева. Она духовно близка мне, понятна, как все простое и великое. Поэтому я с удовольствием перевожу его стихи на белорусский язык... Ты был на моем 60-летию, теперь я приехал чествовать тебя, поэт Кавказских гор. Ты прославил их и свой маленький трудолюбивый

народ. Живи долго, как живут герои твоих бессмертных книг», — сказал А. А. Кулешов. Это была их последняя встреча. 4 февраля 1978 года Аркадий Кулешов уйдет из жизни. Кайсын, потрясенный внезапной смертью друга, вылетит в Минск, чтобы навсегда проститься с прославленным белорусским поэтом, выступит на траурном митинге и будет долго переживать эту невосполнимую утрату. В «Литературной газете» от 8 февраля 1978 года будет помещен некролог, его подпишут 65 человек, в том числе и его друг Кайсын Кулиев, который переживет Кулешова только на семь лет.

* * *

Тысяча девятьсот сорок четвертый год был нерадостным, тяжелым в жизни поэта. Кулиев продолжал воевать с винтовкой в руках в крымских боях за Симферополь и Севастополь и редко стал получать письма из дома. Судьба продолжала испытывать поэта напряженным драматизмом стремительно развернувшихся событий в жизни его родного народа. Сам Кулиев это описал так: «В конце марта дождливым днем, получив очередное задание от редакции, я отправился на передовую. Прежде чем перейти Сиваш, мы заехали на полевую почту. Мне вручили письмо. Я сразу узнал почерк поэта Керима Отарова, хотя внизу на конверте значилась фамилия «Османов» и неизвестный мне адрес. Еще не раскрыв письма, я понял, что случилась беда..»

Алим Кешоков, Гоффеншефер и другие мои товарищи старались поддержать меня. Они понимали мое горе»¹²⁹.

Это письмо было от его фронтового друга К. С. Отарова, который после ампутации ноги был демобилизован, вернулся в Нальчик и приступил к своей прежней работе — председателя правления Союза писателей КБАССР. С середины марта 1944 года он разделил со своим народом судьбу переселенца. С июня 1945-го по февраль 1956 года Отаров работал на трикотажной фабрике в городе Фрунзе. Отсюда и писал он о постигшем народ горе. Из письма Кулиев понял: нарушены по произволу отдельных личностей законность и правопорядок, и его маленький народ, мужское население которого сражалось на войне, подвергся

¹²⁹ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 449.

репрессии. «К великому горю, по произволу отдельных личностей такое случилось с некоторыми народами Северного Кавказа, Крыма и приволжских степей», — писал народный поэт Башкирии Мустай Карим.

Действующая армия, в которой находился Кулиев, наступала, и поэт с группой корреспондентов снова перешел Сиваш. «Мои товарищи остались на большом плацдарме, я перешел через один из рукавов Сиваша на полуостров Тейтюбе, где за дни обороны бывал не раз»¹³⁰. Для обороны этого участка немецко-фашистское командование построило на подступах к городу Симферополю ряд мощных оборонительных сооружений. Наступавшие советские войска должны были пробиться через Сиваш, водные преграды озер, через глубокие рвы и укрепления противника вдоль всей линии передовой. Советские войска упорно сражались за овладение крымской землей. В этих многосуточных боях Кулиев проявил изумившую всех храбрость и находчивость. После получасовой артиллерийской подготовки и непрерывавшегося обстрела укреплений противника в наступление перешли пехотинцы и стрелковые батальоны. Вместе с ними пошел и Кулиев, и в первой же атаке на глазах Кулиева полегло много бойцов. В их взводе был убит пулеметчик. Взяв его ручной пулемет, Кулиев снова устремился в атаку. Фашисты ожесточенно оборонялись, и все-таки были выбиты из траншей и укреплений. Они беспорядочно бежали. С холма, где стоял пулемет Кайсына, было удобно стрелять по врагу. Но и Кулиев был на виду у всех, и его можно было легко подстрелить любому снайперу. «Тогда, — вспоминал поэт, — я мало думал об опасности»¹³¹.

Дни и ночи находился Кулиев в самом пекле сражений за освобождение от немецко-фашистских захватчиков исконных черноморских городов России — Симферополя и Севастополя. Вражеские пули не пощадили многих, кто рядом с Кулиевым сражался в те дни и кто мог бы подробно рассказать о подвигах военного корреспондента Кайсына Кулиева. Сам же поэт пишет о себе очень скромно: «Шли бои в Симферополе. Я прибыл туда ночью одним из первых корреспондентов. На второй день встретился с моими товарищами». Или другое воспоминание: «Продол-

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же. С. 450.

жалось наступление на Севастополь. Кешоков и я целый день находились с одной пулеметной ротой. Пули сыпались на землю с низкорослых деревьев, как град. Это было на Макензиевых горах, недалеко от Севастополя». Зато народная память сохранила высокий героизм Кайсына Кулиева, проявленный им в боях за то, чтобы вернуть свободу жителям этих южных городов. Вот один из таких документов, хранившихся в госархиве КБАССР. «Благодарные севастопольцы всегда будут помнить Ваши ратные подвиги, совершенные у стен нашего города»¹³². Это Севастопольский горком партии от имени жителей города поздравлял К. Ш. Кулиева как участника освобождения г. Севастополя от немецко-фашистских захватчиков в день празднования 30-летия Великой Победы советского народа.

Здесь, на Сапун-горе, утром следующего дня Кулиев был ранен. Алим Кешоков и Сергей Зыков отвезли его в Симферополь, где располагался госпиталь. Узнав о ранении Кайсына, Мария Федоровна Архарова, работавшая вместе с ним военным корреспондентом в редакции армейской газеты «Сын Отечества», прошедшая с ним вместе Сталинградский фронт, в тот же день навестила своего друга. Кайсын лежал без сознания: потерял много крови. Неподдельное глубокое горе отразилось на лице молодой женщины. Для нее Кулиев был живым олицетворением мужского благородства, рыцарства, справедливости, смелости и высокого ума. Каким был тогда Кайсын, лучше всего говорят старые пожелтевшие от времени строки писем. «...Вас помню жизнерадостным юношей, — писала Мария Федоровна, — с буйной густой шевелюрой и горячими темными глазами. В них частенько мелькали озорные искорки, а иной раз они становились печальными до горечи, а губы у Вас оттопыривались совсем по-детски обиженно. Так бывало, когда Ваши стихи попадали в «сушильный шкаф». Вениамин Цезаревич Гоффеншефер был чудесным человеком — мягким, честным, справедливым. Но, увы! Когда он, наморщившись в муках редактирования, принимался разделять Ваши стихи на слоги и отмечать цезуры, стихи получались очень правильными по размеру, но поэзия испуганно выпархивала из них прочь... Возможно, мы плохо разбирались тогда в слогах, цезурах и прочих атри-

---

¹³² ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 169, л. 6—7.

бутах, но, думаю, что музыку поэзии мы все же воспринимали правильно»¹³³.

Так писала Архарова, его боевой товарищ, воевавшая с ним на 4-м Украинском. Кайсын знал о тяжелом горе, постигшем Марию. На Сталинградском фронте погиб ее любимый, тоже военный корреспондент газеты «Сын Отечества» Михаил Иванович Соловьев, с которым она была знакома с 1932 года, когда они вместе работали в газете «Красный Крым».

«Мечтаю только об одном: дожить, дожить до великого дня наступления,— говорил не раз Марии политрук Соловьев.— Своими глазами увидеть, как погоним мы с Волги эту фашистскую нечисть!» 19 ноября 1942 года мечта его сбылась — началось наступление. Но уже без Миши Соловьева. За два месяца до этой великой даты он погиб на линии огня. Спустя годы Архарова напишет о нем очерк «Расскажу вам о друге», который войдет в книгу «В редакцию не вернулся» (М.: Политиздат, 1970).

Эта женщина могла понять боль и горе друга, поэтому Кайсын не удивился, когда увидел Марию Федоровну около своей больничной койки. Никто из персонала — ни медицинские сестры, ни врачи — не усмотрели в этом посещении ничего предосудительного: участие в судьбе раненого товарища, с которым она прошла путь освобождения многих городов, было вполне естественным и гуманным. Лечащий врач разрешил Марии Федоровне, когда ей было возможно, оставаться в этой небольшой офицерской палате и ухаживать за тяжело раненым лейтенантом Кайсыном Кулиевым. Пройдут годы, и Кайсын будет читать строки искреннего письма от Марии Архаровой: «...было бы большим счастьем получить от Вас очередной сборник стихов. Очень они сильны у Вас. И прежде всего тем, что Ваша душа, тонкая и музыкальная душа сына Кавказских гор, в тяжелых испытаниях оказалась крепкой, как старинный клинок из стали, откованный лучшими мастерами народа. И чувство гордости вызывает у меня мысль, что знала я такого человека и поэта еще в дни его славной боевой юности»¹³⁴. И далее: «Когда я читаю Ваши стихи, то во мне все отзывается так, как будто я слушаю аккор-

¹³³ Там же, л. 1.

¹³⁴ Там же, л. 6—7.

ды симфонии Бетховена, а это мой любимейший композитор»¹³⁵.

Необычайной по своему нравственному содержанию была дружба этих двух людей: два года и вся жизнь. Тогда, в мае 1944 года, она спасла, выходила Кайсына в симферопольском госпитале. Вот что она писала об этом времени: «...последний раз я видела Вас в симферопольском госпитале. Вы были тяжело ранены при штурме Сапун-горы. Было очень больно видеть Вас в гипсовых повязках и сознавать, что наш веселый джигит, талантливый юноша-поэт навсегда потерял способность плясать лезгинку. Но Вы оставались верны себе, и даже распростертый на госпитальной койке, Вы вполголоса, чтобы не мешать другим раненым, продолжали читать мне стихи. Слушала я их, изо всех сил стараясь сдержать слезы и казаться веселой...»¹³⁶

Мария Федоровна ухаживала не только за Кайсыном, но и за многими другими больными, ибо видела, как трудно было раненым и медперсоналу. Сюда прибывали раненные отовсюду: с ПЭП (полевой эвакуопункт), ППГ (полевой подвижной госпиталь), поступали и гражданские больные, которым была необходима экстренная медпомощь. Палаты были набиты до отказа. Тяжелые это были дни: не хватало хирургов и младшего медперсонала. Терпение раненых и героический труд медицинских работников в те незабываемые дни остались навсегда в памяти Марии Федоровны Архаровой: «Ох, как все это было тяжело, Кайсын! Нелегко далась нашим войскам Сапун-гора... Госпиталь был переполнен. Раненные лежали не только в палатах. Койками были заставлены все коридоры, лежали даже на полу. Медперсонал был так перегружен работой, что люди не спали сутками. Надо было хотя бы успеть перебинтовать, остановить кровь, прооперировать. У врачей, сестер, санитарок, при всем их желании, на беседы с ранеными не оставалось ни одной свободной минуты. А раненные так нуждались в добром слове! Мое начальство отпустило меня всего на час. Но когда, простившись с Вами, я по длинному коридору направлялась к выходу, раненные один за другим молили: «Родненькая, посидите со мной, поговорите со мной!»¹³⁷

¹³⁵ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 169, л. 6—7.

¹³⁶ Там же, л. 1.

¹³⁷ Там же, л. 2.

Всю свою последующую жизнь Мария Федоровна свяжет с крымской землей, за освобождение которой пролил кровь ее любимой поэт. Местом жительства она выберет город Симферополь, улицу Севастопольскую. Выйдет замуж за Л. И. Кондрашева и проживет с ним долгую жизнь. Но всегда будет помнить боевую дружбу с поэтом, которая началась еще на Сталинградском фронте и окрепла на 4-м Украинском, когда войска 51-й армии освобождали Донбасс, Крым и город-герой Севастополь. Все пришлось ей испытать на фронте. Обратимся к ее письму. Оно лучше всех скажет об этом. «...Прочитав стихи «Женщинам» в Вашем сборнике «Благодарю солнце», я с робкой надеждой подумала,— писала она в одном из писем,— что они могут относиться и ко мне. Ведь я тоже клала «добрые заплатки» на пробитые пулями и осколками шинели и гимнастерки наших бойцов. И из моих рук ели и полководцы и солдаты... И не раз мне приходилось перевязывать раненых...»¹³⁸

Вы клали добрые заплатки
На рубища своих мужей,
Лечили храброго солдата,
Омывши кровь слезой своей —

Перевел Д. Голубков

так писал Кулиев в 1955 году. А для Марии Федоровны за этими поэтическими строками вставляли дни Сталинградской битвы, когда она с большой медицинской сумкой, наполненной бинтами и лекарствами, шла в бой вместе с солдатами. «...Нас еще до войны,— вспоминала она,— обучали не только перевязкам, причем даже самым сложным, но и умению метко стрелять из винтовки и пулемета и скакать на коне. Еще в 30-е годы я была «ворошиловским стрелком»¹³⁹.

Кулиев познакомился с этой славной женщиной, когда был направлен на Сталинградский фронт. Она была способной журналисткой и имела опыт работы в газете. Кулиев иногда отдавал ей править свои заметки и очерки, читал свои стихи и подстрочники. Мария Федоровна не забыла и эти творческие вечера. «...А помните наши вечера, когда мы читали стихи? К сожалению, бывало это очень

¹³⁸ Там же, л. 1.

¹³⁹ Там же, л. 1—2.

редко: Вы были заняты своими делами военного корреспондента, а я постоянно вычитывала бесконечные корректуры. А Ваши стихи, дорогой Кайсын... Вы всегда прибегали ко мне читать все написанное Вами о войне, о героях нашей армии... Потом меня перевели в политразведку...»¹⁴⁰

После симферопольского госпиталя Кайсын Кулиев и Мария Архарова больше не увиделись. Лишь в письмах они вспоминали о былом и пережитом. Узнает Кайсын, как погиб Михаил Соловьев и как сложились военные судьбы веселого радиста Яши Луцкого и корреспондента Николая Полторакова, которых хорошо знал Кайсын, как она будет неустанно работать и сражаться, куда бы ее ни забросила судьба. Так, в одном из писем Мария писала: «...потом нас передислоцировали через Украину на Польшу и Прибалтику. Было много кровопролитных боев, много новых подвигов наших героев. На реке Лиелупе комсомольцы из молодого пополнения, обвязавшись гранатами, выдalis под танки... Нас окружила была танковая дивизия «Гросс Дейчлянд» (Великая Германия), и мы скрывались в лесах, а потом ее расколошматили, и наши соединения, в свою очередь, зажали в клещи фашистскую группировку. Но Вас уже не было с нами. Я все ждала весточку от Вас или о Вас. Расспрашивала газетчиков, а ответ был один: «Кайсын бесследно исчез». И лишь много лет спустя Лев Иванович встретил Вас у Васи Субботина в «Дружбе народов». Только тогда я с глубокой болью узнала о том, что было с Вами после ранения и госпиталя»¹⁴¹.

По ранению и другим более сложным обстоятельствам в этом же, 1944 году Кулиев, по его словам, навсегда расстался с «Сыном Отечества». Причины расставания были очень вескими. Дело в том, что 8 марта 1944 года на балкарский народ обрушилась беда, как и на многие народы Северного Кавказа. Начались репрессии, имевшие своей целью физический и духовный геноцид. Подверглись дискриминации даже те горцы, которые, как и Кайсын Кулиев, защищали Отечество на фронтах Великой Отечественной войны. Для военнослужащих депортация началась в тот же трагический 1944 год. Акция по отзыву рядового, сержантского и офицерского состава из действующих воинских соединений проводилась по национальному призна-

¹⁴⁰ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 169, л. 1—2.

¹⁴¹ Там же, л. 4.

ку — балкарец, ингуш, чеченец, карачаевец, калмык и т. д. Подвергся этой унижительной акции и капитан доблестной Советской Армии Кайсын Кулиев, награжденный к этому времени орденом Отечественной войны II степени и медалями за безупречную воинскую службу...

Жизнь продолжалась, как бы она горько порой ни складывалась для поэта. И он продолжал упорно работать над собой, где бы он ни находился, пользуясь малейшей возможностью писать стихи.

Честь и храбрость нам указывает путь.
Не страшась, мы пойдем вперед.
Если хочешь победы — о смерти забудь!
Мы пойдем вперед!
Мы пойдем...—

Перевела Ю. Нейман

писал поэт в 1944 году, и эти слова звучали символически, а за ними скрывалось вполне реальное содержание.

Два памятных события связаны с пребыванием Кулиева в госпитале. Первое — посещение госпиталя командующим 51-й армией генералом Крейзером. Через неделю после того, как Кулиев попал на лечение, неожиданно для всех в палате появился молодой, стройный генерал. Он всегда нравился Кулиеву и как умный стратег и как справедливый, самоотверженный человек. Крейзер лучше других военачальников знал положение дел на передовой, дух солдат и интересы офицеров. Быстро оглядел маленькую офицерскую палату и с ласковой улыбкой приветствовал раненых. Кулиев лежал в гипсе и встать не мог, однако сделал невольное движение, чтобы приподняться.

— Лежи, лежи, храбрый воин. Теперь тебе по уставу положено лежать перед генералом, — пошутил Крейзер и уже без тени улыбки, серьезно и торжественно поздравил Кулиева с заслуженной наградой — орденом Отечественной войны II степени.

— Может быть, я не имею морального права на орден, так как мой народ, моя мать и мои родственники являются переселенцами, — сказал Кулиев.

— Ты представлен правительством к боевой награде за свои личные заслуги перед Родиной, за ту огромную ответственность за судьбу всего советского народа, которую несет ваше поколение. Поэт, журналист и политработник, ты, Кайсын, полз не раз под пулями вместе с бойцами

в дни штурма крымского укрепления. Ты достоин боевой награды,— ответил генерал и, чеканя каждое слово, сказал: — От имени Президиума Верховного Совета СССР вручаю Вам орден. Желаю скорого выздоровления.

— Служу Советскому Союзу! — ответил Кулиев.

Командующий и сопровождавшие его офицеры вышли. Кайсына стали поздравлять товарищи по палате, рассматривать орден. Многие из них знали, что только в мае 1942 года для награждения отличившихся в боях за Советскую Родину Президиум Верховного Совета СССР учредил орден Отечественной войны I и II степени. И вот этой высокой награды удостоен их товарищ, Кайсын. Тогда Кулиев не знал, что этим боевым орденом будут награждены коллективы 17 заводов-арсеналов, ковавших для фронта оружие победы, в том числе и Сталинградский тракторный, за который сражался и Кулиев.

Лежа в больничной палате, Кайсын думал о своих родных. Недавно он получил письмо от матери, в котором она писала, что сейчас они живут в Северном Казахстане в Павлодарской области, Урюпинский район, что все здоровы; сестры Мариам, Марзият и Шахидат работают в колхозе, что все родичи и друзья помнят, любят его и искренне желают, чтобы Кайсын скорее приезжал к ним. В письме Узеирхан ни на что не жаловалась, только просила беречь себя. По тону письма Кулиев понял, что им живется не так легко, как они пишут. «Особенно тяжело, наверное, сестре Мариам,— думал он,— ведь у нее на руках трое маленьких сыновей и больной свекор Омар». Кулиев написал им письмо и обещал скоро приехать к ним. В конце письма сделал приписку: «После выздоровления буду в Нальчике, а потом решу, как быть с вами. Ждите меня».

Здесь, в симферопольском госпитале, Кулиев многое передумал. Писал он не меньше, чем в 1942-м и 1943 годах. Его семнадцать стихотворений сорок четвертого — это свидетельство величия духа и стойкости советских людей, нравственных и физических сил национального характера. Среди них и цикл стихов «Перекоп», начатый в сорок третьем году, «Стихи о мужестве», «Певец», «Жизнь, как бой, трудна», «Для тех, кто в пути». Они представляли собой глубокие размышления поэта о нравственных силах советских воинов, испытавших горечь неудач в первый этап войны и радость побед в сорок четвертом.

В симферопольском госпитале К. Ш. Кулиева навести-

ла и военврач Вера Максимовна Сидорова, с которой он познакомился столь романтически в 1943 году, когда однажды читал в минуту передышки бойцам стихи Сергея Есенина, а она пришла послушать строки своего любимого поэта в исполнении горского поэта Кулиева. «Это была самая чистая и самая возвышенная моя любовь,— говорил поэт, спустя годы.— Три дня она провела около моей постели, ухаживала за мной, когда я лежал в гипсе и не мог встать». И, помолчав, Кайсын добавил как бы в раздумье: «Знаю, делала она это из чувства благодарности ко мне, так как помнила тот день, когда я по ее же просьбе увез Веру во второй эшелон, в штб 51-й армии...»

Приходили и приезжали проведать Кайсына и многие другие боевые друзья и знакомые по работе, в числе которых был и военный корреспондент И. М. Стегачев. В одном из писем к Кулиеву он вспоминал: «Тебя ранили в нашей 267-й дивизии, где я был уже редактором. Помню Симферополь и тебя в последний раз в госпитале. Забегал прощаться. Ты тогда говорил, что после ранения операция прошла неудачно — нога не разгибалась...» Далее в письме Стегачев рассказывал о том, что каждый из военных корреспондентов сумел внести свой вклад в дело победы над врагом. «По материалам нашей дивизионной газеты через десять лет установлена истина,— с гордостью сообщал он.— На Сапун-горе первым водрузил знамя боец нашей дивизии Япуненко и ему через десять лет было присвоено звание Героя Советского Союза. Это еще более укрепило в моем сознании мысль — и мы не даром ели фронтовой хлеб»¹⁴².

Кайсыну было приятно сознавать, что он не забыт, что любим фронтовыми друзьями. Ему было отрадно признать и то, что тут, хотя невольно, по ранению, он все-таки отдыхает от огня, прохота и непрестанного напряжения духовных и физических сил; что есть время ответить на все письма родных и товарищей, а главное — есть желание писать стихи. Муза не покидала поэта. И он решил для себя — следовать по жизни исходя вот из этих если не программных, то хотя бы призывно-оптимистических строк, написанных в сорок четвертом:

Если будет мне трудно,
начну сомневаться,

¹⁴² ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 65, л. 2.

Если боль неудач наслонится в душе,
Не скажу громкозвучно: «Не надо сдаваться!» —
Просто вспомню саперов на Сиваше.

Перевел Ю. Полухин

А сомнений и трудностей у Кайсына этой поры хватало! Во-первых, издание книги все время задерживалось. Находились то одни, то другие причины. Но самой главной Кайсын не знал. От А. Деева пришло письмо, которое он писал 8 января 1944 года. В нем он сообщал о том, что вышел альманах «Дружба народов» и на днях он получит авторские и перешлет Кулиеву и Кериму Отарову их экземпляры, чтобы в Нальчике об этом знали. «Там напечатано до двухсот строк твоих стихов,— писал он.— Что же касается книги, то она, к сожалению, в состоянии маринада. Ничего не мог поделывать, чтобы пробить стену равнодушия нашего главного редактора. Все за книгу — поэты, Союз, Фадеев,— а воз и ныне там. Теперь события ушли так далеко, что книгу надо бы освежить, осовременить, дополнить победными стихами. Без этого я не могу отстаивать ее, как раньше...»¹⁴³ Дмитрий Кедрин тоже писал Кайсыну о причинах задержки книги, но по-своему — принципиально и честно, глядя правде в глаза: «Так вот, это же отсутствие «победных» мотивов и мне мешает перелить впечатления в стихи. Я убежден, что лирика — это дневник сердца, а я лирик и од писать не умею...»¹⁴⁴ Это письмо было отправлено Кайсыну 9 марта 1944 года, через месяц после того, как ему написал А. Деев. Читая строки Кедрина, Кайсын понимал с полуслова то, что было «между строк».

«Милый Кайсын! Уже очень давно я получил твое письмо и все не мог собраться ответить тебе,— читал Кулиев.— Пустяки писать не хотелось, а для серьезного разговора письмо не совсем подходящая форма. Надеюсь, ты поймешь это и простишь мое молчание. Я, сам ты знаешь, 8 месяцев был на фронте, сейчас снова собираюсь туда, и на этот раз мы, видимо, будем соседями. Привез много впечатлений, но в стихи они не укладываются, так как слишком серьезны и трагичны. Недавно говорил с Деевым о твоей книжке, вернее, пытался говорить, так как он раз-

¹⁴³ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 12—13.

¹⁴⁴ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 56.

драженно прервал меня и заметил, что причины ее невыхода ты знаешь. Люба же сказала мне, что главной из этих причин является отсутствие в книге «победных» стихов...»¹⁴⁵ Судьба книги больше всех тревожила Кайсына. Он был уже уверен, что она не выйдет...

Во-вторых, ранения заживали трудно. Раненая нога плохо сгибалась, болела. Надо было продолжать лечение. Необходимо было и найти своих родных, и устроиться на работу. Проблем и забот хватало. Через два месяца, проведенных в симферопольском госпитале, Кайсына отправили долечиваться в Кисловодск. Преисполненный чувством радости и восхищения, он смотрел в сторону двуглавого Эльбруса, когда санитарный поезд подходил к Пятигорску. День был солнечный, ясный, и в эти сентябрьские осенние часы гора счастья — Минги-Тау сверкала и манила к себе взоры прибывших воинов. Смотрел на Эльбрус и Кулиев. Мечты его почти осуществились. Он снова видел то, о чем размышлял в кровавые и жестокие дни войны

Когда б мне на Эльбрус глядеть пришлось,
В плен голову его отдав врагу,
Уж лучше б прядь густых моих волос
Бураном занесла зима в снегу.

Перевел Д. Кедрин

Так писал с душевной болью Кайсын в 1942 году. Теперь он находился в родных краях, близко от незабываемого Чепема и дорогих сердцу лермонтовских мест — г. Пятигорска.

В кисловодском госпитале его ожидали письма от его фронтового товарища и переводчика его стихов В. Ц. Гоффеншефера. Они были направлены по адресу: г. Кисловодск, почтовый ящик 32, корпус 1. К. Ш. Кулиеву. Обратный адрес гласил: Москва, Лаврушенокий переулок, д. 17/19, кв. 48. Кайсыну был знаком этот адрес. Он приходил сюда, когда был в Москве. Одно письмо было написано 7 февраля 1944 года, а другое — 21 июля 1944 года. В последнем письме он писал: «Дорогой Кайсын, на несколько дней все же вырвался в Москву из тех мест, где мы пачинали воевать. Завтра еду обратно. Сегодня говорил о Вас с Н. Тихоновым. Он обещал следить за Вашим здоровьем во всех отношениях. От вас требуется, чтобы Вы держали

¹⁴⁵ Там же.

в курсе Ваших дел Союз писателей, и Тихонова в частности...» Далее в письме Вениамин Цезаревич бесположил о здоровье Кайсына и писал: «Из писем к Дееву и Ерусалимчик узнал, что неудачливые эскулапы растягивают Вам ногу в третий раз! Бедняга! Сколько же раз Вас будут оперировать?» По тону и содержанию письма Кулиев понял, что друзья тревожатся о его здоровье и о дальнейшей личной судьбе, принявшей такой неожиданный и трудный поворот. Особенно Кайсына растрогали следующие строки письма: «С Тихоновым говорил о том, чтобы Вас или вернули к нам, или отозвали в ССП в качестве консультанта по тюркским литературам...»¹⁴⁶

В это же время получил Кулиев и письмо от А. Деева, впоследствии литсотрудника госиздательства «Художественная литература». Он писал своему боевому товарищу, стараясь ободрить его и успокоить: «Дружище Кайсын, доходят до меня вести о тебе. Знаю о новых твоих ранах. И горевал, и желал скорого выздоровления. На днях Лия сказала, что уже ходишь, что вернешься в свою часть — что еще лучше. Это самое лучшее, что можно тебе пожелать. Очень прошу не сетовать на меня за молчание...»¹⁴⁷

Прочитав письма, Кулиев задумался. Он понимал, как все сложно и невозможно осуществить то, что предлагал В. Ц. Гоффеншефер. В это время Кайсын не предавался чрезмерно оптимистическим размышлениям и мироощущениям. Он знал, что «сгорел тот дом, в котором вырос», «где мать певала песни» для него, где он «леležал юности мечты, где жил» он, «вольность горскую любя»¹⁴⁸. В полной мере Кулиев чувствовал и переживал большую беду и боль своего ни в чем не повинного родного народа. При первой возможности он решил навестить родные места. «Родное Чегемское ущелье находилось совсем недалеко. Но там уже не было моей родной матери,— писал он.— Выписавшись, я поехал в Нальчик. Здесь я встретился с некоторыми старыми товарищами. Они отнеслись ко мне с участием, заботливо. Рана ноги еще не заживала, ходил на перевязку по знакомым улицам, опираясь на палочку. Я часто бывал в гостях у кабардинских крестьян. У них тоже находил

¹⁴⁶ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 33, л. 1.

¹⁴⁷ Там же, ед. хр. 36, л. 10—11.

¹⁴⁸ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. С. 133.

сочувствие и заботу, хотя время было трудное во всех отношениях»¹⁴⁹.

Было над чем поразмыслить поэту. Но никогда у него не было такой твердой уверенности в правильности избранного пути, как теперь, в сорок четвертом. Колебаний не было. Он решил сначала побывать там, где родился, а потом ехать, где его народ. Решил увидеть камни старины и шарящего над ними орла, посмотреть, как падают из многочисленных трещин с высоты более тридцати метров в Чегем струи кристально чистой воды, наведаться в сакли дедов и прадедов, постоять в тишине у пещер и у подножия белоснежных вершин. И он пробыл в Чегемском ущелье около недели. Радостно-грустное настроение охватило поэта, когда он шел теми же тропинками, по которым не раз ходил в детстве один и с друзьями. Здесь сказал свои самые заветные слова о земляках, вспомнились веселые свадьбы, где он пел и плясал, не зная горестей. На стенах домов читал надписи на балкарском языке: «Смерть фашизму!», «Не пропустим фашистских убийц в родные горы!», «Да здравствует Советская Родина!»¹⁵⁰.

Эти сделанные наспех надписи остались, может быть, самой неизгладимой памятью в измученном сердце поэта и верной приметой великого народного гнева к поработителям и захватчикам. Эти поразившие впечатлительную душу поэта призывные лозунги, написанные детской рукой, возможно и его родного племянника, или старческой нетвердой рукой свободолюбивого горца, также потом войдут в летопись боевой славы Кабардино-Балкарии. Кулиев решил собрать инвалидов-балкарцев, которые выписались из различных госпиталей, и приехал в Нальчик, чтобы поговорить с ними: они сейчас в какой-то мере олицетворяли для него народ. Решили ехать к овоим. Это был уже конец декабря. Кайсын собирался выехать в Баку, а оттуда в Среднюю Азию. Однако планы резко изменились. Поэт получил телеграмму от председателя правления Союза писателей СССР Николая Тихонова. Еще тогда, когда Кайсын лежал в кисловодском госпитале, Николай Семенович несколько раз присылал телеграммы в госпиталь, интересовался здоровьем Кулиева, его дальнейшей судьбой. И вот снова он писал о том, чтобы Кулиев никуда пока не выез-

¹⁴⁹ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 451.

¹⁵⁰ Там же.

жал и ждал следующей телеграммы. «Видимо, обстоятельства складываются для меня более благоприятно,— думал Кайсын,— чем я предполагал». За помощью поэт ни к кому не обращался, особых надежд на кого-то в это трудное время у поэта не было. Решил ждать. Через день Кайсын получил сообщение о том, что литфонд выделил ему деньги, выслал их и чтобы поэт выезжал в Москву. Эта своевременная материальная помощь и моральная поддержка одного из поэтов немногочисленного горского народа в сорок четвертом достаточно красноречиво свидетельствовала о внимании Военной комиссии ССП к нуждам поэтов-фронтовиков, многое она говорила и о том, какую заботу проявлял Н. Тихонов о писательских кадрах национальных меньшинств. «Денег я не просил,— писал Кулиев,— и, честно говоря, хотел поблагодарить Николая Семеновича и отказаться от поездки. Но мне категорически возразили мои товарищи. К Тихонову у горцев было отношение особое. Мои друзья сказали, что раз Николай Семенович считает это нужным, надо ехать. Так и было решено»¹⁵¹.

В дорогу Кайсына собирала самая младшая сестра матери — Нафиса, которая была замужем за кабардинцем Мурачаевым Исмаилом. Племянницы Зурьят, Женя и Зоя помогали матери уложить все как следует на дорогу, а племянники Зафир и Хабир распрашивали дядю Кайсына о Москве, что он там собирается делать, надолго ли задержится. Они очень сблизились с дядей Кайсыном в эту осень и понимали, что он о чем-то тревожится, хотя он им ничего не говорил. Они все знали со слов матери, которая часто сокрушалась о судьбе своих сестер и о жизни Кайсына тоже. На вокзале Кайсына провожали друзья из Союза писателей КБАССР. Они советовали все обдумать, не торопиться с решениями, зная его горячий темперамент. Грустное и одновременно светлое было расставание, ведь Кайсын снова ехал в столицу, были надежды на лучшее.

И вот снова Кайсын идет по улице Воровского, как и в 1942 году, когда он также шел к А. А. Фадееву. Теперь его ожидал разговор с Н. С. Тихоновым. Он был не один, сразу предложил ему сесть (Кайсын ходил еще с палочкой и хромотал), поздравил с возвращением в Москву, с получением ордена Отечественной войны II степени и расска-

¹⁵¹ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 451.

зал о том, что Союз писателей СССР ходатайствует за него перед самыми высшими органами правительства. В судьбе поэта Кулиева приняли участие И. Эренбург, К. Симонов, А. Твардовский, Н. Тихонов, а позднее с таким же ходатайством обращался в органы госбезопасности в КБАССР А. П. Кешоков, когда вернулся с фронта и стал работать в Нальчике в Союзе писателей. Они написали письмо И. В. Сталину, который стоял во главе Государственного Комитета Обороны и сосредоточивал в своих руках всю полноту власти. Всю техническую сторону дела исполняла Лия Степановна Ерусалимчик. В свое время она окончила, как и А. Т. Твардовский, ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории). «...Эта девушка настоящий человек! Умница», — сказал о ней И. Эренбург, когда стал вопрос о том, кому же поручить столь ответственное дело, как редактирование, оформление документации, связанной с делом Кулиева. Кайсын знал Л. С. Ерусалимчик с 1942 года, когда приезжал с фронта в Москву. В первые годы войны она работала в Союзе писателей, возглавляла бюро национальных литератур при А. А. Фадееве и Н. С. Тихонове. Стихи Кулиева ей нравились, и она написала о нем статью, опубликованную в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» за 2 августа 1942 года. Это была, пожалуй, самая первая статья о творчестве Кулиева, опубликованная в печати. Все три года Ерусалимчик и Кулиев переписывались между собой. В письмах она отсылала ему на фронт вырезки из газеты «Правда» и других центральных газет со стихами А. Суркова, К. Симонова, А. Твардовского, с публицистическими статьями М. Шолохова и А. Толстого. Она знала, что Кайсын пишет стихи и очерки, рожденные в рядах сражавшегося народа, что он интересуется теми произведениями, в которых осмыслен и правдиво отражен в художественных образах опыт войны и подвиг советских людей. Много хорошего сделала Лия Степановна для поэта, и он ждал встречи с ней все годы, особенно когда жил во Фрунзе, писал ей письма и волновался, когда не получал от нее ответа. Так, в письме Д. Б. Кедрину он спрашивал о ней, очевидно беспокоясь, чем же вызвано ее молчание. «Как живет моя Лия? Не хочет отвечать на мое письмо. Большой привет ей»¹⁵², — писал он 16 июня 1945 года. Через год в

¹⁵² ЦГАЛИ СССР, ф. 1760, оп. 1, ед. хр. 74.

письме к Л. И. Кедринной от 19 октября 1946 года Кайсын писал: «Лия мне, конечно, не пишет. Я бы очень хотел ее увидеть. Как она поживает? Работает ли в ССП?»¹⁵³ Во втором письме к Людмиле Ивановне от 31 октября 1947 года он снова жаловался: «Лия мне не пишет. Оказалось, что в действительности ничего поэту простить она не может. Жаль!» Через полгода, 9 апреля 1948 года, Кайсын снова спрашивал Людмилу Ивановну Кедрину и очень сожалел о случившемся: «Видите ли Лию? Я тогда сделал роковую ошибку, оставив ее. Я это понял, столкнувшись лицом к лицу с леденящим душу одиночеством. Таким дорогим и близким другом была бы она мне! Эта ошибка неисправима!»¹⁵⁴ И снова о ней с поздним, горьким раскаянием: «Больно, что Лие ее самолюбие дороже меня! Все равно я ее очень люблю...»¹⁵⁵ Письмо это написано поэтом 25 октября 1948 года. Почти в каждом письме к вдове поэта Дмитрия Кедрина есть строки о Лие Степановне. Так, в письме от 29 января 1949 года Кулиев писал: «Я с Лией не переписываюсь (она не захотела). Но эти стихи я пошлю ей»¹⁵⁶. Встретиться им было не суждено. Она умерла молодой, когда Кайсын находился в Средней Азии. В 1963 году Кулиев посвятит ее светлой памяти стихотворение, которое начинается так нежно и трогательно: «Моей любовью ты была, большой, счастливой. Теперь ты — только боль оборванной мечты»¹⁵⁷ (перевел Н. Коржавин).

Тогда же, в начале сорок пятого года, ни Ерусалимчик, ни Кулиев ничего этого знать не могли. Лия Степановна много работала, стараясь изо всех сил облегчить судьбу поэта, а он ждал. Только через месяц Н. С. Тихонов сообщил Кулиеву, что ему разрешено жить, где он пожелает (за исключением Москвы и Ленинграда). Вот как сам поэт рассказал об этом:

«Попросив Николая Семеновича разрешить мне подумать и прийти к нему на следующий день, я сел в электричку и поехал в подмосковное село Черкизово — к Дмитрию Кедрину. Я рассказал ему все, добавив, что сам твердо решил ехать в Среднюю Азию — к своим. Дмитрий Борисович сразу же сказал: «Правильно!» На том и реши-

¹⁵³ ЦГАЛИ СССР, ф. 1760, оп. 1, ед. хр. 252, л. 5—6.

¹⁵⁴ Там же, л. 26—27.

¹⁵⁵ Там же, л. 21.

¹⁵⁶ Там же, л. 23—24.

¹⁵⁷ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 77.

ли в бревенчатом домике, где я провел много вечеров, дружески беседуя и читая стихи, с этим милым, честным, талантливым человеком...

В назначенный час я пришел к Тихонову, сказал о своем решении. Он спросил:

— Хорошо ли подумал?

— Да,— ответил я.

— Потом не пожалеешь?

— Нет, что бы ни случилось!

Я снова обратился к Н. С. Тихонову с просьбой помочь получить разрешение перевезти мать, сестер и других ближайших родственников из Северного Казахстана, где они не переносили холода, во Фрунзенскую область, в Киргизию. И это было сделано. В то бедственное для меня время Николай Семенович очень помог мне, этим еще раз доказав верность своей давней любви к Кавказу, к его народам и горам»¹⁵⁸. Итак, Кайсын решил возвратиться туда, где жил и работал его народ. Дм. Хренков писал, что Кулиев мог бы поселиться в родных горах вместе с семьей, ему было выхлопотано разрешение. Но что понимать под словом семья? Всю ночь Кайсын составлял список. Уже забрезжил рассвет, уже растаяла стопка чистой бумаги, а вместо нее выросла на столе гора листов, исписанных торопливым размашистым почерком, но Кайсын так и не успел записать всех своих близких, с кем хотел пить воду из одного ручья. В конце концов решил отказаться от привилегии¹⁵⁹. Он уезжал из Москвы в середине апреля 1945 года, прожив в столице более трех месяцев. Здесь все предвещало близкую победу. Заканчивая цикл стихов «На Сиваше», он писал: «С победным 10 апреля и ярким салютом Москвы!»¹⁶⁰

На Казанский вокзал его пришли провожать самые близкие друзья — Д. Б. Кедрин и его супруга Людмила Ивановна. Она и уложила в чемодан поэта скромные пожитки. Уезжал Кайсын во Фрунзе из Черкизово. Вышел из дома Кедриных по улице 1-я Школьная. Теперь это улица имени Дмитрия Кедрина. Тогда они прощались навсегда. Через несколько месяцев Д. Б. Кедрин (1907—1945) погибнет. Кайсын любил его и дорожил им

¹⁵⁸ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 451—452.

¹⁵⁹ Хренков Дм. Дорогие спутники мои // Нева. 1974. № 2. С. 124.

¹⁶⁰ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1, с. 198.

как одним из лучших переводчиков и поэтов. Так, в письме от 14 сентября 1946 года Кулиев писал вдове: «Не было на земле человека, которого я любил бы так. Какой он большой поэт, искренний художник! Пусть идет время, все равно он таким останется. Я в этом уверен»¹⁶¹. Или читаем в другом письме к Людмиле Ивановне: «Он поэт в самом высоком понимании этого слова... Каждый раз, читая стихи, я восхищаюсь, какой великолепный мастер написал «Приданое», «Казнь», «Подмосковную осень!»¹⁶². Ему Кулиев посвятил два стихотворения: «Русская сказка» (1944) и «Памяти Дмитрия Кедрина» (1946). В стихотворении «Русская сказка» читаем:

Я бреду пустынной чащей,
Кроны сосен вроде башен.
Снег лежит на них блестящий,
Словно в Тегенекли нашем.

Перевел Д. Голубков

Таким родным и дорогим был путь Кулиева к милому бревенчатому домику Дмитрия Борисовича Кедрина в Черкизово, в подмосковное село, где Кайсын провел самые приятные вечера. «Мы были друзьями в самом высшем смысле слова,— писал он в 1947 году Людмиле Ивановне.— Я не знал и не встречал другого такого человека и знаю, что и дальше не встречу. Я имел счастье знать его и быть его другом»¹⁶³.

В доме Кедрина по вечерам они много беседовали, читали новые стихи, которые написал Кедрин. Сюда приходила и Лия Степановна Ерусалимчик, которая нравилась Кайсыну своим необычайно широким диапазоном знаний, умением вести разговор, глубокими познаниями в области художественной культуры. Здесь они слышали отрывки из повести в стихах «Конь», поэм «Приданое», «Зодчие», драмы в стихах «Рембрандт» в исполнении самого автора. «Помните, как Митя читал эту поэму («Конь») полностью зимним воскресеньем в Мамонтовке? — спрашивал Кулиев вдову поэта в одном из писем, когда он находился во Фрунзе.— Я хорошо помню... Митя был в новом костюме... Мы с Лией восхищались отделкой и совершенством «Коня»,

¹⁶¹ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 2—3.

¹⁶² Там же, л. 8—9.

¹⁶³ Там же, л. 8.

высоким мастерством его автора... Мы были счастливы, несмотря ни на что»¹⁶⁴. Пройдет три года после гибели Дмитрия Кедрина. Кайсын будет помнить все, что связано с его другом. В письме от 29 января 1949 года он писал Людмиле Ивановне: «О, я слишком хорошо помню. Я храню с собой его голос, его взгляд, походку, манеры — весь портрет и привычки. Будь благословенна память!»¹⁶⁵

Дмитрий Кедрин еще до отъезда Кайсына в Среднюю Азию посвятил ему стихи. Они были написаны 10 февраля 1945 года, «в незабываемую пору нашего возвращения с великой войны, — писал Дм. Хренков. — Стихи Кедрина, обращенные к Кайсыну Кулиеву, были как награда солдату, вернувшемуся из дальних походов. Они были исполнены радости, согреты чувством локтя, так хорошо знакомым всем, кто провел в окопах долгие четыре года. Дружба была превыше всего, и ничто не могло ей помешать»¹⁶⁶. Так же тогда думал и Кедрин. Поэтому писал, обращаясь к Кайсыну и к тем, которые остались верны дружбе, несмотря на национальные репрессии:

Но над нами есть выше.
Есть нетленнее свет:
Я не знаю, как пишут
По-балкарски «поэт».

Но не в песне ли сила,
Что открыла для нас
Кабардинцу — Россию,
Славянину — Кавказ?

«Когда писались эти строки, Кайсын и его земляки-джигиты были в армии, сражались локоть к локтю с русскими, грузинами, белорусами, — писал Дм. Хренков. — Но народ Кайсына жил уже не на Кавказе, а в Средней Азии и Казахстане».

Это стихотворение впервые было опубликовано в «Избранном» Д. Кедрина, выпущенном издательством «Советский писатель» в 1947 году. Кулиев тогда находился во Фрунзе, и, по его словам, ставить его имя сочли невозможным, поэтому дали «бесцветное название «Другу-поэту», вместо полного имени того, кому они посвящены, постави-

¹⁶⁴ Там же, л. 26.

¹⁶⁵ Там же, л. 24.

¹⁶⁶ Нева. 1974. № 2. С. 124.

ли К. К. «В том издании,— писал Кулиев,— была изъята строфа, позже восстановленная:

И, как Байрон, хромая
Проходил к очагу.
Пусть дорога прямая
Тонет в рыхлом снегу...¹⁶⁷

Видимо, мудрый редактор решил, что для раненого Кайсына слишком велика честь хромать, как Байрон! А вот Кедрин по простоте душевной не понимал этого. У автора сказано: «Я не знаю, как пишут по-балкарски «поэт». Это заменили словом «по-кавказски», хотя вышло и нелепо: как известно, Кавказ многоязычен. Я забыл предупредить составителей, и до сих пор стихотворение перепечатывается с таким досадным искажением». 31 октября 1947 года Кулиев писал Людмиле Ивановне Кедриной в Черкизово, сразу отвечая на ее письмо, в котором она сообщила о том, что ей удалось включить многие стихи Кедрина, которые она хотела видеть в этом сборнике. Писала она и о стихотворении, посвященном Кулиеву. Это сообщение доставило поэту большую радость. Он писал: «Я счастлив, что стихи, посвященные мне, идут в книге, ибо это превосходные стихи»¹⁶⁸. Понимая, какие трудности были у вдовы с изданием этой книги, Кулиев подчеркнул именно эту сторону жизни жены Дмитрия Кедрина. «Я восхищаюсь (не преувеличиваю) Вашей совершенно героической борьбой за судьбу творчества гениального лирика России... Да будет благословенно Ваше мужество!»¹⁶⁹ Кайсын видел, что остались друзья, ничего не убоявшиеся и ни в чем не усомнившиеся, ибо Кулиев уже столкнулся с необычайной сдержанностью и осмотрительностью некоторых осторожных людей. «Как я обрадовался этим стихам в тот зимний день!» — ликовал он, так как видел в них и верность дружбе в замечательной поэтической русской традиции и тонкое понимание чувства истории.

Исследователи творчества Кедрина предполагают, что это не единственное стихотворение, посвященное Кулиеву. В частности, Эрлен Петрович Киян считает, что Кедрин после прощания с Кулиевым, когда он лично вручил своему

¹⁶⁷ Кедрин Д. Б. Стихотворения. Поэмы. М.: Московский рабочий. 1982. С. 147.

¹⁶⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 8—9.

¹⁶⁹ Там же.

другу стихотворение «Ночь поземкою частой...», начал сразу же работу над другим стихотворением, посвященным Кулиеву, но не завершенным. Э. П. Киян писал об этом Кайсыну. «Эта запись сделана весной 1945 года, вероятнее всего, после того, — писал он, — как было написано посвященное тебе стихотворение «Ночь поземкою частой...». Думаю, что Кедрин продолжал работу в марте — апреле 1945-го — через несколько листков после этого текста есть запись, сделанная Кедриним в День Победы».

Его стихотворение уже было записано на отдельном листке Дмитрия Борисовича во второй половине ноября 1944 года. Начиналось оно так:

ТРУБКА

Чтоб реже мытарила скука
Тебя в подмосковной избе,
Из корня балкарского бука
Друг вырезал трубку тебе.

На этом же листке Кедрин теми же чернилами записал еще два стихотворения и сам поставил точные даты: 23-го и 27 ноября 1944 года. Позже, весной 1945 года, Кедрин немного переработал эти четыре строки и продолжал писать стихотворение уже без названия:

***

Чтоб легче скиталось, чтоб скука
Не мучила в русской избе,
Из корня балкарского бука
Друг вырезал трубку тебе.

«Стихотворение, к сожалению, — писал Э. П. Киян, — осталось неоконченным». И далее в этом же письме от 11 августа 1975 года Киян продолжал, обращаясь к Кулиеву: «...дружба и встреча с тобою вдохновили Кедрина на создание прекрасных, на мой взгляд, строк. Жестоко, что смерть не позволила Дмитрию Борисовичу подарить тебе и всем нам, читателям и поклонникам Поэзии, еще одно произведение, которое бы начиналось так сердечно...»¹⁷⁰

К вопросу написания стихотворения «Ночь поземкою частой...» и незавершенного «Чтоб легче скиталось...» име-

¹⁷⁰ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 40, л. 1—4.

ют некоторое отношение строки письма вдовы Дм. Кедрина — Людмилы Ивановны Кедринной. Она писала Кулиеву из Черкизова 18 октября 1947 года: «...я живу в Черкизово, рядом с тем домом, где раньше жили мы. Эту комнатушку я получила от Нины Кузьминичны, председателя нашего с/совета. Помните — «маленькую бедную Нину», у которой Вы, Митя и я были в день 8 марта, когда так нам было весело, когда казалось, что счастье — наш постоянный спутник. После этого вечера Митя написал стихи, которые посвятил Вам, Кайсын, и которые, к счастью, не вычеркнуты из книги слишком ревностным редактором. Наконец книга подписана к печати. На днях должен быть сигнальный номер книги. Книга (даже такой, когда ее подсушили и редактор и другие заинтересованные лица) будет хорошей. Очень хорош эпический раздел, очень мал — лирический раздел»¹⁷¹.

Расставшись с друзьями в Москве, взяв все нужные документы, Кулиев направился прямо во Фрунзе. Приехал он туда ночью, а утром увидел горные вершины, покрытые снегом. Все было почти так же, как в Нальчике: рядом горы, зеленые тополя и акации, каштаны и дубы. Город был зеленым, чистым и тихим. Кайсыну он понравился, и поэт подумал: «Это будет моя вторая родина. Здесь буду работать и писать».

Прямо с вокзала он поехал к жене и дочери. Он знал, что Тамара с пятилетней дочкой Жанной сначала находилась во Фрунзенской области, Ивановский район, село Чолпон, где и работала в колхозе. На одном из смотров художественной самодеятельности Тамара Аслантоковна выступала вместе с коллективом, и комиссия обратила внимание на ее одаренность. Перед ними была явно драматическая актриса. После беседы с ней отпали все сомнения: они узнали, что она выпускница ГИТИСа. И актрису Тамару Залиханову пригласили работать в русский театр им. Н. К. Крупской во Фрунзе. Директором театра был Михайлов. Он стал хлопотать перед высшими органами власти республики, чтобы Т. А. Залихановой было разрешено вместе с дочкой переехать во Фрунзе и начать работу в театре. Ходатайства были удовлетворены, так как театр очень нуждался в профессиональных кадрах. И с

---

¹⁷¹ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 46, л. 1. Речь шла об «Избранном». М.: Сов. писатель, 1947.

1945 года Тамара стала жить в столице Киргизстана и работать по своей специальности. Жила она в маленькой комнатухе в Доме актера по ул. Сталина. Это был большой угловой дом артистов и художников, как чаще его тогда называли. В этот дом и шел в 1945 году Кайсын, чтобы после долгой разлуки повидаться с женой и дочерью. Одолевали его разные сомнения и мысли. Разное писали о ней в письмах: и хорошее, и плохое. Но в миг все забылось, когда дочурка обхватила своими ручонками шею отца и закричала: «Папа, папа приехал!» Его ждали здесь и любил.

В тот же день Кулиев пошел к председателю Правления Союза писателей Киргизии Баялинову и отдал ему все сопроводительные документы и письмо от Николая Семеновича Тихонова, в котором он просил подыскать Кулиеву подходящую работу и, по возможности, обеспечить квартиру. Работа была, а с жильем дело обстояло труднее. Народный поэт республики Аалы Токомбаев, к которому тоже обратился Кулиев, встретил поэта-фронтовика приветливо и принял участие в его судьбе. Об этом важном для него событии Кайсын сообщал с явной радостью в одном из писем к Дмитрию Кедрину: «Новость: сегодня я начал работать в Союзе писателей секретарем по творческим вопросам. Почти генерал! Сделал три передачи по радио...»¹⁷² Это письмо было написано 16 июня 1945 года. Оно было последним в их переписке.

В Союзе писателей Киргизии уже лежало письмо на его имя, которое он ждал давно. Отправлено оно было 8 августа Алимом Кешоковым. Кайсын взял в руки письмо и увидел знакомый почерк и адрес: «Фрунзе, в Правление Союза советских писателей — Кулиеву Кайсыну Шуваевичу» и обратный адрес: «Нальчик. НКП. А. Кешокову». Быстро вскрыв конверт, Кулиев с волнением стал читать знакомые строки. «Дорогой Кайсын! Получил твое долгожданное письмо,— писал его боевой друг.— Самое тяжелое — это ждать того, что скажет друг, перед которым чувствуешь свою вину невыполненного долга. То, что я после твоего ранения и моего отъезда не навестил и не попрощался с тобой, и по сей день угнетает меня. Не знаю — простишь ли ты меня, но это я самому себе не прощаю»¹⁷³.

¹⁷² ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 74.

¹⁷³ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 47, л. 1—2.

Далее в письме Кешоков беспокоился о здоровье Кулиева и выражал надежду, что он побывает в родных местах Кабардино-Балкарии. Алим не мог представить Кайсына без родных гор и отчей земли. «Буду бесконечно рад, если ты благополучно вступишь на нашу землю. Мне как-то рассказывали ужасную весть, будто с твоею ногою плохо. Если был бы бог или аллах, я бы молился ему, чтобы ты в родной дом не постучался сухим костьюлем, а вошел большими торопливыми шагами.

Ты передай нашим горам поклон и скажи этому дьявольскому творению, чтобы помнили о сынах своих. Пей нартский напиток. Ведь Сосруко тоже пил эту воду каждый раз, когда он, разгоряченный, возвращался с поединка... У нас ничего нового нет. Гоффеншефер был в Москве. Он там встретил мою жену. Если будешь в Москве, зайди к Тихонову, он обещался прислать тебя обратно к нам»¹⁷⁴.

Кулиеву было приятно, что его боевые товарищи из редакции «Сын Отечества» 51-й армии помнят его и все еще ждут возвращения. «Где-то они сейчас», — подумал Кайсын. В своем письме Алим ничего подробного не писал, а лишь ограничился фразой: «Если ты читаешь приказы Верховного Главнокомандующего, то должен знать, где мы находимся». «Как все это теперь далеко!» — рассуждал сам с собой Кайсын. Отодвинулись в прошлое все редакционные заботы и тревоги. Перед Кулиевым в это время стояли две большие проблемы. Во-первых, повидать родных — мать и сестер и перевезти их из Северного Казахстана сюда, хотя бы во Фрунзенскую область. Разрешения из Москвы на их переезд у него не было. Во-вторых, надо устроиться на работу, подыскать жилье, навестить родственников, разбросанных судьбой по всей Средней Азии, и, конечно, начать изучать киргизский язык. Ему очень хотелось как можно скорее повидать мать, родную сестру Мариам с детьми и свекром Омаром Жетишевым, которые находились в Северном Казахстане в Кокчетавской области при железнодорожной станции Боровое, сноху Сайхат Хаджимусовну Кулиеву, проживающую с детьми Сагидом, Кёкёз (Жансурат) и Мухтаром в Джамбульской области, Курдайском районе, колхозе «Трудовик», и сестру Шамкыз Якубовну Бечелову, которая находилась в этой же об-

¹⁷⁴ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 47, л. 1—2.

ласти, в селе Мерке, и многих других. Адреса всех он записал, а кого не знал, думал разыскать и навестить.

Устроившись на работу в Союз писателей Киргизии, Кулиев первым делом поехал к матери и сестрам. Узеирхан жила с двумя дочерьми, Марзият и Шахидат. Ее старшая дочь Мариам Шуваевна Жетишева жила в доме свекра Омара в поселке Боровое. Горе постигло их дом. Из троих сыновей Мариам, родных племянников Кайсына, остался в живых только один — Максим. Сначала заболел тифом Шарапудин, от него заразился Масхут. Мальчики умирают один за другим. Сколько бессонных и тревожных ночей провела молодая мать, но врачи так и не могли спасти их. Было Мариам только двадцать шесть лет.

Этим рукам держать бы
Только живые розы,
А не глаза закрывать
Мертвому малышу! —

Перевел О. Чухонцев

скажет с болью в душе поэт. Кайсын узнал об этом несчастье из письма матери. Случилось это зимой. В лютый мороз ходила Мариам Шуваевна с Хаби Карамурзаевной Мизиевой и другими женщинами-соседками на кладбище, чтобы вырыть могилу. Три дня они долбили мерзлую землю. Утром, одевая полушубок мужа Хизира, погибшего в 1943 году на фронте, Хаби Карамурзаевна наказывала старшей дочери Узифат: «Хорошо смотри за младшей сестренкой и братишками, а я пошла на кладбище: помочь надо бедной Мариам. Горе у нее большое!» Вечером она приходила озябшая и, протягивая руки к теплой печке, говорила: «Аллах, аллах, сколько мы мучились! А земля, как стекло, долбим, скребем, а она не поддается. Решила Мариам детей похоронить по-русски, в гробу, уж больно страшно положить детей в эту холодную, как камень твердую землю. Мы не осудим ее за это». Немного помолчав, она сказала: «Ну, я пойду к Мариам Шуваевне, меня там ждут люди, надо им почитать Коран». Она брала с полки священную книгу, бережно обернутую в красивое полотно (подарок ее отца Карамурзы, научившего Хаби читать по-арабски), и уходила к Мариам Кулиевой и Омару Жетишеву ¹⁷⁵.

---

¹⁷⁵ Казбек Чомаев писал: «В землянках вместе с живыми лежали мертвые, которых некому было хоронить. Мужчины не имели сил нести

Мариам Шуваевна Кулиева, пожалуй, одна из первых женщин нарушила обычай горцев, похоронив детей в гробу. Немногие в ту пору осуждали ее. Люди понимали материнское сердце, ее жалость и боль. Сделала она это с разрешения свекра Омара. Он во всем ей доверял, понимал, как нелегко ей с ними — немощным стариком и тремя маленькими детьми. Ухаживала Мариам за ним, как за беспомощным ребенком. И он платил ей отцовской заботой. Она была для него не просто снохой, а любимой дочерью. По его совету Мариам Шуваевна после смерти детей поехала в Павлодарскую область к своей матери Узеирхан и, выхлопотав разрешение, перевезла мать и двух сестренку — Марзият и Шахидат — к себе, в дом Омара Жетишева.

Но беда, как говорят в народе, не приходит в дом одна. Вскоре получила Мариам с фронта похоронку на мужа. В ней, как и в тысячах других, говорилось, что ее муж Жетишев Абдул Омарович пал смертью храбрых... Омыла Мариам горькими слезами похоронное извещение. Однако исстрадавшаяся от горя молодая женщина не хотела верить этой страшной вести и ждала возвращения мужа. Надеялся на возвращение сына и старый горец Омар.

В этот дом и приехал в конце 1945 года Кайсын, чтобы перевезти их во Фрунзе, где он жил и работал. Ему очень хотелось как-то облегчить судьбу родной сестры Мариам Шуваевны, заботиться о матери и сестренках Марзият и Шахидат. Одной было 15 лет, другой — 17. Незаметно подросли они. «Почти невесты, — думал Кайсын. — Скоро уж придется выдавать замуж». На семейном совете решили переехать во Фрунзе. Лишь только старик Омар наотрез отказался уезжать: он ждал сыновей с фронта — Керуана, Абдулкерима и Абдула, да и дочери его жили здесь — Шамшият и Шамкыз. И когда настал момент прощания с Мариам, он рыдал, не стесняясь слез. Плакала и Мариам. Не хотелось ей расставаться с Омаром, чувствовало ее сердце, сколько горя принесет ей эта разлука со свекром, что сюда вернется его сын, а ее муж Абдул Омарович Жетишев и не простит ей, что она оставила его отца и не сбегла его сыновей Масхута и Шарапудина...

их на кладбище... Во многих случаях своих отцов, мужей и братьев хоронили более выносливые женщины, вынужденные пренебрегать предписаниями Корана и шариата» // Наказанный народ. Черкесск, 1993. С. 40.

Кайсын, сестры и мать еле убедили ее ехать вместе с ними в Киргизию. Просил ее об этом и Омар. Они уехали. Он остался жить один, его навещали дочери, а в 1944 году вернулся с фронта сын Керуан. От него старик узнал, что Хадис погиб в самом начале войны, а Абдулкерим и Абдул воюют. Вскоре Керуан Жетишев устроился работать в городе Целинограде и перевез к себе отца. Там Омар Жетишев прожил недолго. Люди говорили, что умер он от тоски по внуку Максиму и снохе Мариам Кулиевой-Жетишевой, которых он глубоко и нежно любил.

А Мариам Шуваевна все ждала мужа, верила, что он жив. Он действительно выжил, вернулся в строй и воевал до конца, встретив Победу в Берлине. Разные причины задержали капитана советских войск А. О. Жетишева. Одной из них была тяжелая контузия. Он потерял слух и речь. Долго находился на лечении в одном из госпиталей Башкирии, а когда вернулся в Нальчик, то не нашел там никого из родных. Сделав запрос в Москву о местонахождении жены и сыновей, Абдул поехал во Фрунзе. Там он и узнал печальные вести об отце и двух сыновьях. Полный обиды, не поговорив толком с Мариам, не выяснив все до конца, он уехал в Башкирию и работал там на партийной работе до 1956 года. В 1957 году Абдул Жетишев вернулся в Нальчик и стал работать инструктором обкома партии (по Чегемскому району). Его любимая Мариам Шуваевна вышла вторично замуж, у нее уже было четверо детей. Она была навсегда для него потеряна. Друзья уговорили его жениться и подыскали ему невесту — сироту-девушку Узифат Мизиеву, отец которой погиб на фронте, а мать умерла рано в Казахстане. Узифат слыла в Нижнем Чегеме самой трудолюбивой и заботливой: вырастила и выучила сестру и двух братьев. Все с высшим образованием, они обрели свои семьи. И Узифат Хизировна Мизиева вышла замуж за Абдула Жетишева, мужа своей первой учительницы — Мариам Шуваевны Кулиевой. Была Узифат на 16 лет моложе своего мужа, родила ему единственного сына — Рашида. Только 13 лет жили они вдвоем. В 1971 году Абдул умирает. С Мариам Шуваевной он никогда не виделся и не простил ее даже перед смертью. «Уж очень любил ее, — говорили те, кто знал их обоих хорошо. — А она принесла ему одни страдания». «А сколько бед перенесла Мариам Шуваевна?! Сколько несчастий выпало на ее долю? — говорила Мурачаева Зоя Исмаиловна,

близко знавшая Мариам и не раз утешавшая ее в горе.— Любила она всю жизнь только Жетишева, ждала его с войны все семь лет, не верила никаким слухам. Ждала, что придет он, поговорит с ней, и все станет ясным: невиноваты они оба ни в чем. «Все бы простила ему, только лишь бы пришел ко мне,— не раз говорила Мариам Шуваевна.— Но он поверил слухам и сплетням, будто я бросила старика, его отца Омара, и уехала с матерью и сыном во Фрунзе, где жил и работал Кайсын».

Рассказывая печальную историю этих двух людей, казалось бы созданных друг для друга,— Мариам Кулиевой и Абдулы Жетишева, Зоя Исмаиловна продолжала: «Мариам продолжала ждать мужа, но ее уговорили Кайсын Кулиев и Хаджимуса Кулиев выйти замуж за другого. Они убедили ее, что бесполезно ждать А. О. Жетишева. Он никогда не вернется к ней, а ей надо иметь семью, опору в жизни. И Мариам Шуваевна вышла замуж за Махмута Малкарова, человека молчаливого и тихого. А вспоминала всю жизнь (и не только она, но и многие из рода Кулиевых) веселого, приветливого, интеллигентного Абдула Жетишева, с которым родственники Мариам Шуваевны поддерживали теплые, сердечные отношения. Они любили своего первого зятя до конца дней его нелегкой жизни¹⁷⁶. И он любил и уважал их, особенно мать Кайсына Кулиева — Узеирхан, которую не раз проводывал, когда она жила в селе Лечинкай у своих родственников Мурачаевых. «Бывало, когда мы проезжали это село,— рассказывала Узифат Хизировна Мизиева,— муж всегда просил шофера заехать к Исмаилу Мурачаеву. Казалось, что эта старенькая женщина только и жила ожиданием этой встречи. Она обнимала Абдула, говорила ему ласковые слова и при этом плакала. Он старался подавить волнение, становился грустным и молчаливым всю дорогу. Я понимала его состояние. Мне казалось, что он вспоминал свою короткую довоенную жизнь с Мариам Шуваевной, поэтому я не задавала ему никаких вопросов. Проклятая война! Она перевернула и искалечила судьбы людей!»¹⁷⁷.

М. Ш. Кулиева переживает своего первого мужа — Абдула Жетишева на одиннадцать лет. Умрет она в начале марта 1982 года в Лашкуте Баксанского района.

¹⁷⁶ Личный архив авторов.

¹⁷⁷ Там же.

ГОДЫ ЖИЗНИ В КИРГИЗИИ

(1945—1957)

Не плачь и постарайся, друг,
Спокойным быть, как облака,
Что в небе плавают вокруг.
Кого не бьет беды рука?

К. Кулиев

 так, в 1945 году с большим трудом Кулиев добился разрешения спецкомендатуры, чтобы перевести из Павлодарской области Казахстана свою мать и сестер. Они стали жить в селе Юрьевке Ивановского района Фрунзенской области. Это было рядом с г. Фрунзе, и вначале Кайсын ездил на работу из этого пригорода. О своей жизни этой поры он сообщал очень кратко Людмиле Ивановне Кедринной: «Работаю в Союзе писателей... Живу так себе. Не женился. Со мной живут брат и сестра, мать и две сестры. Живут в районе (60 км)...»¹⁷⁸ В этом же письме от 19 октября 1946 года он сообщал о том, что доставляло ему радость в грустные минуты раздумий: «Мила, здравствуй, родная! Я бесконечно благодарен Вам за письмо и особенно за фото моего незабвенного друга Мити. Теперь Митин портрет висит у меня над письменным столом рядом с моим Лермонтовым. Все лучшие стихи его из книжки «Свидетели» и все стихи, опубликованные в «Октябре», я перепечатал себе и читаю часто, сидя у себя дома и кура трубку...»¹⁷⁹

Ездить каждый день на работу из этого села было неудобно, и вскоре он снял комнатку во Фрунзе, где мог спокойно работать, а работать приходилось чрезвычайно много в Союзе писателей республики. Кроме того, он писал

¹⁷⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 5—6.

¹⁷⁹ Там же.

стихи, как он выразился, «для себя»: печататься не мог в течение одиннадцати лет. Трагическую напряженность душевной жизни Кулиева тех лет кратко передал в своем стихотворении Расул Гамзатов, народный поэт Дагестана:

Помню:

на сердце камень один
Мы носили, покуда в разлуке
Был с Кавказом Кулиев Кайсын,
Переживший молчания муки...¹⁸⁰

Перевел Я. Козловский

Первые месяцы пребывания в Киргизии Кулиев тосковал по Москве, друзьям и всему тому, что ему было мило и дорого. Так, в письме к Л. И. Кедринной он писал в 1946 году: «Очень хочу поехать к Вам в Москву, но это для меня трудно. На днях отправил письмо Фадееву, где просил его вызвать меня в Москву на месяц хотя бы, иначе мне не разрешат выезжать... Я очень и очень хочу повидать Вас. Побывать на могиле Мити... Может быть, еще Аллах даст мне возможность быть когда-нибудь полезным детям моего чудесного друга-поэта»¹⁸¹.

Письма Кайсына Кулиева к Л. И. Кедринной — это своеобразный поэтический дневник той жизни поэта, которая воплощалась под его пером в прозаические, порой грустные строки. «О себе нечего писать. Пишу только для себя и своих родных... Читать почти нечего, что очень печально. Вот все, родная Мила... Из Москвы мне никто не пишет. Многие забыли, потому что я перестал быть поэтом, некоторые из-за личных обид. Ну что же, попробуем еще ходить по земле столько, сколько это возможно, надоест, уйду к Мите...»¹⁸² Это не было отчаяние: была только минутная слабость в задушевном разговоре с женой поэта. В это время у Кулиева было много творческих замыслов. Судя по его заголовкам для поэм «Завещание», «Огонь», «Серп», мечте написать роман «Всадник» и по его многочисленным наброскам рассказов о войне, Кайсын думал много работать. Об этом говорят его письма 1946—1948 годов литературоведу и критику В. Ц. Гоффеншеферу и писателю

¹⁸⁰ Гамзатов Р. Собр. соч.: В 5 т. М., 1981. Т. 2. С. 103.

¹⁸¹ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 5—6.

¹⁸² Поэт Дмитрий Кедрин был убит в 1945 г., когда вышел из дому. Тайна убийства не раскрыта. Смерть Кедрина Кулиев воспринимал как личную трагедию.

Ю. Н. Либединскому. В одном из них от 19 января 1948 года он писал: «Здравствуй, милый, дорогой Вениамин Цезаревич! С радостью читаю все, что Вы печатаете... Читал и «Заметки критика» («Новый мир»). Они мне напомнили о многом. Хорошо! Я жив, работаю. Пишу...»¹⁸³ Или: «Пишу довольно много, несмотря на то, что почти не печатаюсь. Писать, сколько в моих силах — хорошо писать, научиться великолепно делать свое дело, оставаться верным чудесному поэтическому творчеству — в этом мое счастье, несмотря ни на что!»¹⁸⁴ — писал Кулиев 9 апреля 1948 года. Он был молод, полон замыслов и планов и совсем не думал предаваться горестным размышлениям. Пессимизм был чужд натуре поэта, а уж тем более чуждо нелепое решение уйти из жизни. «Последняя моя вещь — большая «Баллада о Габриэле Пери», — писал Кулиев к В. Ц. Гоффеншеферу. — Я бы очень хотел почитать Вам свои вещи, написанные после нашей разлуки. Я даже задумал большой роман (в прозе) «Всадник». Буду спокойно, не обращая внимания ни на что, работать над ним семь лет. Пусть не будет он напечатан, все равно буду писать. Для меня это необходимо. Я должен гореть (в творчестве), пока не сгую. Иначе я не представляю жизни!»¹⁸⁵

По совету друзей Кулиев в это время взялся за изучение киргизского языка. Он относится к тюркской группе языков и был сходен с балкарским. Освоив киргизский язык, Кулиев стал заниматься переводами с киргизского на русский язык. Переводил романы, повести, стихи киргизских литераторов. Сначала совместно с другими, потом стал переводить самостоятельно. Его уговорил взяться за эту добавочную работу известный романист Тугельбай Сыдыкбеков. «Рослый и спокойный Тугельбай отнесся ко мне хорошо, — вспоминал Кулиев, — поддерживал, выручал. Через полгода я стал выполнять подстрочники стихов и прозы. Мне очень помогал «Киргизско-русский словарь» профессора Юдахина. Спусти два года я уже совсем хорошо знал киргизский язык»¹⁸⁶.

Это было очень трудное время для Кайсына. Он работал день и ночь, чтобы как-то немного подработать. Ведь он содержал мать, двух сестер, племянника, помогал же-

¹⁸³ ЦГАЛИ СССР, ф. 2585, оп. 1, ед. хр. 9, л. 3.

¹⁸⁴ Там же, л. 4.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 453.

не, старался всегда чем-то обрадовать маленькую дочь Жанну. С ней предстояло скорое расставание. Жена Тамара решила отправить девочку к матери в Нальчик, которая скучала за внучкой и в письмах просила дочь отправить Жанну с Кашежевой Сурат, которая вместе с другими находилась в Средней Азии. О ее возвращении на родину уже многие знали, в том числе и Буслимат Султановна, теща Кайсына. Кашежева Сурат Анзоровна (девичья фамилия Бабаева) — балкарка, замужем была за кабардинцем Нартом Шахимовичем Кашежевым. Он погиб на фронте в самом начале войны. Одна из первых активисток и комсомолок республики, Сурат обратилась с письмом к Калинин у с просьбой вернуть на родину ее детей: дочь Людмилу Нартовну Кашежеву, сына Руслана Нартовича Кашежева и младшую дочь Майю Нартовну Кашежеву, как ни в чем не повинных перед Советской властью и Родиной, отец которых погиб на фронте. Было получено официальное разрешение, и Сурат со своими детьми Людмилой, Русланом, Маей и дочерью Кайсына Кулиева Жанной выехала в 1945 году в Нальчик. На вокзале их провожал Кайсын. Он чуть прихрамывал, был одет в военную гимнастерку, при орденах. Перед этим ему с трудом удалось достать билеты на поезд. Знал, что трудно будет добираться одной женщине с четырьмя маленькими детьми. Жанне было около шести, а Руслану и того меньше, но он надеялся на помощь людей, потому что верил в людскую доброту. О том, как прошли последние минуты расставания, вспоминает Майя Кашежева (ей тогда было семь лет), младшая дочь Сурат Анзоровны: «Кайсын Шуваевич взял Жанночку на руки. Она прижалась щекой к его лицу. Он целовал ее и все повторял: «Жанна! Помни папку. Не забудь!» И только когда тронулся поезд, он подал Жанну на руки старому кондуктору, который сердито что-то бормотал, и пошел вперед. Мы сидели в вагоне и смотрели в окно, как Кайсын, хромя все больше, старался идти вслед уходящему поезду, он что-то кричал, махал руками, но уже ничего нельзя было разобрать».

Пятнадцать суток добиралась Сурат Анзоровна с детьми до Нальчика; были вынужденные пересадки, сутками сидели на переполненных людьми вокзалах. Железнодорожные станции были забиты различными составами и эшелонами. Это был декабрь сорок пятого — год возвращения воинов-победителей с полей сражений, из городов

Западной Европы, которую освобождали от поработителей. Сурат рассказывала не раз детям и соседям: «Солдаты жалели моих малышей, кто кусочек сахару, кто хлеб совал в их руки. Все помогали в то трудное время, как могли...»

Кайсын Кулиев на всю жизнь сохранил глубокое чувство уважения к этой не по летам смелой женщине и не раз бывал у нее в доме в Нальчике, благодарил ее.

Проводив дочку в Нальчик, Кайсын шел с вокзала домой. На душе было грустно. Он думал о «малой родине», путь к которой пролегал через тысячу военных дорог, одна из которых привела его в Киргизию.

Я шел по труднейшей из трудных дорог,
Где кровь и усталость, там шел я и жил.
Путь гордого тура над пропастью лег,
Вот так же к тебе я свой путь проложил,—

Перевел Д. Голубков

Писал Кайсын в 1945 году. Душевная боль настигала, как четки прожитых лет. Обидно было, что некоторые из московских друзей перестали отвечать на письма. Верным дружбе по-прежнему оставался Гоффеншефер. Ему Кулиев писал письма и от него тоже получал. Так, 9 апреля 1948 года он писал: «Дорогой Вениамин Цезаревич, здравствуйте! Благодарю Вас за Ваше милое письмо. Как хорошо, Вениамин Цезаревич, делаете, что не забываете меня. После случившегося многие решили забыть, что они когда-то смотрели в мои глаза и отвращения, пожалуй, не чувствовали. А я ведь не виноват в том, что судьба так зло насмеялась надо мной. Моя жизнь могла бы быть совершенно иной...»¹⁸⁷

Во Фрунзе Кайсын тоже обрел много хороших друзей. Ему очень помогал по работе переводчик и прозаик Узак Абдукаимов, поэт Алыкул Осмонов. По словам Кулиева, Узак Абдукаимов, чтобы поддержать Кайсына, брался переводить вместе с ним. «Судьба наградила меня дружбой с одним из прекрасных поэтов Средней Азии — с Алыкулом Осмоновым,— писал Кулиев.— ...Ко мне хорошо относились редакторы местных газет, я подружился с русскими писателями, жившими и работавшими в Киргизии... Союз писателей Киргизии и лучшие литераторы относились ко мне хорошо, ценили мою работу»¹⁸⁸.

¹⁸⁷ ЦГАЛИ СССР, ф. 2585, оп. 1, ед. хр. 98, л. 4.

¹⁸⁸ Советские писатели. Автобиографии. М.: Худож. лит., 1972. Т. 4. С. 354.

Кулиев плодотворно трудился в творческом союзе литераторов республики сначала заместителем ответсекретаря Союза писателей Киргизии, а затем председателем русской секции Союза писателей, был литературным консультантом, членом редколлегии журнала, много переводил, писал стихи. В 1945 году он написал такие стихотворения, как «Ты слышишь, какая стоит тишина...», «Первой весной после войны», «Первым летом после войны», «Я на войне увидел тьму смертей», «Если радость придет...», «Мы в саду. Солдат бывалый...», «Весна! Опять пришла весна...», «Я с лошади падал в жестоком бою...», «Как только ночь, полет прервав, садится...», «Сердце мое — необъезженный конь», «Как волку легче ногу откусить...», «Волк, подбитый, уполз...», «В ручье увидев раненным себя...», «Пусть говорят. Пусть осуждают даже...», «Прекрасна ты, надменная луна» и др.

Лирические герои и героини этой поры созданы Кулиевым в процессе отображения действительности во всех ее сложных связях и в поступательном движении, в процессе отображения жизни как деяния. Послевоенные годы — это время немалых материальных трудностей, когда приходилось восстанавливать разрушенное войной хозяйство, поднимать из руин города и села. Поэтому закономерным было стремление поэтов показать прежде всего пафос трудового подвига народа. Кулиеву удалось правдиво передать трудности тех лет, создать яркие характеры вчерашних воинов и ныне тружеников в таких стихах, как «Первым летом после войны», «Весна! Опять пришла весна...», «Вдали снега подернуты туманом», «Сжимаю в пальцах влажный ком земли...», «Был пахарем, солдатом и поэтом». Эти стихи залиты ярким светом весны, молодости, душевной радости, ощущением счастья. С жадностью воина, уставшего от шума и пожаров войны, человек вслушивается в необыкновенную тишину, наступившую после долгих четырех лет народного горя и страданий: «Ты слышишь, какая стоит тишина! Прошла, словно град, отшумела война». В этой тишине в соответствии с мироощущением героев пульсируют новые ритмы жизни, новый поэтический строй стихов: «Спокойно растет молодая трава, и в мерные строки ложатся слова». Отзвучала песнь Победы, и тут же стала звучать другая песня — о труде, о свежеспаханной земле, строительстве жилищ, о возрождении родного очага. Лирический герой начинает новую страницу своей

трудовой послевоенной биографии. Он скромный труженик, человек открытого сердца и высоких помыслов, мечтает о будущем и желает мира. Еще недавно он видел страшный лик войны и знал, что

Позарастают пулевые раны.
Травой зазеленеет мертвый прах.
И кони отдых обретут желанный...
Не встанут лишь погибшие в боях.

Вернется все — и тишина и песни,
Как прежде, теплотой дохнет очаг.
Сожженный город из руин воскреснет...
Не оживут лежащие в снегах.

Перевел Д. Голубков

Призыв к миру в устах бывшего солдата звучит как вывод из всего им пережитого и осознанного. В стихотворении «Первой весной после войны...» опоэтизирована простая жанровая сценка без глубокого раскрытия индивидуального характера:

Он в сапогах, в лияялой гимнастерке.
Глаза солдата ненасытно зорки.

. . . . .

И, сплюнув на руки и взяв лопату,
Он яблоньки сажает, как когда-то.
И босоногий сын спешит помочь.
И столько солнца, что смотреть невмочь.

Перевел Д. Голубков

Чувство родного очага, родной земли выражено в третьей части этого стихотворения особым образом. В жаркий весенний день возвратился воин домой. Он просит затопить печь, так как на войне ему часто снился дым родного очага.

Прошли все пули стороной,
Солдат вернулся в край родной.
Весна, тепло, а он жене
Велел топить:
— В окопах мне
Частенько снился дым густой
Над нашим домиком зимой.

Перевел Д. Голубков

В этот период Кулиев принял самое активное участие в процессе сближения национальных культур — русской, киргизской, карачаевской, балкарской, оказывал конкретную помощь молодым начинающим авторам. Вот как об этом писала А. И. Караева: «К счастью, вернулся с фронта и включился в жизнь писательской организации Киргизии балкарский поэт Кайсын Кулиев. Уже тот факт, что в братской республике жил и работал поэт, который писал на языке карачаево-балкарском, общался со многими киргизскими поэтами и переводил их, был сам по себе весьма знаменательным»¹⁸⁹. Действительно, творческая работа Кулиева в это время была огромной и ее роль в становлении и развитии национальных литератур репрессированных народов трудно переоценить. Вот как об этом писал Казбек Чомаев: «Достаточно сказать, что Кайсын Кулиев — это сын двух народов, балкарского и карачаевского, он творил единую карачаево-балкарскую литературу»¹⁹⁰. На консультацию приходили не только молодые карачаево-балкарские поэты. Просили почитать свои первые рассказы, повести и киргизские литераторы. Пришел однажды к Кайсыну не известный тогда еще никому и Чингиз Айтматов, в ту пору молодой сельский зоотехник, и робко протянул ему тетрадь. «Кайсын прочитал написанный рассказ и сказал автору, что он не удался, но сюжет любопытный. Посоветовал, что и как надо «дотянуть». Через некоторое время новый вариант рассказа был опубликован в журнале «Литературный Киргизстан». Так с легкой руки Кайсына началось литературное творчество Чингиза Айтматова, будущего ленинского лауреата.

Творческая судьба Ч. Айтматова всегда привлекала и интересовала Кайсына Кулиева. Он следил за его ростом, радовался его успехам и высоко ценил его произведения. В своей книге «Так растет и дерево», написанной в прозе на русском языке, поэт отметил: «Любой крупный национальный художник приходит к человечеству, идя от своей земли, от своего народа, его опыта, мудрости и света его души, от молока матери, от хлеба и воды своей родины, от ее красоты. В этой связи я назову два замечательных имени двух наших современников. Это Мартирос Сарьян и

---

¹⁸⁹ Караева А. И. Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966. С. 163.

¹⁹⁰ Чомаев К. Наказанный народ. Черкесск: ПУЛ, 1993. С. 51.

Чингиз Айтматов. Ведь Айтматов пишет только о Киргизии, все его герои киргизы, а он на наших глазах стал мировым писателем, судьбы своих земляков он сумел сделать всечеловеческими»¹⁹¹.

Выступая в 1975 году на торжественном открытии Дней советской литературы в г. Фрунзе, Кулиев закончил свое выступление стихами, посвященными Киргизии и Чингизу Айтматову, потому что в этих двух понятиях слилась история и современность киргизского народа.

Поклон земле, где в песнях жив Манас,
Земле, где выросал мой друг Чингиз,
Где звезды он увидел в первый раз
И реки, с гор стремящиеся вниз!

Чингиз Айтматов бывал на родине Кулиева дважды. Первый раз, когда отмечалось 60 лет со дня рождения поэта, а второй раз — 6 июня 1985 года. Выступая 12 ноября 1977 года, Ч. Айтматов сказал: «В годы войны и нелегкие послевоенные годы наши народы жили в дружбе, трудились рядом друг с другом. С тех пор прошли годы. Много я видел разных городов в различных странах мира и людей, их культуру и быт. Но горцы Кавказа, земляки Кайсына из Чегемского ущелья — выше всех похвал. Это замечательные люди, достойные великих поэтов! В мировой поэзии Кайсына Кулиева я ставлю рядом с Назымом Хикметом.

Правильно говорят в вашем народе: «Кто в Чегеме не бывал, тот Кавказа не видал». Я рад, что приехал сюда, увидел земляков Кайсына и места, которые мне напомнили Швейцарию»¹⁹².

Поэтическая дружба Кайсына Кулиева с известными литераторами Киргизии началась в победном сорок пятом году. Она способствовала, по словам поэта, его творческому созреванию, поддерживала стремление «держаться равнение на лучших, учась на их примере и опыте, опираясь на них, как на могучие деревья, у которых глубокие и сильные корни»¹⁹³. Одними из таких поэтов были А. Токомбаев, Т. Уметалиев, А. Осмонов.

В первые три года жизни Кайсына Кулиева во Фрунзе

¹⁹¹ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 379.

¹⁹² Путь к коммунизму. 1977. 8 апреля. На балк. яз.

¹⁹³ Кулиев К. Поэт и культура // Юность. 1972. № 12. с. 56.

не все складывалось гладко и удачно. В личной жизни поэта было не все просто: он познал горечь разочарований, разлук и расставаний.

Вы, женщины, были ко мне добры,
Хоть я вам и стоил слез,
Хотя из-за вас в моих волосах
Немало седых волос,—

Перевел Н. Гребнев

скажет Кулиев в 1947 году. Были страдания, огорчения, терялось взаимопонимание. Порой он чувствовал себя очень одиноким. Семейная жизнь плохо налаживалась. Тамара Аслантожовна с утра до вечера была на работе в театре. Кайсын чувствовал, что она все больше замыкается в себе и с каждым днем становилась отчужденнее. Той веры друг в друга уже не было, отсутствовали духовная поддержка и взаимопонимание. Кайсын переживал и свои чувства выражал в стихах:

В ручье увидев раненым себя,
Бежит олень скрываться в лес густой.
Скажи: куда бежать мне от тебя,
Мне, раненному, милая, тобой?

Перевел Д. Голубков

Кулиев страдал еще и оттого, что видел: каждый из них живет сам по себе, своей жизнью, своими интересами, хотя их еще и объединяла одна крыша над головой. Но скоро наступил тот момент, когда Кайсын ушел, как он выразился, навсегда, хотя в его душе еще теплилась надежда, что они вернутся друг к другу, простят былые ошибки и заблуждения. Он ждал, что Тамара первая придет к нему, сделает первый шаг к примирению. Он был ей благодарен за то, что она ничего не скрыла и рассказала ему всю правду. Он надеялся, что она вернется к нему. Может, поэтому он писал в 1945 году:

Волк, подбитый, уполз. Но все же
Сзади кровь по всему пути.
Для охотника след. Ты можешь
Так же просто меня найти.

Перевел Д. Голубков

Только своему другу Дмитрию Кедрину он писал о том, что пережил. И вместил это в одно коротенькое предложе-

ние из двух слов с восклицательным знаком. «Развелся с женой! Квартиры нет»,— печально констатировал он. А в конце письма еще более горькое: «Немного пишу никому не нужные стихи». Так тогда в минуты отчаяния думал поэт. Но даже в такие минуты его не покидало природное добродушие и юмор. В этом же письме он писал: «Водку не пью. Нет денег, а не потому, что я стал трезвый и разумный. Похудел, как ишак Насреддина зимой...»

В этот нелепкий период жизни Кулиева обстоятельства сложились так, что он почти полгода жил в семье Жанаканта Жунусовича Залиханова. Трехкомнатная квартира была просторной и светлой, в одной из комнат и поселился Кайсын. Ему здесь было хорошо, с ним были всегда ласковы и внимательны. Сакинат, жена Залиханова, знала о драматических отношениях между их родственницей Тамарой и поэтом, но никогда не позволяла себе в чем-то упрекнуть их обоих или задеть нетактичным словом и без того обостренные чувства и взаимоотношения Тамары и Кайсына. В кульминационный момент разрыва с женой Тамарой Залихановой Кулиев нашел в лице Жанаканта и Сакинат двух преданных друзей, которые делали все для того, чтобы как можно скорее прошла душевная боль Кайсына, его неустроенность и одиночество. Поэтом по праздникам, иногда и по субботам, в их квартире, а чаще всего в доме Ханафи Исхаковича Хутуева, родственника Залихановых, собирались самые близкие люди, которых волновала судьба поэта, его настроение и самочувствие. В их окружении, на таких вечерах, обсуждались литературные новости (Ж. Ж. Залиханов работал в это время заместителем директора Киргоиздата, а Х. И. Хутуев — в органах внутренних дел), творческие планы и вновь написанные стихи Кулиева. «Иногда по воскресеньям мы выезжали с Кайсыном в с. Юрьевку, где жили наши родители,— вспоминал Жанакант Жунусович.— Такие поездки всегда благотворно влияли на него. Поэт становился таким же, каким он бывал прежде: общительным, веселым, довольным собой и другими. Помню одну поездку, когда мы заехали к моей родной сестре Чумдари Жунусовне Залихановой. Нас радостно встретили ее муж Исмаил Даутович Боллуев и их дети — дочь Чиммак и сын Ануар. Они хорошо знали поэта Кулиева, который сражался на фронте, имел боевые награды и мог часами рассказывать о подвигах своих фронтовых друзей. Ануару было в это время лет

тринадцать, и он любил слушать рассказы поэта о десантниках-парашютистах. Это посещение, как и многие другие, окончательно развеяло прусть и недовольство собой Кайсына»¹⁹⁴. Корил он себя за то, что недостаточно внимателен к матери: все дела и дела... Обращаясь к ней, он писал:

Ты ради меня забывала про сон,
Ты столько дала мне чудесных имен,
Я сроду не слышал милей голосов —
Звучал мне в окопах твой голос, твой зов.

Поездки к матери Кайсын очень любил. Мать его, Узенрхан, всегда ждала сына с субботы на воскресенье, гордилась им и в каждый его приезд приглашала гостей, ближайших соседей и родственников. Приходили Чокка Залиханов, Шарапи Хутуев, Жунус Залиханов, Магомед Сарбашев. Это были уважаемые люди, с ними всегда советовались, к ним обращались за помощью. Кулиев любил проводить время в беседах со старыми горцами. Наверное, в такие минуты его посещали думы о том, что

Здесь говорят, не повышая голос,
Неприхотлив крестьянский разговор,
Но слово совершенно, словно колос,
Бесхитростно, как каменный забор.

Перевел Н. Гребнев

Сложной и неустроенной была жизнь Кулиева в это время. У него не было уже семьи, квартиры, права печатать свои произведения на родном языке, прочного социального статуса. Вот как об этом вспоминает известный балкарский драматург Исса Боташев, который первый раз увидел Кайсына в 1946 году, а познакомил его с ним Керим Отаров. Произошло это «...летним солнечным днем в городе Фрунзе (ныне Бишкек), на тенистой тропе дубравы. Кайсын только что выписался из госпиталя и не успел еще переодеться в гражданскую одежду. Форма офицера с капитанскими погонами сидела на нем как влитая, на груди боевые ордена и медали. Он еще прихрамывал и ходил с палочкой. В разговоре посетовал, что никак не может найти отдельную квартиру. Я посоветовал обратиться к хозяину глинобитной времянки, где сам снимал маленькую комнат-

¹⁹⁴ Личный архив авторов.

ку, а другая была пока свободна. Кайсын с удовольствием согласился. Ведь в то время даже такая крыша над головой была роскошью для нас. Так мы с Кайсыном жили в одном домике почти полгода. Потом двенадцать лет провели в таких же «апартаментах», только на противоположных сторонах улицы... Познакомился я с ним в трагическую пору для нашего народа...». Кулиев понимал страшную участь своего народа, что депортация — это геноцид, т. е. своеобразная попытка ликвидации неугодных людей и целых наций. Он глубоко переживал за всех балкарцев, которым было нанесено оскорбление их национальной чести и достоинства. К несчастью, жизненные обстоятельства были суровы и к нему, принуждали его быть иногда суровым, непоследовательным в своих решениях и личных делах. И поступки, совершенные иногда им, было трудно объяснить и чем-то мотивировать. Даже самые близкие друзья не знали, как он может поступить в следующую минуту, на завтрашний день. Решал он все вопросы сам, особенно те, которые касались его личной жизни. Никакие доводы, никакое красноречие не могли убедить или успокоить поэта, когда он был взволнован или принял решение. Одним из таких необъяснимых поступков был его брак, вскоре после ухода от жены, с Тамарой Штейман, маленькой, некрасивой девушкой, имевшей от природы физический недостаток: она немного прихрамывала. Она училась в Киргизском пединституте, слыла умной и образованной. Кайсын ей очень нравился, и она решила выйти за него замуж, хотя отец ее, полковник в отставке, и был против этого брака. На скромной свадьбе были ближайшие друзья поэта — Керим Отаров, Жанакант Залиханов. Они желали Кайсыну счастья и прочной семьи. Но ни того, вероятно, ни другого не было. Девочка, которая родилась через год, вскоре умерла. Ее похоронили на городском кладбище. С похорон шли грустные Керим Отаров, Жанакант Залиханов и Кайсын. Молчали. Лишь только Керим, оглядываясь кругом, горько произнес: «Какая несправедливость в человеческих судьбах! Умирает младенец и дряхлый старик. Трагическое всегда рядом с нами»¹⁹⁵.

После смерти дочери Кайсын ушел от Тамары Штейман. Прожили они чуть больше года.

Мятущийся в поисках домашнего пристанища и спокой-

¹⁹⁵ Из воспоминаний Ж. Ж. Залиханова. Личный архив авторов.

яного семейного счастья, Кулиев снова совершил необдуман-
ный шаг: после ухода от Тамары Штейман он решил же-
ниться на Сание Велиевой, родом из крымских татар. На
скромную помолвку Жанаканит Залиханов не пошел, хотя
и получил приглашение Кайсына. Свидетелем со стороны
жениха стал Умар Боблашевич Алиев¹⁹⁶. При одной из
встреч с Залихановым он с упреком сказал ему:

— Почему не пришел к Кайсыну на вечер, или добрых
слов пожалел? Она будет, по моему мнению, хорошей
женой.

— Нельзя так жить: менять жен, как шапки,— ответил
Жанаканит.— Поэтому и не пришел.

Через некоторое время Умар Боблашевич, встретив
Залиханова, процитировал:

Он долго по свету за счастьем бродил —
Но счастье, как тень, убегало...¹⁹⁷

И прибавил уже серьезнее: «Ты был прав, Жанаканит.
Свадьба не состоялась. Кайсын по-прежнему одинок...»

1946 год был нелегким годом для Кулиева. Его одолева-
ли многие заботы и хлопоты, связанные с тем, что он пере-
вез к себе мать и сестер из Казахстана. Жили они тогда
во Фрунзе по ул. Красноармейской, в доме № 8. Кайсын
стал спокойнее: с ним рядом были его мать Узеирхан, сест-
ры Мариам, с сыном Максимом, Марзият и Шахидат. Мать
часто болела, и врачи посоветовали ей побыть на курорте
Иссык-Ата, находившемся в Ивановском районе. Кулиев
выхлопотал разрешение и перевез мать в это большое ку-
рортное место. За ней присматривали дочери Шахидат и
Марзият¹⁹⁸.

---

¹⁹⁶ Пройдут годы. Он станет доктором филологических наук, про-
фессором КБГУ и Карачаево-Черкесского пединститута, одним из вид-
ных ученых в области карачаево-балкарской филологии.

¹⁹⁷ Слова Жуковского. Элегия «Теон и Эсхин».

¹⁹⁸ Сестра Кайсына Кулиева — Шахидат Узденова (дочь Узеирхан
Кулиевой от второго брака), будучи в Киргизии, выйдет замуж за
Джаппуева Музафара Абуевича и уедет с ним в Кантский район, село
Покровку. Но ее личная жизнь с этим человеком не сложится. Вто-
рично она выйдет замуж за Пальчикова и до конца своих дней будет
жить в г. Ташкенте, там ее и похоронят в 1984 г. За месяц до ее
смерти Кайсын приедет к ней, узнав о ее тяжелой болезни, и будет
убеждать, чтобы она переехала в Нальчик. Но она останется непреклон-
ной, так как, по ее словам, детей у нее нет, а ей все равно в какой
земле лежать. Когда она умерла, Кайсын не был на похоронах. В это
время он был на лечении в Монголии и, естественно, не мог приехать.

К Кайсыну в 1946 году приехала из Кисловодска бывший военврач Вера Максимовна Сидорова, с которой он познакомился на фронте. О ней он написал стихотворение «Лампочка из гильзы от снаряда...», в котором поведал о первой встрече с этой замечательной девушкой, которой тогда едва исполнилось 23 года. Все было именно так, как описано в стихотворении: ничего не выдуманно, не приукрашено. Была ночь. Кулиев сидел с солдатами в хатке и читал по памяти стихи Сергея Есенина, прикрыв чуть глаза. Когда он кончил читать и открыл глаза, то увидел девушку, удивленно смотревшую на него. Оказалось, она тихо вошла и молча села послушать стихи Есенина в исполнении молодого горца.

«По-разному происходит зарождение вещи,— писал Л. Леонов в статье «Талант и труд»,— с проблескнувшей детали или портретного наброска, ситуации или психологического открытия, отвлеченной идеи или почти музыкального ощущения темы-полудогадки, но потом это неминуемо должно пройти через тесную формирующую линзу мысли»¹⁹⁹. У Кулиева это произошло не с психологического открытия, скорее с жизненного случая:

Лампочка из гильзы от снаряда
Засветилась. Хата. Ночь темна.
Я читал стихи, а в балке рядом
Били пулеметы. Шла война.
Ты, не сняв подогнанной шинели,
Села в уголок под образа.
Я читал, а на меня смотрели
Цвета летних сумерек глаза.
Так и состоялась наша встреча,
Наша дружба от нее пошла...

Перевел Н. Коржавин

Дружеские отношения переросли в глубокие чувства. Она лечила его, когда он находился в госпитале в Кисло-

---

Вторая сестра Кайсына — Марзият, тоже урожденная Узденова, в замужестве Маньяева. Вместе с мужем Якубом Хажиметовичем в 1947 году переедет из Фрунзе в село Юрьевку, и там они будут жить вплоть до возвращения балкарцев на родину. Они изберут постоянным местожительством селение Бабугент Черекского района, куда Кулиев будет часто приезжать.

Теплые родственные отношения с ними сохранились у поэта на всю жизнь.

¹⁹⁹ Слово к молодым. М.: Молодая гвардия, 1975. С. 5.

водске. И вот снова они встретились. Три месяца они были вместе, пытаясь наладить совместную жизнь. Однако «девушка в шинели, милый друг...», как писал о ней поэт в этом стихотворении, не стала его судьбой, хотя она понравилась и его матери Узеирхан, и сестрам — Мариам, Марзият и Шахидат. «Умная, образованная и очень симпатичная Вера понравилась всем нам,— вспоминала Марзият о том времени, когда она приезжала, чтобы поздравить Кайсына и мать со снохой.— Особенно она пришлась по душе нашей маме. Свою сноху Узеирхан любила, как дочь, и была ласкова с ней, приветлива. Ведь она лечила Кайсына, когда он был ранен и лежал в госпитале. Этого было достаточно, чтобы все мы относились к ней почтительно и с должным уважением. Я была у них в гостях дня два, но помню, как Вера заходила к нашей маме, чтобы поцеловать ее и пожелать ей спокойной ночи. Для нас такая ласка была необычна».

С каким-то предубеждением относился к Вере лишь только Хажимуса Кулиев. Вернувшись с фронта и не найдя квартиры, он поселился жить вместе с семьей Кайсына. Между ним и Верой установились натянутые, недружелюбные отношения. Знание того факта, что Вера была фронтовой подругой Кайсына, усилило его неприязнь к ней. Личные отношения Хажимусы с Верой приняли вскоре почти враждебный характер. Что говорил о ней Хажимуса Кайсыну, она никогда не расспрашивала, чтобы не терять своего достоинства. Мало ли каких сплетен ходило о полковых врачах и девушках-санитарках! Кулиев относился к Вере с неизменным уважением и глубокой признательностью за все то, что она сделала для него, когда он болел и она находилась при нем. Кайсын не был виноват в разрыве между ними. Может быть, ее испугали матеральные трудности, неустроенность быта, социальная неуверенность и незащищенность. Она видела, что народ Кайсына и он сам фактически находились под надзором комендатуры НКВД. Были и другие причины личного характера. Вероятно, они поняли, что совершенно разные люди по характеру, интересам и целям в жизни. Вера уехала, когда Кайсын был в командировке, оставив краткую записку: «Уезжаю навсегда. Мы чужие друг другу люди. Будь счастлив, поэт!» Кайсын понял, что она никогда к нему не вернется. Чуть позднее поэт посвятил в 1947 году Вере Максимовне следующие строки:

Ты совсем не воплощенье красоты.
Светом истинной любви мне светишь ты.

Ты красавицей вовеки не была.
Ясность добрую ты в жизнь мою внесла

И наполнила безмерной добротой —
Самой высшей в мире красотой!

Перевел Н. Коржавин

Нравственно измученный, разочарованный в личной жизни и душевно уставший от всех неурядиц бытия, Кулиев переехал на другую квартиру по улице Дзержинской. Из письма Кулиева к Кедринной Людмиле Ивановне узнаем, что он долго болел, нуждался в материальной помощи и дружеской поддержке, в участливом и умном слове. Так, 31 октября 1947 года он писал: «Наша переписка прервалась потому, что заболел и долгие месяцы болел... Я живу уже лучше. Мало, но печатаюсь. Живу совершенно один, все родные живут в районе...» Через год положение не улучшилось. Он часто болел, заболела и мать, которую он взял на время к себе, чтобы показать врачам. В письме от 29 января 1948 года Кайсын писал Людмиле Ивановне: «Я живу по-прежнему, снова болею бруцеллезом. Мать моя заболела плевритом... Мы с ней вдвоем живем. Сейчас глубокая ночь. Она спит в другой комнате. Вот так я живу со своей печальной старушкой и пишу стихи. Довольно много пишу, печатаюсь, конечно, очень мало!» В эту трудную пору понимание обреченности и, казалось, безысходности положения высланного народа на чужбину воплощалось поэтом в стихи. Самым близким человеком, с которым можно было говорить на эту тему, для Кайсына была мать. С ней можно было советоваться и говорить о личных лишениях, о трудностях жизни на спецпоселении и о поисках форм социальной защиты земляков, часто обращавшихся к Кулиеву за помощью и поддержкой. Он знал, что мать его поймет и разделит с ним все страдания души:

И ты не за себя страдала в горький час
Изгнания — за меня тревожилась все время.
Когда болел, всю ночь ты не смыкала глаз,
Была ко всем добра, как у себя в Чегеме.

В изгнании, устав, к тебе я приходил,
И головой к груди, как в детстве, прижимался.
И исчезало все, чем я измучен был.
И сам себе опять я мальчиком казался.

Перевел Н. Коржавин

По-прежнему Кайсын навещал своих милых и гостеприимных Залихановых — Жанакаита и Сакинат, проявивших в то время участие, много такта, терпения и ласки. С ними он ходил на концерты. Особенно ему запомнился один, когда из Нальчика приехал национальный ансамбль песни и пляски «Кабардинка». Кайсын заранее купил билеты и с нетерпением ждал этого дня. Он радовался, что увидит своих земляков-артистов, со многими из которых он был лично знаком. Оповестил всех знакомых балкарцев и просил обязательно прийти на концерт. В этом не было особой нужды: посмотреть концерт своих соотечественников приехали даже из отдаленных районов. Зал был переполнен. Каждое выступление они встречали долгими аплодисментами. Успех артистов был большим и впечатляющим. Кайсын написал большое письмо и передал его с ними Алиму Кешокову. «Тогда я написал Алиму письмо, — вспоминал Кулиев, — и в нем была небольшая просьба к нему...» И через год Кайсын будет помнить этот концерт и писать об этом 9 апреля 1948 года В. Ц. Гоффеншеферу: «Летом прошлого года здесь был их ансамбль. Здесь наши засыпали их артистов цветами. Они были очень тронуты».

Кайсын очень ждал ответа, но Алим Кешоков ему не ответил, хотя письмо ему передали, рассказали все подробно, как живут балкарцы, как Кайсын надеется, что Алим в чем-то поможет ему. Но в трудные для Кайсына, и не только для него, для всего балкарского репрессированного народа, дни Кешоков не захотел хотя бы морально, дружеским словом поддержать опального поэта, находившегося под запретом властей НКВД. Отважный поэт-воин Алим Пшемахович, прошедший путь с фотоаппаратом и авторучкой от волжских берегов до Восточной Пруссии, в 1947 году стал иным, более осторожным в выборе друзей. Он был теперь министром просвещения республики и первой номенклатурой в секретари обкома КПСС.

Оправдывая этот поступок своего боевого друга (в дни войны они переписывались), Кулиев много лет спустя ска-

жет: «Ответственные посты в республике, которые занимал Алим, требовали такой же ответственности во всем. Поэт «...далеко не местного масштаба» (М. Светлов) был очень занят... А я был исключен из Союза писателей СССР. Не имел права печатать свои произведения ни на одном языке, которые я знал: русском, татарском, киргизском, карачаевском...» Но тогда, в апреле 1948 года, Кайсын очень обиделся на Кешокова и писал об этом в письме к В. Ц. Гоффеншеферу: «Знаете, Алим перестал переписываться со мной... Я написал Алиму письмо и в нем была небольшая просьба к нему, а он не только ничего относительно просьбы не сделал, даже не нашел нужным ответить. На мой взгляд, это весьма неблагородный поступок. Возможно, что он был обязан так поступить по чину своему. Не знаю. Бог с ним. «Но счастливые глухи к добру». Хорошо сказал старый и благородный поэт России.

Я живу по-прежнему. К родственникам ездить нет возможности. Сажу во Фрунзе, работаю в ССП, где ко мне относятся сносно. Пишу довольно много, несмотря на то, что почти не печатаюсь».

Душевными друзьями и добрыми товарищами Кайсына были в среднеазиатский период жизни Миналдан Шаваева и ее подруга гречанка Роза Сергияди (Роза Александровна Сергеева), большая и почтительная любовь которых к стихам Кайсына доставляла ему радость и вселяла уверенность в поэтические возможности. При каждой встрече с поэтом Миналдан спрашивала о его самочувствии и работоспособности. Спросила она его и на этот раз, в 1947 году, когда они встретились во Фрунзе: «Что нового написал, Кайсын?» Кулиев тяжело вздохнул и грустно сказал: «Пишу, но мало. Больше занимаюсь переводами произведений киргизских писателей и разной бумажной волокитой».

Миналдан Шаваева и Роза Сергеева были для Кайсына далеким образом юности, оставленной в милой Балкарии, олицетворением чистоты и преданности первому чувству любви. Кайсын знал тяжелую судьбу Миналдан, любимый которой погиб на войне, и она поклялась быть верной его памяти на всю жизнь. Кайсын иногда задумчиво смотрел на нее, на женщину удивительной судьбы, и думал: «Счастливая Миналдан. Она навсегда останется образцом женской жертвенности и преданности любимому».

В одной из записных книжек Кулиева есть строчка:

«Ошская область, ст. Кара-Су. До востребования. Шаваева Миналдан»²⁰⁰. Запись сделана рукой поэта в 1948 году. В 1952 году он приезжал в Кара-Су, где жила Миналдан по улице Рабоче-Дехканская, отыскал номер дома и постучал в низкое окно. «Я вышла,— вспоминала она.— Ночь была темная, дождливая, к тому же дул холодный ветер. Наша улица плохо освещалась, и я никак не могла разобрать, кто же пришел к нам в такую ненастную февральскую погоду. Еще не видя лица, по голосу я узнала Кайсына. Радость моя была беспредельной. Он был дороже мне родного брата: ведь для всех нас, балкарцев, проживавших в разных регионах Средней Азии, Кулиев был олицетворением родины, нашей совестью». Волнуясь, она торопливо рассказывала: «Кайсын мог остановиться в гостинице или у любого балкарца. Его, как поэта, знали все. Но он пришел к нам, и мы проговорили с ним до самого рассвета. Чего только не вспоминали! И как в детстве жили совсем рядом, по соседству, как играли детьми и часто встречались в гостях у родной тетки Миналдан или у матери Кайсына — Узеирхан, как всей ватагой по предложению Кайсына устраивали поздно вечером игры около кладбища для того, чтобы преодолеть страх. В этот вечер мы вспомнили поименно всех героев его книги «Мои соседи», вернее, цикла стихов. Для кого-то это, может, и были литературные герои, но для нас с ним это были реальные люди, которых мы хорошо с ним знали. Поэтому вспомнили и слепого столяра Кайсына, с горделивой осанкой горца, умельца на все руки, и кузнеца Алико Чимаева и его жену Абул, сапожника Мухамада и Шаваеву Кесам, зурнача Хажоса и многих других — всех наших соседей по Нижнему Чегему. Как они радовались, когда читали этот цикл стихов, смеялись, узнавая себя! Вспомнили мы и Шаваева Салиха, когда он работал в Нальчике редактором балкарской газеты и мы были у него с Кайсыном в гостях по случаю рождения его первенца сына, которого называли Владимиром. Кайсын по этому поводу написал стихотворение «Родился сын у моего друга». Не забыли и 1946 год, когда мы впервые встретились после войны во Фрунзе и поехали навестить в Ивановский район своих близких, родных и знакомых, как гостили у Теппеевой Кани и Кулиевой Балкыз

²⁰⁰ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 27, л. 25.

в селе Красная Речка и Кайсын с Хажимусой Кулиевым²⁰¹ разыгрывали смешные сцены сватовства, сохраняя особенности старых балкарских обрядов и обычаев; как был устроен веселый вечер с танцами и пением по случаю приезда Кайсына Кулиева и у Хафисат Атакуевой, и в карачаевской семье Гаджиевых, когда Кайсын самозабвенно танцевал национальные танцы с гармонисткой Натифой²⁰². Таким красивым и веселым я уже больше никогда Кайсына не видела».

Рассказывая о встречах с Кулиевым, М. Ч. Шаваева гордилась дружбой с этим человеком, его поэтическим даром. Кайсын тоже глубоко уважал Миналдан и восхищался всегда красотой ее подруги Розы Сергеевой. Ей он, по словам Миналдан, посвятил стихотворение «Когда стареет красивая женщина».

С годами женщина тускнеет,
И старится былой кумир.
И нам, когда она стареет,
Старее кажется весь мир.

Перевел Н. Гребнев

В Миналдан поэт отмечал прямоту характера, искренность и простоту нрава. Лукавить она не умела и всегда все прямо высказывала поэту в лицо, осуждая или одобряя его поступки. Так было часто, когда речь заходила о его жене Тамаре Залихановой.

Тамара Аслантоковна собиралась выходить замуж за Атаева Шамиля Атаевича (1909—1979). Сам он был родом из Дагестана, лакец по национальности, работал зубным техником, слыл спокойным и состоятельным человеком. Тамара ему нравилась, он сделал ей предложение и получил согласие.

Дочь Жанна все еще находилась в Нальчике у бабушки Муслимат Султановны. Кайсын скучал о дочери и настаивал, чтобы ее привезли, иначе она отвыкнет и забудет родителей. И Тамара написала матери, чтобы она отправила Жанну к отцу со своей родной сестрой Фатимой, кото-

²⁰¹ Хажимуса Атабиевич Кулиев (1910—1971) — уроженец Верхнего Чегема, участник войны с белофиннами. Великой Отечественной войны, был членом Союза журналистов СССР, членом Союза писателей СССР.

²⁰² Ей он посвятил стихи: «Гармонистке», «Любовь», «Девушке».

рая была замужем за Курбатовым Алексеем. Жили они до войны в Москве. Когда началась война, Курбатов подал заявление и попросил, чтобы его записали в народное ополчение (ему тогда было около шестидесяти лет) и ушел на фронт, как и многие его ровесники, старые рабочие, люди пенсионного возраста. О таких людях, глубоко преданных советскому государству, писал И. Эренбург 24 сентября 1942 года: «Мы видели героизм русских рабочих. Год тому назад немцы подошли к Ленинграду, — ленинградские рабочие создали полки, которые потом стали частями Красной Армии. Ленинград выстоял. Когда опасность приблизилась к Москве, московские заводы дали десятки тысяч ополченцев»²⁰³. В одном из таких полков ополченцев был и Алексей Курбатов. В начале сорок первого он погиб под Смоленском. Его жена Курбатова Фатима с трехлетним сынишкой Володей выехала в Нальчик к родным. В 1947 году ее, как балкарку, выслали в Киргизию, в Карасу Ошской области. С ней-то Муслимат Султановна и отослала дочь Кулиева — Жанну.

Кайсын встретил их, помог устроиться с жильем, подержал вдову добрым словом и советом. Тогда и решили, что оставлять одинокую и больную женщину с маленьким ребенком в Карасу нельзя, надо выхлопотать разрешение на переезд во Фрунзе к родной племяннице — к Тамаре Аслантоковне, которая и позаботится о них. Так и сделали. Кайсын выполнял просьбу Тамары, которую по-прежнему любил и отговаривал от брака с Шамилем.

Пусть говорят. Пусть осуждают даже.

Мне все равно. Мне тяжело без тебя.

Пускай беда в дверях стоит на страже —

Не страшно мне... Страшнее без тебя.

Перевел Д. Голубков

Шамиль Атаев купил просторный дом с времянкой. Сюда и переехала Фатима с сыном Володей. Она стала жить во времянке, для Жанны выделили отдельную комнатку — детскую. Курбатов Володя в ту далекую пору детства и значительно позже не раз слышал разговоры о Кайсыне Кулиеве, о его благородных поступках в отношении к людям, о его большой любви к дочери, ради счастья и спо-

---

➤ Вопросы литературы. 1970. № 5. С. 56.

койствия которой он мог идти на любые жертвы. Большое чувство уважения и преклонения перед этим человеком у Володи Курбатова осталось на всю жизнь. Его мать Фатима не раз говорила, что в ее трудной судьбе Кайсын Кулиев был опорой и поддержкой и, чтобы помочь ей, он ни с чем не считался — ни со временем, ни с материальными расходами, хотя и сам нуждался в помощи не меньше других. Володя знал, что за помощью и советом к Кайсыну обращались очень многие балкарцы, не только его мать, и он всегда откликнулся на все их просьбы и делал, что было в его силах.

Пройдут годы. Владимир Алексеевич Курбатов станет художником, будет работать в драматическом театре им. Али Шогенцукова, но не забудет доброту Кайсына в то трудное для его матери время и до конца дней жизни поэт будет чувствовать к нему особую, искреннюю привязанность, о которой поэт и не знал. В день похорон Кайсына Кулиева 6 июня 1985 года Владимир Алексеевич придет на траурный митинг к театру им. Али Шогенцукова, чтобы проститься с Кулиевым. Он будет видеть, как тысячи людей стояли под проливным дождем, чтобы отдать последнюю дань уважения тому, кто разделял с ними все радости и огорчения. По первому впечатлению художник Курбатов ооздаст картину «Похороны Кайсына Кулиева», чтобы подарить ее дочери поэта — Жанне Кулиевой на память о том времени, когда они тридцать восемь лет назад ехали вместе к Кайсыну Кулиеву в Среднюю Азию...

Пожалуй, 1946 год и начало 1947 года были сплошными полосами невзгод в личной и в творческой судьбе поэта. Все слилось воедино: ссора с женой Тamarой Аслантоковой²⁰⁴, необъяснимый разрыв с Верой. Обстоятельства сложились так, что они не могли быть вместе, хотя и уважали друг друга, ценили боевую дружбу.

Временные материальные трудности не пугали поэта. Ему было тяжело, когда видел, как дочь его Жанну ведет за ручку отчим. Горько было сознавать и другое: что и друзья, в которых ты свято верил, начинают тебя понемногу забывать, а женщины, сумевшие пробудить в сердце поэта сильные чувства, оставляли его.

---

²⁰⁴ Авторы этой книги встречались с Т. А. Залихановой, но она не пожелала рассказать откровенно о причинах разрыва с Кайсыном Кулиевым.

Мне женщины лгали, Любовь подчас
Была для меня бедой.
Огонь в груди у меня не раз,
Как костер, заливало водой.

Перевел Н. Гребнев

О душевном состоянии поэта, о его порой безысходном настроении говорило и письмо, адресованное В. Ц. Гоффеншеферу, в котором он пожаловался ему на неудачи, постигшие его. Вскоре пришел ответ. Вот что писал Вениамин Цезаревич 30 мая 1946 года: «Ну вот я и получил от вас весточку. Признаться, ни ваши дела, ни ваше настроение меня не обрадовали. Плохо, что вы уже больше не работаете в Союзе писателей²⁰⁵. Вам особенно в нынешнем вашем положении надо где-нибудь работать, служить. Хотя бы для того, чтобы вас это дисциплинировало и не позволяло оставаться в одиночестве, вне деловой среды. Представляю себе, как вы живете. Наверное, много пьете. И вымещаете свою горькую обиду на людях и на луне, которая во Фрунзе так же кругла, как и в Донбассе»²⁰⁶. Так писал Вениамин Цезаревич со всей свойственной ему прямотой, с его сарказмом и юмором. Письмо было «жестким», без всяких особых вежливых слов и утешений. Он знал сильный характер Кулиева и верил, что он поймет его правильно и не обидится.

Кайсын не вымещал горькую обиду на людях и не было у него горьких запоев, как предполагал Гоффеншефер. Поэт по-прежнему продолжал много работать в этот не слишком удачный для него год — сорок шестой, много писал, как и в предыдущие годы. Он никогда не был оторван от поэтической работы, писал при любых обстоятельствах и всегда служил родному народу пером. «Счастье творчества всегда будет со мной! — писал он 16 марта 1948 года Юрию Николаевичу Либединскому. — Писать для меня — это большая, солнечная радость. Поэтому я пишу. Я очень жалею, что лишен возможности показать Вам все из своих стихов, чтобы я хотел...»²⁰⁷

К этому времени относятся лучшие из написанных им стихотворений, такие, как «Беснуется угрюмый океан...»,

---

²⁰⁵ Это было время, когда Кулиев временно бросил службу и жил на литературный заработок.

²⁰⁶ ЦГА КБАСР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 33, л. 4.

²⁰⁷ ЦГАЛИ СССР, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 832, л. 2.

«Над старой книгой горских песен» (памяти Эффенди Капиева), «Охотникам, заблудшимся в ущельях», «Памяти Дмитрия Кедрина». Он много читает зарубежных и русских классиков, в частности сочинения Бунина, «Героические жизни» Ромена Роллана, монографию Грабаря о Врубеле и многое другое. Эти книги были высланы Кулиеву друзьями из Москвы. Впоследствии он писал: «Меня всегда выручали мои товарищи. Поэтому я верю в дружбу людей». Руководствуясь этим чувством, Кайсын весной сорок седьмого года написал подробное письмо К. Симонову, в котором он сообщал о себе, где работает, как живет. И к этому письму приложил свои стихи, просил их почитать, оценить и, если возможно, опубликовать. Просил Кулиев и посодействовать перед ССП Киргизии, чтобы он помог ему устроиться с жильем. Симонов, прочитав письмо Кайсына, задумался. Он знал Кайсына, поэта-фронтовика, с 1942 года, встречался с ним в Москве, был на его вечере поэзии. И 11 июня 1947 года Симонов написал письмо секретарю ССП СССР Льву Матвеевичу Субоцкому, в котором сообщал обо всем, о чем писал Кулиев и просил Симонова. К своему письму он приложил стихи Кулиева с его подстрочниками. К. М. Симонов писал Л. М. Субоцкому: «...стихи его очень талантливы... Надо привлечь к заседанию секретариата Правления Скосырева, потому что он хорошо знает Кайсына Кулиева и его творчество»²⁰⁸. В этом же письме К. Симонов писал о том, что надо официально установить через ССП СССР местонахождение Кулиева и проявить о нем должную заботу как о поэте-фронтовике.

Одним из многих писателей, близких по духу, был для Кайсына Кулиева Ромен Роллан. Чем он тогда привлек внимание поэта? «Его трагический героизм стал необходим для меня, как музыка Бетховена и Грига,— говорил Кулиев.— Тоже самое могу сказать и о Стефане Цвейге... У меня были великие друзья. Они вели меня за руку в трудные дни моей жизни»²⁰⁹.

Кулиев сумел тогда отделить личное от исторического, не позволяя личному возобладать над всем остальным, как бы ему ни было обидно и тяжело. Глубокий оптимизм никогда не покидал поэта. Он по-прежнему писал о дружбе

²⁰⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 1814, оп. 1, ед. хр. 614, л. 13.

²⁰⁹ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 456.

советских людей, с которыми разделил судьбу, верил в мужество, смелость и справедливость, писал о нестигаемости и выносливости своего народа, частицей которого он был сам.

Я ваш. И вас, кого храбрее нету,
Кто не страшился в жизни ничего,
Я вас пою. Услышите песню эту,
В ней кровь и муки сердца моего.
Что смерть и что беда? Ведь вы не щепки.
Есть мужество. И вы богаты им.

Перевел Д. Голубков

Эти стихи написаны в 1946 году, когда, по словам исследователей творчества поэта, особенно ощущалось личностное, необычность его личной судьбы и судьбы его народа. Конечно, у трудных годов — свой отблеск, который горьким пеплом высвечивает память прошлого и пережитого. «...Я счастлив, что в тяжелых условиях не махнул рукой на жизнь,— позднее писал он в «Страницах автобиографии». — Мне остались дорогими снежные вершины и примятая трава у дороги, поэзия Пушкина и музыка Бетховена. Я никогда не забывал о том, что не зря Прометей похитил огонь для людей; а в том, что порой на земле горят дома, Титан не виноват. Как хорошо, что я никогда не проклинал жизнь и не считал ее никчемной. Это один из центральных мотивов всего мною написанного»²¹⁰. Твердость духа и непоколебимая вера в справедливость, святая любовь и преданность Родине открыто выражены в целом ряде стихотворений, очерков и рассказов этого времени. Об этом лаконично и точно сказал поэт Мустай Карим. «Кайсын оставался верным в своей любви к жизни, ничуть не потеряв веры в доброе и прекрасное...»²¹¹ Это-то, вероятнее всего, почувствовал в Кулиеве его друг В. Ц. Гоффеншефер, когда писал в своем письме к нему: «...пишите ли Вы стихи? Если Вы настоящий поэт,— а поэт Вы настоящий,— то вы не можете не писать. Я ведь помню, как на фронте в любых тяжелых условиях Вы «бормотали» свои стихи и размашисто записывали их... Придет время, и книжка Ваша выйдет, и в Москве мы увидимся.

²¹⁰ Советские писатели. Автобиографии. М.: Худож. лит., 1972. Т. 4. С. 355.

²¹¹ Карим М. Избранные произв.: В 2 т. Уфа, 1969. Т. 2. С. 417.

Только бы не надломиться под тяжестью несчастья, только прямо и честно смотреть в глаза трудностям, только честно писать, а честное и талантливое всегда пробьет себе дорогу и будет признано...

Что же касается московских друзей, которые забыли Вас, то благодарите аллаха, что так случилось, ибо «друзья познаются в беде» и Вы смогли узнать, где подлинная, а где мнимая дружба. Жаль, что погиб Кедрин. Это был талантливый поэт...»²¹²

Известие о смерти поэта Д. Кедрина поразило болью сердце Кулиева. 11 октября 1945 года он дал телеграмму по адресу: Москва, Воровского, 52, Союз писателей. Ерусалимчик. Для Кедриной.

«Потрясен смертью Мити. Обнажаю голову перед его памятью. Крепитесь. Кулиев»²¹³. Он не мог представить себе, что нет больше этого человека, которого любил, дорожил его дружбой, вниманием и гордился тесным знакомством с его семьей. Почти в каждом письме к вдове поэта Кайсын горько сожалел о друге и поддерживал Людмилу Ивановну добрым словом. Так, 19 октября 1946 года (через год после гибели поэта) Кулиев писал: «Как я хвалю Вас за то, что Вы так относитесь к памяти замечательного поэта. Не все жены поэтов так могут относиться. Поэт есть поэт, а не просто муж. Женщина, которой чуждо это чувство, не может быть женой поэта в истинном смысле этого слова. Вы были редкой женой поэта при его жизни и остались такой же после его трагической гибели. Я говорю Вам от всей души: спасибо! Я безумно жалею Вас в самом благородном смысле этого слова и мучаюсь от того, что не могу помочь Вам. Но пока я живу, не будет дня, чтобы я забыл Вас и Ваших милых детей...» А память вела к тем дням, когда

В заснеженном поселке Подмосковья
Мы сживали часто, коротая
Досуг в домишке из сосновых бревен,
И вслушивались в завыванье вьюги.
Его густые волосы сбегали,
Пересекая лоб открытый слева.
Как были тонки и подвижны пальцы!

²¹² ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 33, л. 4.
²¹³ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 74.

Он голову откидывал при чтенье,
Он отличался легкой походкой,
Он радовался, как дитя, пороше.

Перевел М. Шехтер

Стихи «Памяти Кедрина» Кулиев писал сравнительно долго. В эти годы он на некоторые вещи смотрел по-другому, многое было пересмотрено и переосмыслено в отношениях людей, особенно близких ему по духу. Закончив стихи, он не был уверен, что смог хорошо сказать о человеке, памятью которого дорожил. Поэтому он писал Людмиле Ивановне: «В воскресенье 25 января я закончил стихи, посвященные памяти Мити. Я носил их два с лишним года. Ближе и искреннее, чем наша с Митей, трудно найти дружбы. Я никогда никого так не любил. Тем труднее писать. Для меня это больше, чем стихи... Почитайте их, Мила, внимательно»²¹⁴.

Жену Д. Б. Кедрина — Людмилу Ивановну Кайсын знал лично еще с начала 1945 года. Когда он находился в Москве и первое время жил в Мамонтовке, часто приезжал на электричке по Северной дороге в небольшое подмосковное село Черкизово. Было время, когда Кайсын даже жил в этой славной семье. Вот что писал Кайсын 9 апреля 1948 года в одном из писем к Л. И. Кедринной, вспоминая это время: «Те месяцы, которые я тогда провел с Вами, может быть, самые счастливые дни в моей жизни. Благодарю судьбу за то, что она подарила мне их тогда...»²¹⁵ Приходу Кайсына всегда радовались все: четырехлетний сын Олег, дочь Светлана, ученица 4-го гласса, и, конечно, Дмитрий Борисович и его супруга. Кедрин в шутку называл Кайсына «единственным абреком Подмосковья». И маленький Олег, увидев Кайсына первым, всегда радостно кричал: «Папа! Абек идет!»

— Я бывал счастлив с ними даже в самые несчастные для меня дни, — говорил Кулиев.

Узнав о трагической гибели Д. Кедрина, Кайсын написал письмо вдове, выражая соболезнование ей и детям, утешал ее, просил беречь себя ради детей и памяти поэта Дмитрия Кедрина. С тех пор они стали переписываться. Людмила Ивановна писала о своих переживаниях, о своем

²¹⁴ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 23—24.

²¹⁵ Там же, л. 26—27.

большом горе, советовалась с Кайсыном по поводу переизданий произведений Кедрина, писала о своих планах. Издание стихов Кедрина в ту пору занимало все ее помыслы. Так, 18 октября 1947 года Людмила Ивановна писала Кулиеву из Черкизово: «Вот минуло два года, как нет несорванного моего Мити. Я плачу до сих пор. Если мне хорошо, я думаю, как бы радовался со мной Митя, если мне плохо — я зову на помощь к себе Митю.

Кайсын, если богу было угодно совершить самое плохое из своих злодеяний — так это смерть Мити. Нет ничего, чтобы оправдать его. Не могу примириться, что нет Мити. Решила — каким угодно способом, но пусть узнают, какого большого поэта не стало, — надо печатать его стихи. Я умею ждать, я буду ждать поды, но за эти годы Митя не будет забыт, его стихи будут говорить его голосом. Буду очень рада получить от Вас весточку, родной Кайсын. Буду рада послать Вам книги Мити, думаю, что в этом году»²¹⁶.

Читая это письмо, Кулиев как-то особенно остро почувствовал одиночество вдовы и свое бессилие помочь ей. Утешало сознание, что она, сильная и волевая женщина, не отступится перед трудностями и сделает все возможное, чтобы поэт Кедрин не был забыт. В своей вере Кайсын не обманулся: в 1948 году, 17 декабря, поздравляя Кайсына с наступающим Новым годом и сообщая о судьбе его знакомых — А. Коваленкове (бывшем ответсекретаре секции Союза), Лие Степановне Ерусалимчик (ответсекретаре журнала), Галине Зубаревой (соседке Кедринной, мечтавшей стать актрисой), Людмила Ивановна писала: «Дорогой Кайсын! Получили ли Вы мое письмо, на которое я жду не дождусь ответа? Я писала Вам, что на 17 января намечен вечер памяти Дмитрия Кедрина в ССП, председательствовать будет Константин Симонов. Мне бы хотелось, чтобы Вы выслали ноты на те стихи, которые исполняла у Вас на вечере артистка. Какие стихи положены на музыку? Я решила на этом вечере прочесть многие лирические стихи, конечно не вошедшие в книгу...»²¹⁷ В октябре этого года во Фрунзе при содействии Кулиева и всей литературной общественности Киргизии был тоже проведен литературно-музыкальный вечер, посвященный Дмитрию Кедрину. Кай-

²¹⁶ ЦГА КБАСР, ф. 852. оп. 1, ед. хр. 46, л. 1.

²¹⁷ Там же.

сын сообщил об этом вдове: «Союз советских писателей Киргизии провел вечер памяти Мити. Посылаю газету с заметкой о вечере...»²¹⁸ На этом вечере Кайсын выступал с чтением стихов поэта, многие из которых он знал наизусть, такие, как «Погоня», «Красота», «Я», «Хочешь знать, что такое Россия», «Завет», «Дума о России».

Много видевший, много знавший,
Знавший ненависть и любовь,
Все имевший, все потерявший
И опять все нашедший вновь,—

вдохновенно читал кедринские строки Кайсын. Он тогда не знал, что еще одно горе вошло во вдовью судьбу, и эту черную весть он узнал из письма Людмилы Ивановны. Она писала о том, что утонул ее шестилетний сыночек Олег, с которым Кайсын так любил играть, бывая у них в сорок пятом, перед отъездом своим в Среднюю Азию. «С ним пережили мы много забавных минут,— вспоминал Кулиев. — Отец сильно любил его, единственного сына... Наблюдая за ним, я думал: «Вот будет умницей и талантливым человеком»²¹⁹. В 1948 году этого мальчика не стало, к одному горю прибавилась новая беда. «...Уже четвертый год пошел, как Мити нет,— писала вдова,— полгода минуло, как нет моего сыночка. Как грустно все, когда самое прекрасное связывается в цепь воспоминаний. Все — в прошлом...»²²⁰ Кулиев написал письмо Людмиле Ивановне и как мог старался утешить и успокоить ее. Письмо было направлено по адресу: УССР, г. Мелитополь, Красная Горка, Садовая станция, филиал № 1. Людмила Ивановна временно проживала здесь. Кайсын писал: «Дорогая, родная Мила! Какое великое горе обрушилось снова на Вас! Как к Вам беспощадна судьба. Ваше сообщение поразило меня. Ужасно. Ужасно! Чем утешить я могу Вас, бедная, милая, добрая Мила! Слова не имеют смысла в таком горе. Мне так близко и понятно Ваше горе! Меня судьба так жестоко лишила возможности повидать Вас, сказать Вам добрые слова друга»²²¹. Все письмо было проникнуто чувством печали и желанием приехать, чтобы «хоть в какой-либо степени разделить бы мне ваше горе»,— писал он 14 июня 1948 года. Через

²¹⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 21.

²¹⁹ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 174.

²²⁰ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 46, л. 1.

²²¹ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 19.

несколько дней он уходил в отпуск, о чем и сообщал Людмиле Ивановне, и просил его извинить, что он не может добиться разрешения, чтобы выехать к ней и утешить ее в горе. Через несколько месяцев Кайсын снова писал Кедриной: «Я не забыл о Вашем горе, оно и мое. Но я беспомощен, милая, таково решение неумолимой судьбы. Держитесь, Мила, старайтесь быть твердой. Это наша с Вами обязанность...»²²². В конце письма он пожаловался Людмиле Ивановне, как бы ища сочувствия и поддержки: «Кроме Вас и Пастернака, никто из Москвы мне не пишет, и пусть. Все решили забыть...»

Пройдут годы, и Кулиев, вспоминая все, что связано с именем Кедрина и его женой, скажет: «Людмила Ивановна заслужила наше уважение еще и тем, что приложила большие усилия, чтобы наследие Дмитрия Кедрина заняло заслуженное место, дошло до массы читателей. Не каждый поэт оставляет после себя такого преданного друга»²²³.

Свою жизнь со всеми ее радостями и печалью, стремлениями и разочарованием Кулиев немного приоткрывает в стихотворении «Симону Чиковани». В нем поэт обращается к воспоминаниям среднеазиатского периода жизни, и личное, исповедальное звучание дано через поэтический мир Симона Чиковани. Обратимся к началу стихотворения.

Я знал тоску. Мне снился мой Кавказ,
Чегемский водопад и влажный гул Дарьяла.
И годы шли мои, как медленный рассказ
О том, чего в пути недоставало.

Я раскрывал твой том от родины вдали,
Приобретала смысл иной земля чужая:
Как будто мы с тобой под облаками шли,
Нагорным снегом губы освежая.

Перевел М. Дудин

Работа в Союзе писателей республики спецкорреспондентом газеты «Советская Киргизия» не отвлекала поэта от его основных занятий — создания новых произведений. Разъезжая по городам и селам республики в качестве спецкорреспондента центральной газеты, Кулиев близко знакомился с жизнью и делами киргизского народа, писал очерки о людях труда, строителях и созидателях послевоенного периода — о пахарях, рабочих, пастухах, садоводах,

²²² Там же, л. 21.

²²³ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 175.

первых учителях. Кулиев был тесно связан личными и общественными отношениями с русскими литераторами С. Фиксиным, Н. Удаловым, Я. Земляком, Е. Орловской, В. Горячих, Б. Орловым, дружба с которыми продолжалась и в последующие годы. Так, в 1963 году Борис Орлов писал Кулиеву из г. Донецка, куда переехал из Фрунзе и где жил последние годы жизни: «...не мог ли бы ты поговорить с вашим книготоргом, чтобы он срочно заказал мою книгу...»²²⁴. Там есть стихи, посвященные тебе и Елене Дмитриевне²²⁵ (посвящения над разными стихами). В издательстве сборник получил хорошую оценку»²²⁶.

Через два года, узнав о смерти поэта, Кайсын, верный дружбе, не забудет вдову, обратится к ней с теплыми словами участия, и Р. П. Орлова ответит ему в самых искренних выражениях благодарности: «Письмо Ваше меня очень тронуло. Вот ведь правду говорят: «Старый друг лучше новых двух!» А Ваша дружба с Борисом была действительно искренняя и бескорыстная. Боря очень ценил ее и свято хранил память о днях, проведенных с Вами»²²⁷. Все письмо Раи было исполнено чувства благодарности за то участие, которое принял Кулиев в судьбе ее мужа и в ее вдовой жизни. «А сейчас мне только остается быть мудрой и мужественной, как пишете Вы. Но все-таки иногда мужества не хватает. Я все еще ничего не трогаю в кабинете Бори — ведь он так любил свою рабочую комнату. И мне все еще как-то не хочется верить в то, что он больше не вернется к нам с сыном...

Дорогой Кайсын! Буду очень благодарна за помощь в Москве в отношении книги Бори. Да, было бы замечательно издать книгу и в Киеве (по типу «избранных»), но я не знаю, как это сделать, посоветуйте мне»²²⁸.

Был еще один человек во Фрунзе, с которым был очень дружен Кулиев. Это поэт Александр Федорович Кравцов

---

²²⁴ Речь шла о книге Б. Орлова «Сердце, солнце мое» (М.: Сов. писатель, 1964), но сборник стихов вышел в 1963 году.

²²⁵ Елена Дмитриевна Орловская из Москвы, временно работала в Союзе писателей Киргизии. Это о ней писал К. Ш. Кулиев в книге «Так растет и дерево» (М., 1975. С. 453): «Особенно много помощи в моей фрунзенской жизни и литературной работе оказала Елена Дмитриевна Орловская, человек замечательной культуры, журналистка и переводчица, настоящая русская интеллигентка».

²²⁶ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 77, л. 33.

²²⁷ Там же, л. 34.

²²⁸ Там же.

(1915—1983), издавший около 26 поэтических сборников так и не узнавший прижизненной славы и признания читателей. Последние его годы жизни прошли в Хиве (Красношколабная наб., 18, кв. 225). Он хорошо знал Кайсына в пору его молодости, дорожил его вниманием никогда не обижался, если Кулиев говорил, что некоторые его стихи слабоваты, и указывал на недостатки. Знала Кайсына и жена Кравцова — Нинель Самоловна. В одном письме она сообщала: «Я тоже была знакома с Кайсыном он часто бывал у нас. А с Сашей они были просто не лучшими, часто ходили в горы, читали друг другу свои стихи, встречали восхитительный горный рассвет.

В ту пору Кайсын был неустроен, часто нуждался моральной, и в материальной поддержке. И в Кравцове нашел истинного друга, который делился с ним по-братски.

Каким я помню Кайсына? Молодым, красивым, все подтянутым, аккуратным, очень приятным в общении доброжелательным и добрым человеком. Помню, что очень любил Лермонтова, восторгался им, и редко как встреча проходила без того, чтобы Кайсын не читал лермонтовские стихи. Очень многое знал наизусть, очень хорошо читал, проникновенно, эмоционально, с легким кавказским акцентом, и мне казалось тогда, что он сам похож на Лермонтова...»²²⁹

Таким остался в ее памяти Кулиев — искренним и особенно интересным собеседником, добрым и отзывчивым человеком. «Очень горько, когда уходят из жизни такие люди, как Кайсын,— писала автору этой книги Нинель Самоловна.— Он был человек счастливой судьбы. Был признан при жизни и, вы верно выразились, остался гигантом в памяти людей. Это счастье, которое дано немногим»²³⁰.

Поэт А. Ф. Кравцов посвятил Кайсыну два стихотворения — «У гор Тянь-Шаня» (1974) и «Ответ на стихотворение» (1977). Цитируем второе.

Я прочитал твои стихи о Жанне,
О милой, нежной девочке твоей,
И вспомнил дом в далеком Киргизстане
И плеск арыка с плеском тополей.

Там детство шло тебе на радость,
Но беспокойства жгла тебя слеза.

²²⁹ Личный архив автора.

²³⁰ Там же.

Чем старше мы, и тем сильнее в нас жалость,
И тем слышней нам детства голоса.

Состарились ли те деревья юга,
Бежит ли тот арык среди корней,
Забыл ли друг уже бывшего друга,
Сердца не могут позабыть детей.

Кавказских гор сверкающие грани
В чеgemский полдень льют свои огни,
Пусть светят ей всегда — веселой Жанне,
Ей свой поклон с моим соедини.

Эти стихи написаны ровно через 30 лет. А память вновь и вновь возвращала Александра Федоровича к тому времени, когда дочери Кайсына — Жанне было четыре годика, а ее папе не было еще и тридцати.

Кулиев помнил А. Ф. Кравцова как душевного человека, с которым он не раз коротал время, когда усталым приходил к нему домой, убежденный в человеческом бескорыстии и сердечной теплоте этой дружной семьи. Может, поэтому Кулиев написал на своей книге и отослал на память другу в Харьков: «Александр Кравцову. Ты был очень мил ко мне в самые трудные годы. Спасибо, милый! С неизменной дружбой и любовью Кайсын Кулиев»²³¹. Эта книга «Стихи и поэмы» (М.: Советский писатель, 1964) и поныне хранится в домашнем архиве этой славной семьи как самая дорогая реликвия и память о замечательном поэте Кайсыне Кулиеве, которого знал и с которым дружил во Фрунзе Александр Федорович Кравцов.

По-доброму, с большим участием к кайсыновской послефронтовой судьбе отнесся и ответственный секретарь ССП Киргизии Я. Шиваза. Он знал, что Кулиев состоял в членах Союза советских писателей СССР с 1938 года, вступил на фронте в ряды КПСС, что в дни Отечественной войны за свои боевые подвиги был награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалями, был несколько раз ранен, будучи с самых первых дней войны в первых рядах сражающегося народа. Хорошо понимал Шиваза и другое — Кайсыну нужна была моральная поддержка, сочувствие, когда он в числе других писателей-переселенцев был исключен по указанию свыше в 1949 го-

---

²³¹ Стихи и автограф на книге высланы женой Кравцова — Нинель Самоловной автору этого очерка.

ду из членов Союза писателей. Шиваза понимал, что с Кайсыном поступили несправедливо и старался облегчить жизнь поэта как мог: и добрым словом и делом. Кайсыну нравилась принципиальность Шивазы, и он дружил с ним. В письме к Людмиле Ивановне Кедриной от 19 октября 1946 года он сообщал: «Что о себе писать? Работаю в Союзе писателей вместе с Я. Шиваза (он секретарь). Мы в очень большой дружбе с ним. Я передал ему ваш привет».

В 1953 году правление Союза советских писателей Киргизской республики будет хлопотать перед ССП СССР о восстановлении Кайсына Кулиева членом Союза советских писателей и Я. Шиваза отправит ходатайство на имя поэта Суркова, зам. генерального секретаря Союза советских писателей СССР, в котором, перечисляя заслуги поэта перед Родиной и народом, писал: «Правление ССП Киргизии считает тов. Кулиева полезным для нашей литературы и просит Вашего мнения о возможности восстановления его в ССП Киргизии»²³².

Вот полностью этот документ:

Союз советских писателей
Киргизии

ПРАВЛЕНИЕ

г. Фрунзе, Дом печати

Телефон 8-53

№ 63

«27» апреля 1953 г.

Заместителю генерального секретаря Союза советских писателей СССР

тов. Суркову

В 1945 году после демобилизации из армии прибыл к нам в Киргизию балкарский поэт Кайсын Кулиев, который был зачислен в число спецпереселенцев—балкарцев, чечен, ингушей и других народностей.

²³² ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 5.

Кайсын Кулиев состоял в членах ССП Союза ССР с 1938 года, член КПСС. В дни Отечественной войны он был награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды и медалями.

Правление ССП Киргизии в 1949 году исключило Кайсына Кулиева из ССП, вместе с другими писателями-переселенцами.

Несмотря на это, Кулиев всегда работал в ССП Киргизии, упорно изучал киргизский язык, много переводил произведений киргизских писателей на русский язык (как подстрочный, так и художественный).

В настоящее время Кайсын Кулиев в совершенстве владеет киргизским языком и выполняет большую полезную работу по переводам произведений киргизской литературы.

Тов. Кулиев подал заявление в правление ССП Киргизии о принятии или восстановлении его в члены Союза советских писателей.

Правление ССП Киргизии считает тов. Кулиева полезным для нашей литературы и просит Вашего мнения о возможности принятия или восстановления его в ССП Киргизии.

Председатель ССП Киргизии — (А. Салиев)

Ответ секретарь ССП — (Я. Шиваза)

Копия верна: — роспись ²³³

23 мая 1953 г.

Как видно, дружба и верность ее принципам для Кулиева не измерялась ни числом встреч на жизненном и творческом пути, ни общностью литературных интересов (хотя это очень важно!), ни какими другими духовными и материальными благами и меркантильными соображениями. Кайсын во имя высшего, гуманного всегда оставался опорой для всех, кто нуждался в его помощи и поддержке. Этим, пожалуй, и можно только объяснить то, что он приютил у себя своего земляка Магомеда Кучукова с женой, и они некоторое время жили в одной комнатке, и Кайсын, чтобы не стеснять их, часто ночевал то у одного, то у другого друга. Изредка наведываясь домой, шутил: «У меня много домов-теремов. Я счастливый человек». Или взять его поездки в одном только сорок седьмом году ко многим

²³³ Архив отдела творческих кадров ССП СССР.

родичам и знакомым, разбросанным в разных областях Северного Казахстана и Киргизии²³⁴, многочисленные хлопоты по различным поводам малознакомых балкарцев, которые были уверены, что Кайсын все сможет сделать для них! Такое же мнение оставалось в народе и в середине восьмидесятых...

Двоюродная сестра Кайсына Шамкыз Якубовна Бечелова просила в письме приехать к ним в Северный Казахстан, чтобы повидаться и посоветоваться. К этому времени она была замужем за Тохаевым и носила фамилию мужа. Жили они в Джамбулской области, в селе Мерке. Тогда и поехал Кайсын в 1947 году. Днем раньше сюда приехал, чтобы повидать свою родную сестру Шамкыз, и друга детства Кайсына — Клычби Якубович Бечелов из Ташкентской области, села Янги-Юль. Друзья детства и юности неожиданно встретились. Тридцатилетние мужчины, прошедшие войну, крепко обнялись и на глазах у них появились слезы. После первых объятий, восклицаний, расспросов они разговорились. Клычби Якубович смотрел на Кайсына, и он показался ему совсем другим человеком, сохранив, однако же, ту же заразительную веселость и общительность. Он думал, что война и переживания на войне, конечно, изменили внутренний и даже внешний облик его друга Кайсына. И за плечами Клычби тоже стоял немалый жизненный опыт: до войны он работал бухгалтером, учился в Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе (ВКСШ), после окончания которой работал инструктором райкома партии в районном центре Нижний Чегем, воевал на разных фронтах, но Кайсын ему казался старше своих лет...

«Поразила меня,— вспоминал Клычби Якубович,— какая-то в нем смелость и резкость суждений, внутренняя

---

²³⁴ При сложившейся сталинской диктатуре были окончательно нарушены принципы социальной справедливости: спецпереселенцам нельзя было без специального разрешения НКВД переезжать на другое место жительства или уходить за пределы зоны. Каждый месяц в назначенный час люди должны были являться в комендатуру для подписки о невыезде. За нарушение этого дикого принуждения давали двадцать пять лет каторжных работ. Кайсын Кулиев не был освобожден от этого национального унижения. Он тоже ходил отмечаться, надев форму офицера победоносной Красной Армии в блеске орденов и медалей. Но он имел право разъезжать по территории Средней Азии, так как имел удостоверение корреспондента газеты «Советская Киргизия».

сила духа, ясный ум». На настойчивый вопрос Клычби: «Что же такое произошло с тобой?» — Кайсын ответил немного позже стихотворением «Откровенный разговор»:

...говорят,
Что с виду старше я кажусь namного...
Пробилась юность через сто преград,
Под пулями прошла ее дорога.

Мы знали, что беречь себя нельзя,
Не укрывались за чужие спины...
В окопах промерзали мы, грызя
Сухарь, окаменевший вполовину.

Перевел Д. Голубков

Сестра Шамкыз, ее муж, ее брат Клычби и все их родственники от души радовались приезду Кайсына. Они расспрашивали его о родных и близких, которых Кайсыну удалось повидать в Киргизии и Казахстане, о судьбе его двоюродных братьев, тоже, как и он, воевавших, — Мутае, Ахмате, Османе, Якубе из рода Кулиевых селения Кёк Таш. Они узнали, что Осман Жюнюсович пропал без вести, Ахмат погиб в первые дни войны, Мутай Жюнюсович ²³⁵ и Идрис должны быть здесь, в ссылке. Ответив почти на все вопросы, Кайсын с грустью в голосе рассказал Клычби о своих двоюродных братьях, геройски погибших на фронте, — о Чюпе Докуевиче Кулиеве, ровеснике Кайсына, о троих братьях Бечеловых — Асхате, Абате и Мухажире, о Шакмане Ахматове. «Особенно жалко старика Ислама. Он один брат у моей матери. Гибель троих сыновей совсем убила его, — с горечью сказал Кайсын. — Хорошо, что двое других сыновей — Ураза и Амрука, хоть и искалеченные, вернулись с войны. Старик Ислам живет с ними, очень тоскует по Актопраку. Я привез ему горсть земли с Чегема, где он когда-то учил нас ездить на лошадях без седла» ²³⁶. Клычби молча слушал Кайсына, а потом в раздумье сказал: «Они погибли во цвете лет, наши почти ровесники, как и тысячи других на войне. А родные их здесь, и живется им трудно. Гибель твоих братьев —

---

²³⁵ Мутай Жюнюсович Кулиев на много лет переживет Кайсына. В начале девяностых годов он будет жить в Яникое, куда не раз приезжал к нему Кайсын Кулиев. Один раз был с ним и Лев Ошанин.

²³⁶ Личный архив авторов.

это общая наша непоправимая беда и потеря. Они и мне не чужие».

При этой встрече Кайсын рассказал своему другу о всех их общих знакомых, кто был на войне и с кем произошло несчастье. Скорбел о земляках, замученных фашистами, когда они оккупировали Кабардино-Балкарию. Пал от рук гитлеровских убийц партизан Магомед Узденов, работавший тогда председателем колхоза в селении Нижний Чегем. Он доводился Марзият родным братом. Когда немцы вталкивали Магомеда в грузовик, он успел крикнуть: «Передайте Кайсыну на фронт, что делают с нами захватчики. Пусть он отомстит!» Эту фразу слышала мать Узеирхан, стоявшая рядом с машиной. Она умоляла всех пощадить ее сына, цепляясь за полы коричнево-темных шинелей... Магомеда Узденова вместе с другими его земляками расстреляли и закопали, некоторых еще живыми, в землю под Нальчиком. Такая же участь постигла сестер-комсомолок Беппаевых — Фатимат и Фаризат. Об этих зверствах рассказал в статье «Коричневый дурман» писатель А. Н. Толстой. Он писал: «Я верю, что еще немало людей, живущих вдали от войны, с трудом и даже с недоверием представляют себе противотанковые рвы, где под насыпанной землей — на полметра в глубину, на сто метров протяжением — лежат почтенные граждане, старухи, профессора, красноармейцы вместе с костылями, школьники, молодые девушки, женщины, прижимающие истлевшими руками младенцев, у которых медицинская экспертиза обнаружила во рту землю, так как они были закопаны живыми»²³⁷. Измученного пытками, еле живого поэта Азрета Будаева бросят в одно из глубоководных Голубых озер. Обо всем этом и о многих других трагических фактах и событиях Кайсын узнал из рассказов матери и земляков, когда он приехал в Среднюю Азию, добровольно отправляясь в ссылку, ведь он имел право выбора жить, где пожелает, за исключением Москвы и Ленинграда. Свою скорбь о невозвратимых утратах Кулиев выразил в стихотворении «В глаза мои смотри...» (1944):

Увидишь в них
Тоску друзей, погибших в день осенний.
В глаза мои смотри —
В них горе нив,

---

²³⁷ Толстой А. Н. Коричневый дурман // Правда. 1943. 5 августа.

Впитавших кровь пожаров и сражений.
Смотри в мои глаза,
Увидишь в них,
Как солнце, отраженное в росинке,
Испытанное мужество живых,
Смерть побеждавших в страшном поединке.

Перевел Д. Голубков

О том, что нет в живых замечательного поэта Салиха Хочуева, Кайсын узнал, еще будучи на фронте. Эта безвременная смерть друга поразила Кулиева. Он был прекрасным товарищем и охотно помогал всем начинающим литераторам.

Кайсын в тот памятный для Клычби вечер говорил много, строил планы на будущее, особенно его волновала судьба родной сестры Мариам Шуваевны, муж которой Абдул Жетишев долго не возвращался с фронта. Но та упорно ждала и не верила никаким слухам и даже похоронке. Мариам надеялась, что никакие плохие вести не лишат ее надежды.

Я не верю словам извещений,
Ты вернешься, вернешься назад!
Не согнутся такие колени,
Не померкнут такие глаза!

Перевел Д. Голубков

Эти чувства и эту уверенность Кулиев выразил в стихотворении «Песня девушки» цикла стихов «О тех, что не вернутся» (1942—1944).

О многом переговорили в тот вечер друзья детства, солдаты-фронтовики. Было что вспомнить обоим. Конечно, не забыли и Шакмана Жарашуева, с которым Клычби вместе учился в Пятигорске в школе-интернате, а потом на хуторе Моллаевском, когда интернат расформировали. О судьбе одноклассников — Ибрагиме, Мусе, Исмаиле Малкаровых, Нафисат Беппаевой, Кёкёз Узденовой и Натифе Кулиевой — рассказывал уже Клычби. Он понимал, что Кайсын интересовался не из простого любопытства судьбой своих ровесников; Клычби видел, что Кайсына волновала их жизненная дорога, их горести, печали и радости, потому что поэт считал своим долгом перед народом помогать всем, кто нуждался в чем-либо. В ту поездку Кулиев встречался со многими стариками-горцами — Исламом, Биязуркой, Докой, беседовал с ними, слушал их рассказы,

записывал их мысли. Тогда, очевидно, у поэта и зародился замысел поэмы «Завещание», одного из самых патриотических произведений среднеазиатского периода.

Не было никогда у Кайсына Кулиева спокойной, размеренной жизни, уюта и семейного тепла, а были постоянные тревоги и бесконечные поездки по нескончаемым просьбам то одних, то других людей. Он помогал всем, кто нуждался в нем. Это было не только выражением его мировоззренческих позиций, нравственных принципов, но и потребностью души. И Кайсын твердо и неуклонно шел по пути добра, справедливости и гуманизма, предначертанному еще Кязимом Мечиевым. Обдумывая свою жизнь в то первое послевоенное десятилетие, Кулиев писал: «Некоторые критики во мне видят мудрого человека и литератора. Они ошибаются. Единственной моей мудростью было то, что я продолжал упорно учиться писать, несмотря ни на какие трудности»²³⁸. О том, как Кулиев понимал свое назначение в жизни тех лет, достаточно наглядно свидетельствуют строки из «Стихов, написанных в день рождения» (1947):

Я, люди, рожден на этой земле
Для того, чтобы вас любить.

. . . . .
Ваша радость — радость моя,
И ваше горе — горе мое,
Оно согнуть не в силах меня:
Ваша стойкость в крови моей.

Перевел Н. Гребнев

Сам поэт говорил, что эти «Стихи...» являются лучшими из написанных в сорок седьмом. «В них я как бы выразил весь круг своих переживаний тех лет», — писал он.

Ощущение жизни народа — «Я все испытал... в радостный час и в горестный час я с вами бок о бок шел», с его призывом служить Родине — «Я создан, чтобы тебе служить», утверждением преемственности эстафеты поколений и идеалов гармонии человеческих отношений — все передалось в этих «Стихах...». В них поэт как бы подводит черту под всем пережитым и виденным:

Я жил вместе с вами, и тридцать лет
Пронеслось над моей головой.
Тридцать лет, тридцать бед,
Тридцать радостей, тридцать побед...

Перевел Н. Гребнев

---

²³⁸ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 454.

Обращаясь к Родине, мужчинам и женщинам своей страны, поэт-гражданин гордится своей принадлежностью к многонациональной семье. Чувство общенациональной гордости, национальное чувство—это большие и богатые по своему нравственному содержанию чувства. Воспевая эти чувства, отражая в художественном слове идеи подлинного гуманизма, Кулиев обращался прежде всего к земле отцов и дедов. «Кулиев был таким, каким его задумал балкарский народ,— заметил Левон Мкртчян.— Народные представления о добрых людях всюду на земле одни и те же. Только, может быть, суровая природа Балкарии, нелегкая жизнь в горах требовала от людей большего мужества и большей готовности помогать друг другу»²³⁹. О такой готовности помогать людям и пишет Кулиев в этом стихотворении:

Земля, где ночи сменяют дни,
Где трудимся мы, где боремся мы,
Я создан, чтобы тебя любить.
Я создан, чтобы тебе служить.

Перевел Н. Гребнев

Обращаясь к бывшим воинам-фронтовикам, поэт говорил о том, что он испытал вместе с теми, кто защищал Родину в годы войны:

Одним я дымом с вами дышал,
В одних окопах с вами лежал.
Одна зола согревала нас,
Одна земля укрывала нас.

И пули с одним и тем же кленмом
Входили в наши тела,
И тогда замирали у нас на губах
Одни и те же слова.

Перевел Н. Гребнев

В «Стихах, написанных в день рождения» он поведал не только о своем жизнелюбии, но и о том, что в жизни его родного народа было много бед — сталинские репрессии, война, насильственное выселение из Балкарии, смерть близких на чужбине...

---

²³⁹ Мкртчян Л. Я воин и плугарь земли армянской... // Голос Армении. 1992. 29 декабря.

Возвращаясь памятью к суровым военным и послевоенным годам, Кулиев снова переживал то, что глубоко вошло в его сердце. Поэтому стихи отражают и горечь и боль от сознания невозвратимости ушедшего в прошлое. Воспоминание — одно из средств поэтического осмысления реальности, поэтому «Стихи, написанные в день рождения» проникнуты атмосферой воспоминаний о друзьях и об их мужестве, которым гордится поэт: «Вы мне говорили «друг!», и руки мои были теплы от пожатия ваших рук». Помнит поэт и тех женщин, которые были для него в трудные дни опорой и утешением:

...я, усталый от бурь и невзгод,
Засыпал на вашей груди,
И улеглась в русло река —
Смятенье моей души.

Перевел Н. Гребнев

Кулиев подводил в этих стихах итоги прожитых лет, и прошедшее представлялось ему лучшим временем жизни, когда он был юным и жил у себя в родной Балкарии, там, где «...трава зелена, где ароматны цветы, земля, где хрустит под ногами снег, где песок под ногами хрустит, земля, где быстрые реки текут и созревают хлеба...»²⁴⁰.

Среди воспоминаний о родном крае особое место занимает размышление о поэзии: чем была она для него. «Поэзия, ты для меня была единственною святой. Тобою гордился, тобою жил...» — так утверждал поэт в это время, и это размышление внутренне мотивировано силой и остротой его чувства: «Тобою гордился, тобою жил, но не молился тебе, а служил». Размышления о поэзии и о себе, похожие на исповедь, говорят о сильном чувстве любви к избранному пути, который порою бывает тернист и драматичен. Поэт к тому времени многое узнал и пережил. Был на войне и видел смерть боевых товарищей, женскую измену и неверность былой дружбе, социальную несправедливость и чудовищный произвол над теми, кто был выслан на чужбину, и не раз слышал кощунственные слова: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Они звучали из громкоговорителей, по радио над истерзанной и залитой кровью страной ГУЛАГсм. Расска-

---

²⁴⁰ Кулиев К. Ш. Избр. произв.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. I. С. 140.

зять языком поэзии о трагическом было нельзя. Однако все явственно ощутимо, когда поэт писал:

Я все испытал. Все испытать —
Долг живущего на земле,
Которую то сжигает пожар,
То ласкает солнечный свет,
То моют ласковые дожди,
То омывает кровь.

В послевоенных стихах поэтический взгляд иной, так как реальность была другой, поэтому чистое утро («Здравствуй, утро!») детских и юношеских лет в милом Чегеме ушло из поэтических мечтаний.

В это время Кулиев постоянно размышлял над тем типом человеческой личности, которая способна к глубокому осознанию своего назначения на земле: творить добро и уметь сострадать чужому горю. На протяжении всего своего творчества он стремился художественным словом запечатлеть определенную личность эпохи, ее историческую и созидательную роль. Особенно в этот период поэта тревожит память о войне. В стихотворении «Трава растет» (1947) с новой силой вспыхнули острые воспоминания о тех, с которыми был Кулиев в 1941—1944 годах. И поэт снова ощущал прежнюю боль, когда на его глазах погибали такие же, как он, двадцатилетние. О них, бывших однополчанах, о забытом и полузабытом писал поэт:

Заря разрастается... Вижу — живу...
А были когда-то орудья, окопы,
И пули валили пехоту в траву...
Погибшие! Путь ваш солдатский окончен,
Но жизнь продолжает свой путь, свой подъем,
И снова трава поднялась у обочин,
И вымя коровье полно молоком.

Перевел Д. Голубков

За них, выполнявших святую историческую миссию — защиты свободы, прогресса и самой жизни, и за тех, кто продолжает их принципы, поднимал поэт свой стих, как праздничный бокал с вином:

Ушедшие, нет вас... Бреду я по маю
И вас вспоминаю, и песней зову.
И стих, как вино, я за тех поднимаю,
Кто после меня увидит траву.

Размышляя о прошедших годах войны, о настоящем, Кулиев часто обращался к недалекому прошлому своего народа, к годам детства. Тогда он вспоминал картины родной природы, так впервые поразившие и которые всегда жили в его памяти и составляли его гордость («Когда мальчишкой...», «Я слагаю песню о тебе...», «Слава»). В одном предложении: «Умру, но позабыть я не смогу родные горы в розовом снегу» — выражены не только идейные устремления и основные помыслы, но и правдивые, глубокие чувства его земляков-балкарцев, тосковавших по родному краю. Те же настроения и чувства в стихотворении «Я слагаю песню о тебе...» (1947), исполненном высоких патриотических побуждений. В глубинах памяти поэта осталась созревшая кисть горной рябины, когда она «упала на тропу, узкую, засыпанную снегом, алым пятнышком...». И вот какие ассоциации и сравнения она вызвала:

Ты — земли моей родимой кровь,
Кровь из сердца деда и отца,
Молодой окрасившая снег
У реки Адай.

Перевел А. Старостин

В начале сорок восьмого года Кулиев много времени посвятил работе над поэмами «Завещание», «Огонь», «Серп» и «Стихам, сказанным в честь Киргизстана», которые посвятил Аалы Токомбаеву. Работал он много и находил в ней радость откровения. Так, в письме Юрию Николаевичу Либединскому от 13 января 1948 года он писал: «Писать я продолжаю независимо ни от чего. Это для меня также необходимо, как дыхание»²⁴¹.

Главные высоты кулиевской поэзии этого времени снова связаны с мечтами о родном крае и промелькнувшем детстве — светлой поре его жизни. Стихотворения «Смородина», «Песня о детстве», «Говорю это матери вечером» овеяны грустью и ностальгией. «И гляжу я вслед с тоской моему орленку, и машу ему рукой, и кричу вдогонку:

Детство, детство! Отзовись,
Признавайся, где ты?

Перевел Е. Елисеев

²⁴¹ ЦГАЛИ СССР, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 832.

То же самое в стихотворении «Говорю матери вечером» — об улетевших временах, о мире, «который не повторится»:

Погружаюсь в сумрак годов —
Там сыновней песни начало,
Первый взмах крыла, первый зов,
Песня там впервой прозвучала.

Перевел Д. Голубков

Определенный комплекс таких чувств и мыслей, связанных с темой «малая родина» и служением ей, высказан Кулиевым в письме к Илье Львовичу Сельвинскому, отправленном в Москву 15 января 1948 года, в СП СССР. Кайсын знал его с 1940 года, и познакомил их Давид Бродский. Кулиев ждал от Сельвинского не только дружеского участия, а нечто большего. «В моей стороне (я родился под Эльбрусом, чем гордился всегда) очень любили поэтическое, песенное слово и любили радостно благодарить поэтов за вдохновенное слово. Вот почему я пишу Вам...»²⁴² — излагал свои мысли Кулиев. Ему хотелось сообщить своему собрату по перу о «радостном желании высказаться о дорогом и очень светлом». «Я ничего у Вас не прошу, — писал он, — а потому можно не сомневаться в неподдельности моих слов»²⁴³. Сельвинский ответил ему. 1 февраля этого же года он отправил письмо в Союз писателей Киргизии. Он понял, что Кайсыну хочется простого человеческого общения по вопросам, которые его волнуют. В частности, Сельвинскому очень понравились мысли и взгляды Кулиева на задачи и назначение поэзии. Соглашаясь с ним, Сельвинский писал: «Вы сами поэт и прекрасно понимаете, как важно поэту знать, что голос его не просто шум ветра, а сама душа, которая ищет родственную душу. Если бы я не знал, что Вы поэт, я понял бы это по той страсти, с какой написано Ваше письмо»²⁴⁴. Он знал стихи Кулиева: в годы войны они печатались в одних и тех же газетах «Красная звезда», «Сын Отечества» и других, когда работали военными корреспондентами. Так, в 1942 году в одном и том же номере «Красной звезды» были опубликованы стихи Кулиева «Земля моя» и очерк

²⁴² ЦГАЛИ СССР, ф. 1160, оп. 1, ед. хр. 292.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 61, л. 1.

Сельвинского о девушке из Крыма. Еще тогда, вероятно, Сельвинский почувствовал в нем большого поэта, уверенного в своих силах. Прочитав письмо и стихи Кулиева с подстрочниками, присланными ему, он понял «пламенность его натуры». Поэтому Илья Львович написал: «...здесь ощущаешь пламенность Вашей натуры, которая заставляет верить себе и в себя. А это самое главное в творчестве»²⁴⁵. Пожалуй, эту уверенность в себе и в силу своего слова легче увидеть в стихотворении «Жизнь» (1948), в котором поэт смело заявлял:

Песня моя родилась под крылом орла,
С криком орлиным слилась она в гимн быгню.
Вслед за орлом в поднебесье она поплыла,
Жизнь! Как люблю я орлиную силу твою!

Перевел Е. Елисеев

Кулиев всегда верил в лучшие качества людей, в их поддержку и ценил, по его словам, эти качества в человеческом общении. Их он и воспевал в своих стихах. «Для меня безгранично дороги три качества в человеке,— писал он Ю. Н. Либединскому 16 января 1948 года,— мужество, благородство и доброта. Я в них влюблен всей душой. И в стихах моих говорится, вероятно, больше всего о них, насколько талантливо это, конечно, вопрос другой»²⁴⁶. Может, поэтому он и писал Либединскому письма, уверенный в том, что получит ответ. Для него тогда простая открытка, малейшее внимание доставляли счастье. С какой радостью Қайсын сообщал тогда Вениамину Цезаревичу в апреле сорок восьмого: «Мне прислал письмо Илья Сельвинский. Как я был благодарен ему за это! Юрий Либединский тоже прислал мне свою новую книгу с очень милым автографом, а некоторые товарищи боятся даже писать»²⁴⁷.

С Юрием Николаевичем Либединским Қайсын был знаком еще до войны, когда он в 1933 году приехал в Кабардино-Балкарию, интересовался деятельностью Бетала Калмыкова, сопровождал его в поездках по республике, побывал и на родине известного балкарского поэта Кязима Мечиева. Был тогда вместе с ним и Қайсын. То, что тогда

²⁴⁵ ЦГАЛИ СССР, ф. 1160, оп. 1, ед. хр. 292.

²⁴⁶ ЦГАЛИ СССР, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 832, л. 2.

²⁴⁷ ЦГАЛИ СССР, ф. 2585, оп. 1, ед. хр. 98, л. 4.

увидел Ю. Н. Либединский в этой небольшой горной республике, удивило его.

В письме от 13 января 1948 года Кулиев поздравлял Либединского с выходом романа «Горы и люди», с тем, какой резонанс он имел среди читателей. «Дорогой наш Юрий Николаевич! От своего имени и от имени Керима поздравляю Вас с успехом. Мы читали хорошую статью в «Литературной газете» о вашем новом романе. Очень и очень рады за Вас»²⁴⁸. Далее в письме Кайсын сообщал о себе и о Кериме Отарове, как они живут, где работают. В конце письма он просил: «У нас есть большая просьба к Вам, Юрий Николаевич. Вашей книги пока еще здесь нет, а привезут, все равно до нас не дойдет. Пришлите, если не трудно, мне и Кериму два экземпляра. Будем очень благодарны. Пишите нам о себе. Желаю долгих лет жизни и радости вдохновения. Крепко Вас обнимаю. Ваш Кайсын Кулиев»²⁴⁹. Либединский откликнулся на просьбу поэта. И вскоре получил восторженный ответ: «Дорогой Юрий Николаевич! Я получил Вашу дорогую для меня открытку и Вашу прекрасную поэтическую книгу с очень милым и лестным автографом. Спасибо, большое спасибо Вам, добрый человек...»²⁵⁰

Другим человеком, кто морально поддерживал Кайсына Кулиева в это же самое время, был Борис Пастернак (1890—1960), человек, обладавший исключительной способностью верно и глубоко оценивать людей, их дарования. Долгие годы Кулиева и Пастернака связывала настоящая дружба, которая была проверена и годами лихой беды. Она приоткрывает малоизвестные факты, имеющие большое значение для обоих художников.

Знали они друг друга с 1939 года, когда Кулиев учился на первом курсе актерского факультета театрального института им. А. В. Луначарского в Москве. Кайсыну было девятнадцать лет, а Борису Леонидовичу — пятьдесят. Горского паренька, имевшего только одну напечатанную книжку «Здравствуй, утро!», и прославленного поэта познакомила Мария Сергеевна Петровых, будущая переводчица стихов Кулиева на русский язык. Об этой первой встрече Кулиева с Пастернаком рассказала М. С. Петровых много

---

²⁴⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 832.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Там же, л. 2.

лет спустя Евгению Борисовичу, сыну Пастернака, и Елене Владимировне, его жене.

Поэзия Бориса Пастернака не только нравилась К. Кулиеву, она стала для него своеобразным ориентиром, подходом к выбору слов. «Пастернак научил нас умению говорить одновременно о самом простом, элементарном, и о самом высоком», — утверждал балкарский поэт, как бы обобщая характеристику целого поэтического поколения 60-х годов.

Дружба их началась с ноября 1942 года, когда в честь Кайсына, поэта-фронтовика, вызванного в Москву Главным политическим управлением Красной Армии и А. Фадеевым, был организован творческий вечер, на котором присутствовал и Б. Пастернак. Стихи Кайсына читали известные мастера перевода — М. Петровых, В. Звягинцева, Д. Кедрин и М. Зенкевич. Тогда-то, вероятно, Пастернак обратил внимание на дарование Кулиева и заинтересовался его творчеством.

Через пять лет, когда Кулиев находился во Фрунзе, последовав за своим репрессированным народом в Среднюю Азию, Пастернак не забыл молодого поэта, очень нуждавшегося в поддержке и сочувствии. Кайсын был исключен из Союза писателей СССР, не имел работы на первых порах, постоянной прописки и не имел права печататься. Пастернак все это знал и с полной откровенностью делился с ним своими мыслями, нуждаясь в общении с Кулиевым не меньше, чем молодой поэт с ним. Русский поэт безошибочно оценил личность талантливого балкарца. В письме от 10 мая 1947 года к Е. Орловской, журналистке, сотруднице Кулиева по Союзу писателей в Киргизии, Пастернак писал: «Я очень хорошо помню Кулиева и рад Вашему сообщению о нем. Он, конечно, из той породы, когда человек приходит с определенностью и значительностью явлений»²⁵¹. Будучи осведомленным о дружеских взаимоотношениях поэта и Е. Орловской, зная о бытовых трудностях Кулиева, в то время не имевшего постоянной квартиры, возможно, и по другим причинам — Кайсын был спецпереселенцем, Пастернак адресовался к Орловской.

В своих письмах Пастернак интересовался судьбой Кайсына, поздравляя его почти с каждым праздником, по-

²⁵¹ Архив семьи Б. Л. Пастернака и Е. Б. Пастернака: Письма. 7. ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 1—15.

²⁵² Вопросы литературы. 1967. № 7.

нимал душевное состояние и положение поэта, когда, по словам Н. Джусойты, «вернувшись с войны, Кулиев нашел Балкарию опустевшей и по доброй воле последовал в изгнание за своим народом в киргизские степи, в вынужденное двенадцатилетнее молчание»²⁵².

Письма Пастернака и Кулиева — приметы самого времени, сложных путей творческой мысли в условиях культуры личности, общественных противоречий послевоенных лет. В письме от 10 января 1948 года Пастернак с тревогой сообщает: «Дорогая Елена Дмитриевна! Так как стали иногда пропадать письма ко мне (как, например, Ваше совместное с Кайсыном Кулиевым, о котором Вы упоминали) и мои письма к другим, я не уверен, получили ли Вы мое большое заказное письмо на четырех страницах, посланное Вам в ответ на Ваше». Заканчивая письмо, он поздравлял далеких друзей с праздником: «С Новым Годом Вас и Кулиева и от души всего лучшего Вам обоим. В том письме я обещал Вам прислать «Избранное» в новом подборе. Случай, кажется, скоро представится. Ваш Б. Пастернак»²⁵³. Ни Кулиев, ни Орловокая этого «Избранного» не получают. Беда обрушилась и на Пастернака: в течение последних пятнадцати лет он, как и Кулиев, почти не печатался. Даже тогда, когда Л. Горнунг написал 6 мая 1959 года в дневнике: «Сегодня я узнал, что директору Гослитиздата Владыкину разрешили печатать произведения Пастернака...», его не печатали. Сборник стихов Пастернака выйдет только после его смерти — в 1962 году.

50-е годы для Пастернака, как и для Кулиева, были тяжелым временем. Для Бориса Леонидовича наступили дни травли, которая развернулась особенно после присуждения ему Нобелевской премии. Его исключили из Союза писателей СССР, в печати поливали его грязью, и верноподданные ЦК партии даже требовали, чтобы его выдворили из Союза. Когда отчаяние достигло предела, Пастернак написал стихотворение «Нобелевская премия».

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.

²⁵³ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706. оп. 1, ед. хр. 252, л. 1—15.

Все тесней кольцо облавы,
И другому я виной:
Нет руки со мною правой,
Друга сердца нет со мной!
А с такой петлей у горла
Я б хотел еще пока,
Чтобы слезы мне утерла
Правая моя рука.

Западные радиостанции передали это стихотворение, и весь мир узнал правду о «добровольном» покаянии Пастернака, почему он отказался от Нобелевской премии²⁵⁴. От несправедливых нападок поэт очень страдал, пробовал защищаться и по-своему бороться за правду: писал письма Н. С. Хрущеву. Первое его письмо появилось 2 ноября 1958 года в «Правде»; когда поэту грозили высылкой из страны. Второе письмо было опубликовано тоже в «Правде» через четыре дня спустя. Пастернак вынужден был в нем повторить: «Уйти в изгнание на чужбину для меня невыносимо». Было еще и третье письмо Н. С. Хрущеву. Оно долгое время оставалось под запретом. В этом письме есть строка, которая говорит о многом: «...остались целы я сам и мой дом. Но нападки на меня продолжаются и приобрели мелкий и мстительный характер»²⁵⁵.

Это было время крайне административной и идеологической жестокости. Но она оказалась бессильной и не могла разрушить искреннее сострадание и взаимопонимание близких по духу и культуре людей. Пастернак и Кулиев переписывались в течение десяти лет, начиная с 1947-го по 1957 год. Поэты понимали друг друга, знали, что значит «мука молчания», как сказал Расул Гамзатов в одном из своих стихотворений, посвященных Кулиеву:

Помню:
на сердце камень один
Мы носили, покуда в разлуке
Был с Кавказом Кулиев Кайсын,
Переживший молчания муки...²⁵⁶

Перевел Я. Козловский

Пастернак был среди тех немногих, которые писали Кулиеву, не опасаясь впасть в немилость: это — В. Гоф-

²⁵⁴ Лишь в годы перестройки эту премию получит его сын — Е. Б. Пастернак.

²⁵⁵ Литературная газета. 1990. 5 сентября.

²⁵⁶ Гамзатов Р. Собр. соч.: В 5 т. М., 1981. Т. 2. С. 160.

феншефер, Ю. Либединоский, Л. Кедрина, жена трагически погибшего поэта Дм. Кедрина. Несмотря на то что Кулиева не печатали, он в это время много писал и некоторые из произведений отсылал «на суд» Пастернаку. Об этом свидетельствуют строки из письма от 6 апреля 1948 года, адресованного Е. Орловской: «Это ответ на Ваше письмо и пакет с подстрочниками Кулиева... Мне нравится всё, «Пери»²⁵⁷ больше Кедрина, но необыкновенными кажутся мне, нравятся по-настоящему и дают ощущение непривычно врывающейся извне и лежащей на страницу жизни (то, чем должно быть искусство) два последних: «Над старой книгой горских песен» и «Охотникам, заблудившимся в ущельях». Кулиев — молодец, что и говорить.

Он писал мне, я Вам отвечу, но сейчас я тороплюсь послать Вам обоим только что вышедшего Петефи, а также вкладываю в конверт для Вашего и его ознакомления стихи из романа в прозе²⁵⁸, о котором я, кажется, Вам писал ранее... Простите меня за лаконизм и торопливость тона, главное мое желание — доставить Вам и Кайсыну радость этой книгой. (Кайсыну я, между прочим, пришлю роскошнейшего Пшавелу, не ради перевода моего, а всего издания, внешности, иллюстраций, хевсурского Кавказа и пр. и пр.)

Бесконечно Вам и Кайсыну спасибо за Ваши письма. Известите меня о получении книги и письма.

Ваш Б. Пастернак.

Простите меня, в последний момент вдруг решил подписать Петефи одному Кайсыну...»²⁵⁹

Этими книгами с автографами Б. Пастернака Кайсын очень гордился и дорожил в течение всей жизни. «...Он писал мне, присылал книги с такими автографами, которые мог сделать только он один,— вспоминал об этой поре Кулиев.— В своих письмах он учил меня чести и достоинст-

---

²⁵⁷ Это «Баллада о Габриэле Пери» К. Кулиева, которую он закончил в апреле 1948 г., о чем сообщал В. Гоффеншеферу: «Последняя моя вещь большая — «Баллада о Габриэле Пери». Я бы очень хотел почитать Вам свои вещи, написанные после нашей разлуки». ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 98, л. 1—10.

²⁵⁸ Здесь речь идет о романе «Доктор Живаго».

²⁵⁹ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 1—15.

ву. Я постоянно чувствовал на своем плече его руку. Его голос доходил до меня в моей среднеазиатской дали, был опорой и поддержкой»²⁶⁰. В последние дни жизни своей тяжкой болезни Кулиев на столике около себя держал стихи Б. Пастернака, А. Блока и только что вышедшие свои — «Ночь и рассвет». «Иногда я пытаюсь читать,— сказал однажды Кайсын своим друзьям, которые пришли его проведать,— но быстро утомляюсь: боль не дает покоя».

Пастернак высоко ценил многие стихи горского поэта и был в числе тех, кто поддерживал книгу стихов Кулиева «Горы мои» на выдвижение Государственной (тогда Сталинской) премии еще в 1943 году, называя поэзию Кайсына «великой жаждой жизни и огненного темперамента». Кулиев гордился вниманием и дружбой с этим человеком, который понимал его стремления, мечты, надежды и чаяния, радовался проявлению сочувствия к его судьбе. Такие же чувства, по-видимому, испытывал и Пастернак, когда получал письма от Кулиева и Орловской. Он ждал от них писем, и они, очевидно, были ему нужны, как бывает нужен чистый воздух. Так, в письме от 29 апреля 1948 года он писал: «Дорогие Елена Дмитриевна и Кайсын! Получил обе Ваши телеграммы, спасибо, но лучше бы Вы мне написали письмо. Не ждите от меня обещанного «Избранного»... Готовую и однажды уже разрешенную книжку задержали и предложили издательству не выпускать. Сборника не будет»²⁶¹.

В ноябре 1948 года Пастернак в письме Кулиеву отметил то, что составляло тогда лучшую сторону лирики балкарского поэта, указывая на особенные черты его характера и поэтического таланта. «...Вы пользуетесь моею взаимностью,— писал Борис Леонидович Кулиеву.— Вы из тех немногих, которых природа создает, чтобы они были счастливыми в любом положении, даже в горе»²⁶². Отмечая далее прирожденный талант, самобытное дарование Кулиева, его умение показывать человека в его многомерных связях с природой и бытием «для постижения мира изнутри с его лучшей и наиболее ошеломляющей стороны», Пастернак отметил: «В Вас есть эта породистость, струна,

---

²⁶⁰ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 458.

²⁶¹ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 1—15.

²⁶² Пастернак Б. Избранное: В 2 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 2, С. 469.

или натянутой тетивы, и это счастье. Про это я Вам и хотел написать»²⁶³.

Пастернак дорожил мнением Кулиева, его знанием трудностей жизни и очень хотел, чтобы он написал несколько слов по поводу его только что законченной первой части романа «Доктор Живаго». Поэтому в письме к ним обоим от 30 января 1949 года Борис Леонидович писал: «Милые мои Елена Дмитриевна и Кайсын! Как я понял дочку Цветаевой, Ариадну Сергеевну Эфрон, она все же послала Вам из Рязани рукопись. Но так как от Вас ни слуху ни духу, то, видимо, Вы либо не получили ее, либо она так не понравилась Вам, что Вы на меня сердиты...»²⁶⁴ Рукопись они получили, читали первую часть романа и были одними из первых, кто имел свое собственное суждение о нем, в отличие от тех, кто не читал, а считал содержание романа антисоветским. О таких людях Пастернак говорил вслух: «Когда же кончится раздолье подхалимам, которые ради своей выгоды готовы шагать по трупам?»²⁶⁵ Над этим романом Пастернак работал упорно и успешно. Почти через год, 14 января 1950 года, Пастернак извещал своих друзей — Кулиева и Орловскую: «...не посылайте мне назад рукописи. Надеюсь, мое письмо застанет Вас и Кайсына на месте. (Вот уже о чем приходится мечтать!) Но если б в будущем Вам пришлось уехать, считайте этот экземпляр своей собственностью.

Я теперь перед вероятной уймой новых переводных задач (среди них несколько поэм Петефи, шекспировский Макбет и 2-я часть Фауста). Месяца два-три с бож. помощью напишу вторую книгу романа, пишу также стихи вроде тех. Удивило совпадение слова «снегопад» у меня и в Вашем переводе Кулиева и сходства настроения. Кстати, Ваш перевод так лишен мишуры и прикрас, что может показаться почти пересказом оригинала, я не знаю, как велика Ваша близость или как велико стремление к благородной простоте, в обоих случаях честь Вам и слава, это очень большая Ваша заслуга.

В последнее десятилетие, то есть с начала 50-х до конца 60-х годов, Пастернак был всецело погружен в мир современных духовных нравственных исканий, и стихи Ку-

²⁶³ Пастернак Б. Избранное: В 2 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 2. С. 469.

²⁶⁴ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 1—15.

²⁶⁵ Алова А. Роман летел к развязке // Огонек. 1988. № 37. С. 23.

лиева, те, что присылала ему Орловская и он сам, были близки ему по их глубокому художественному содержанию, нравились своей драматичностью, поиском идеала. В этом же письме от 14 января 1950 года Пастернак отмечал: «Большое вам спасибо за письмо Ваше и Кайсына и за вложенные стихотворения. Впечатление было необыкновенное, огромное. И о нем подробнее в письме Кулиеву... Первым побуждением было ответить Вам тотчас же. Остановила отчасти поглощенность работами, главное же: невозможность рассказать важное и значащее». Обещанное письмо Кулиеву было написано в канун Нового (1950-го) года, а точнее — 31 декабря 1949 года. Оно интересно по тем выводам-решениям, к которым пришел Пастернак в связи с чтением кулиевских стихов, таких, как «Говорю дождю» (1949), «Стихи, написанные в день рождения» (1947), «Стихи, сказанные во время дождя» (1949) и некоторые другие. Пастернак увидел в этих стихах выверенную, твердую внутреннюю позицию поэта, истинно глубокое художественное чутье, так восхитившее Бориса Леонидовича. «Дорогой Кайсын! — писал он. — В тот день, как пришло письмо от Вас и Елены Дмитриевны, из Тбилиси приехала моя приятельница, жена Тиц. Табидзе, она обедала у нас, я пробовал читать ей листки с переводами Елены Дмитриевны, она читала глазами и соглашалась с моим потрясенным восхищением. Все это очень, очень хорошо. Это не только выношено и выражено с большой потрясающей силой, это каждый раз ее новый образ в той или иной форме прометеевой скованности и неволи.

Елена Дмитриевна права, выделяя стихи, которые Вы написали в день рождения, и стихи, написанные мне, они хороши сверхъестественно, но я ставлю рядом и «Я хочу, чтоб было так», «Вечером, когда листья падают», и «Видя, как идет дождь».

Между прочим, несмотря на лучшие наши гётевские переводы, персидской и арабской лирики, несмотря на Саади, Омар Хайяма и др., на Ваших примерах я впервые в жизни понял, открыл и испытал на себе действие и природу этих газелеобразных возвращений и повторений, трагическую естественность и победоносность этой формы, так сказать, роковой, заклятый ее ход. Все это очень крупно и бесподобно. Но что же, кроме этих восторгов, Кайсын, сказать мне Вам утешительного?.. Сегодня мне самому так груст-

но, что сам я больше всех нуждаюсь в утешении. Ну да все равно. Целую Вас и обнимаю. Сегодня 31 декабря. С Новым Годом Вас и Елену Дмитриевну. Что делать, что делать!

Ваш Б. Пастернак».

Кулиев, получив это письмо, сделал на нем пометку карандашом: «Январь, 1950 год».

Письма Пастернака Кулиеву интересны тем, что они позволяют увидеть, как в это время работал он над романом и поэзией, переводами Шекспира, Гёте, Кальдерона, что его волновало и тревожило. Письма позволяют также проследить, как складывалась пастернаковская концепция поэтического перевода отечественной классики, его взгляды на национальную литературу, на процесс ее становления и развития. Так, в письме от 4 февраля 1950 года он писал: «Дорогой Кайсын! Вот Вам два из тех новых стихотворений, которые я хотел было послать в более полном числе, а потом раздумал. Может быть, они Вам что-нибудь скажут? Это все в тот же роман в прозе, который я продолжаю и в который будут поступать все мои новые стихи, пока я его не допишу. Я мечтаю довести его до конца в течение этого года...» Роман не был закончен к этому времени, как предполагал Пастернак. Он продолжал работать над ним еще много времени и переписывался со своими друзьями — Кайсыном и Еленой Дмитриевной, которым он все больше и больше доверял свои мысли, тревоги и то, что его огорчало. А огорчало его многое: он много трудился над переводами, уставал и не оставалось сил дописать роман «Доктор Живаго».

22 февраля 1950 года он получил от них поздравительную телеграмму с днем Красной Армии и спешно отвечал: «Сердечно благодарю Вас и Кайсына за телеграфное поздравление... Если рукопись «Живаго» в хорошем состоянии, сделайте, пожалуйста, мне одолжение, пошлите ее заказной бандеролью Анастасии Ивановне Цветаевой... Всего Вам лучшего обоим.

Преданный Вам Б. Пастернак»²⁶⁶.

---

²⁶⁶ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 1—15.

Многогранной по тематике и сложной по форме общения была переписка Пастернака и Кулиева в эти годы. Это был период их наибольшей духовной близости. Рассказывая в письмах о своих творческих замыслах, о работе над романом «Доктор Живаго», над многочисленными переводами (он перевел семь трагедий Шекспира, «Фауста» Гёте и много, много другого), Пастернак, по существу, общался именно с Кулиевым, хотя адресовал свои письма Орловской. «У меня сейчас месяц-два свободных, — сообщал он, — и я поглощен работой над прозой, которую тороплюсь писать, потому что скоро опять придется заниматься проклятыми переводами (проклятый даже Фауст). Простите, что пишу второпях. Но я бы желал Вам хоть малой доли того чувства счастья и удовлетворения, которыми я полон в последнее время». И далее он с радостным чувством сообщал: «...нет, правда, я не нахваляюсь на свое самочувствие и не могу настроиться серьезно, чтобы со вниманием отнестись к своим неудачам». Письмо это было написано 29 апреля 1948 года. Прошло уже два года с того времени, как Пастернак приступил к работе над этим романом. Он начал его в 1946 году. Вспоминая это время, Ольга Всеволодовна Ивинская, заведомо начинающих авторов «Нового мира», рассказывала: «...в 1946 году почти одновременно начался наш роман и работа Пастернака над романом «Доктор Живаго». Одна из главных тем романа — судьба, ее перекрестки... Пастернак писал главу за главой, а они протаптывали невидимые тропинки нашей будущей жизни, вили свою паутину из реальных событий²⁶⁷, расставляли реальные ловушки. Да, он был заколдованным — этот роман в прозе, он приносил безумное

---

²⁶⁷ О. В. Ивинская — прототип образа Лары романа «Доктор Живаго». Вот как об этом писал сам Пастернак в письме Ренате Швейцер: «Во втором послевоенном времени я познакомился с молодой женщиной — Ольгой Всеволодовной Ивинской... Она и есть Лара моего произведения, которое я именно в это время начал писать... Она олицетворение жизнерадостности и самопожертвования. По ней не заметно, что она в жизни перенесла... Она посвящена в мою духовную жизнь и во все мои писательские дела...»

Ее арестуют за то, что она прочитала и распространяла роман «Доктор Живаго» среди своих знакомых. Арестованная О. Ивинская будет сидеть на Лубянке вместе с внучкой Троцкого — Сашенькой Моглиной, а после суда и многочисленных изнуряющих тело и душу допросов О. В. Ивинскую сошлют, и она пять лет проведет в лагере в По-

счастье и страшное горе...»²⁶⁸ Для Пастернака — это было время необыкновенного творческого подъема, большой переписки с друзьями и знакомыми. Этим только и можно объяснить, что он успевал находить время для всех, кто писал ему и нуждался в его совете и в дружеской поддержке.

Социально-нравственная чуткость Пастернака, понимание того, как нелегко было Кулиеву переносить «невзгоды времени лихого»²⁶⁹, пережить несправедливое исключение его как переселенца²⁷⁰ в 1949 году из членов Союза писателей, проявилось в его письме от 20 мая 1956 года: «...я хочу послать Қайсыну том только что вышедшего Гёте,— писал Борис Леонидович.— Это ему, но я пошлю его по Вашему адресу, потому что не знаю точного адреса киргизского Союза писателей, куда послать было бы еще разумнее, чтобы они видели, как я ценю его». В этом письме Пастернак с чувством уважения к способностям Кулиева как переводчика (Қайсын в это время много переводил стихов с киргизского языка на русский²⁷¹, чтобы как-то материально обеспечить себя и семью) просил его откровенно высказаться по проблеме, которая волновала Пастернака: «Наверное, Вас и Қайсына, так же, как это случилось со мной, удивят блеск и совершенство почти всех новых переводов. Под ними Вы и он найдете много имен былых знакомцев (по союзу), необычайно выросших. Вот что делает непрерывная и напряженная трудовая тренировка, которой были лишены предшественники. Среди этих работ Фауст мой тонет и теряется больше, чем я мог предполагать... Мне бы хотелось, чтобы Вы и Қайсын сказали что-нибудь веское на эту несомненную тему, а не принялись разубеждать меня, споря с очевидностью.

тьме. «Ее посадили из-за меня как самого близкого мне человека, по мнению секретных органов, чтобы на мучительных допросах добиться от нее достаточных показаний для моего судебного расследования», — писал Пастернак Ренате Швейцер.

²⁶⁸ Алова А. Роман летел к развязке // Огонек. 1988. № 37. С. 22.

²⁶⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1. С. 258.

²⁷⁰ Через четыре года, в 1953 году, правление Союза писателей Киргизии будет ходатайствовать перед СП СССР о восстановлении Кулиева в СП СССР. Просьба будет удовлетворена.

²⁷¹ Переводил Кулиев и прозу. Он перевел с киргизского языка на русский роман Тугельбая Сыдыкбекова «Среди гор», удостоенный Сталинской премии.

Всего Вам лучшего. Я рад, что Вы все там же (помните, Вы боялись переезда?). Спасибо за пересылку рукописи Цветаевой.

Ваш Б. Пастернак».

Глубоким пониманием идей и чувств, волновавших Кулиева в эти годы, проникнуты строки писем Пастернака от 11 октября 1951 года, когда он долго болел, много страдал и не мог сразу ответить на письмо Кайсына. Дело в том, что Пастернак переживал за О. В. Ивинскую, которая, по его мнению, сидела в тюрьме из-за него. Она уже просидела в тюрьме полгода, «ребенок уже всю толкался ручками и ножками... Однажды подкатила страшная боль». Ребенок родился мертвым, а Пастернак ждал рождения ребенка, надеялся, решил его воспитать. «Наверное, мне отдадут ребенка. Я сказал жене, что мы должны его пригреть и вырастить, пока Люши не будет», — говорил он О. И. Поповой, которой доверял во всем (Люша — это О. В. Ивинская). Именно в это время Пастернак пишет свои знаменитые строки о любви: «Как будто бы железом, обмокнутым в сурьму, тебя вели нарезом по сердцу моему». А вот его проза от 31 мая 1951 года: «Дорогая моя Олюша, прелесть моя!.. Наши письма к тебе должны были прямо из души изливаться потоками нежности и печали...» Пастернак писал эти строки Ивинской, когда она сидела в тюрьме. А когда она была сослана в лагерь в Потьму, с ним случился инфаркт. Кулиев всего этого случившегося с Пастернаком не знал, не знал он долго и того, что Борис Леонидович сильно мучился из-за того, что другие сидят в тюрьме, а он до сих пор на свободе. Мысли об этом Пастернак выразил в стихах:

Душа моя, печальница
О всех в кругу моем,
Ты стала усыпальницей
Замученных живьем.
Тела их бальзамируя,
Им посвящая стих,
Рыдающею лирою
Оплакивая их,
Ты в наше время шкурное
За совесть и за страх
Стоишь могильной урною,
Покоюшей их прах...

Не все можно было рассказать в письмах Кулиеву, что случилось с ним, да и опасно это было: они просматривались цензурой с той и другой стороны. Оба поэта находились под запретом, в опале. Поэтому Пастернак не мог откровенно обо всем написать Кайсыну и объяснить причину молчания. В очередном письме Пастернак, как всегда, высоко отзывался о полученных новых стихах горского поэта, пронизанных благородным мужеством, неослабевающей болью души за все происходящее и драматизмом: «Я оставил без ответа последнее Ваше письмо и Кайсына и пачку новых его стихов, которые были так же хороши, как всегда...» Далее, рассказывая Кулиеву и Орловской о пережитом и наболевшем, о трудностях перевода «Фауста», он с горькой иронией заметил: «В середине августа я сдал готовую работу в издательство. Теперь редакторы будут ее читать дольше, чем Гёте сочинял Фауста, а я его переводил... Оттого я перестал писать Вам и Кайсыну Кулиеву, перестав ждать и желать нового, все изнутри и изнутри, вместо новой действительности, которая пришла бы из внешней жизни. Крепко целую Кайсына. Не сердитесь на меня и о том же попросите Кайсына Кулиева.

Ваш Б. Пастернак».

Почти два года Кулиев и Орловская не получали писем от Пастернака. Только 30 января 1953 года они получили открытку и узнали, что пережил и перенес их друг. «Дорогие Кайсын и Елена Дмитриевна! Получил сейчас телеграмму. Спасибо за пожелания. Вероятно, Вам сообщили из Москвы, что у меня в конце октября был инфаркт и я два с половиной месяца пролежал в больнице... Очень тронут Вашей памятью... Целую Вас обоих»²⁷².

Оба поэта в эти прошедшие десять лет жили, как верно подметил Нафи Джусойты в статье о Кулиеве, мужеством ожидания невозможного. И все это было «оправдано не тем, что рано или поздно совершаются чудеса, а тем, что дает силу в беде дожидаться свершения своих надежд и мечтаний»²⁷³. Начало письма от 10 августа 1953 года (четыре месяца прошло после смерти Сталина), адресован-

²⁷² ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 1—15.

²⁷³ Джусойты Н. Личность поэта // Вопросы литературы. 1967. № 7. С. 110.

ное одному Кулиеву, говорит само за себя: «Дорогой мой Кайсын! Спасибо за письмо. Я Вам отвечу коротко и второпях, потому что после инфаркта, который я перенес, незаконченные работы, которыми я занят, стали еще неотложнее и времени у меня все меньше, чем прежде.

Не падайте духом, мужайтесь. Избавление придет обязательно, хотя я сам ждал, что оно наступит раньше. Но и для меня пока ничего не изменилось, и мое время не наступило еще, и я не знаю, доживу ли до него»²⁷⁴.

Пастернак все эти годы жил, как и Кайсын Кулиев, ожиданием, что придет избавление от сталинского ига, от культа личности. От марта 1953 года, когда умер Сталин, до августа этого же года прошло полгода, но ничего почти не изменилось для обоих поэтов. Беда пришла для Пастернака в марте 1947 года, когда 21 марта появилась в газете «Культура и жизнь» известная клеветническая статья А. Суркова «О поэзии Б. Пастернака», положившая начало травле. В ней говорилось: «Поэт с нескрываемым восторгом отзывается о буржуазном Временном правительстве... живет в разладе с новой действительностью... с явным недоброжелательством и даже с злобой отзывается о советской власти. Это прямая клевета на новую действительность...»²⁷⁵ С тех пор семь лет прошло, но для Пастернака и для Кулиева оставалось все по-прежнему. Время их еще не наступило, как об этом писал Пастернак. И тот и другой занимались переводами, чтобы как-то прожить, иметь небольшой заработок. В минуты отчаяния Пастернак писал в письме: «Переводы отняли у меня лучшие годы моей деятельности...» Так же думал и Кайсын Кулиев, когда тратил свои интеллектуальные и умственные способности на переводы стихотворений с киргизского языка на русский. И он прекрасно понимал Пастернака, который жаловался Кулиеву в одном из писем: «...скоро опять придется заниматься проклятыми переводами (проклятый даже Фауст)...»²⁷⁶. Кроме того, Пастернак жил тогда в постоянной тревоге: он знал и понимал, что его каждую минуту могут объявить «врагом народа», ведь объявлялись же «врагами народа» не только отдельные

---

²⁷⁴ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 1—15.

²⁷⁵ Сурков А. О поэзии Б. Пастернака // Культура и жизнь. 1947. 21 марта.

²⁷⁶ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 1—15.

лица, но и целые народы, высланные насильственно из родных краев и обжитых земель. Оба поэта испытывали отчуждение многих своих бывших друзей, знакомых, знали и одиночество. Все это не могло не повлиять на характер их переписки и отношение друг к другу. Однако они не поддавались пессимизму, работали упорно и много. «Немногие могут выдержать одиночество и говорить истину, не боясь лишиться связи с другими лицами,— писал известный немецкий философ Э. Фромм.— Это истинные герои человечества. Если бы не они, мы до сих пор жили бы в пещерах»²⁷⁷. Эту истину можно искать и находить в письмах Пастернака к своим друзьям, которым он доверял и верил. Вот что он писал Кайсыну в августе 1953 года: «... я давно сказал Вам, что очень люблю Вас и верю в Вас. Эта вера не прошла у меня. Я всем про Вас рассказываю. После Есенина я только в одном Павле Васильеве находил такие черты цельности, предназначенности и отмеченности, как в Вас.

Я думаю, что Вы уже давно пишете или могли бы писать по-русски так же хорошо, как на родном языке, или еще лучше. Подлинность, чистота и сила Ваших оригиналов доходила через все подстрочные воспроизведения и передачи, значит, она лежала не в привычной повседневной прелести и документации народного речевого оборота, а перерастала их и коренилась в образном содержании сказанного...»²⁷⁸

В этом же письме после суждений и размышлений о национальных литературах (об этом его просил Кулиев) Пастернак, как бы опасаясь за писательскую судьбу своего молодого друга, за его будущее как поэта, советовал ему творить в мире только доброе и прекрасное. Понимая, что во времена тяжелых испытаний, когда всякая свободная мысль подавлялась тоталитарным режимом, человеку всегда необходима идейно-нравственная опора для духа, Пастернак писал: «Доверяйтесь самому светлому и сильному в себе, Кайсын, самому дальнобойному, не боясь расстояний и трудностей, куда оно Вас занесет, и не считаясь с распространенными представлениями, какими бы проверенными они ни казались»²⁷⁹. В этих строках письма

²⁷⁷ Сумерки богов. М.: Изд-во полит. литературы, 1989. С. 182.

²⁷⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 1—15.

²⁷⁹ Там же.

и совет, и возможность найти в чужом опыте жизни и в душевных переживаниях заметы своей собственной драмы и сомнений. Заканчивая письмо, Пастернак остался недовольным в истолковании многих вопросов, затронутых им, поэтому он просил не осуждать его: «Я многое хотел Вам сказать сегодня, Кайсын, и смог сделать это очень скромно и, наверное, неудачно. Но повторить в другой раз я этого не смогу...

Целую Вас.
Ваш Б. Пастернак».

Через пять месяцев Пастернак снова написал Кулиеву: «С Новым Годом Вас, и верю в близкое исполнение самых смелых Ваших, казавшихся прежде несбыточными, мечтаний...» Письмо датировано 4 января 1954 года. В нем Пастернак выражал надежду, что его друзья прочтут «Фауста», над которым он так много трудился. В письме к Орловской он писал: «У меня было очень немного экземпляров Фауста, когда я один послал Кайсыну, и теперь ни одного не осталось. Но ведь это слишком большая для стихотворного произведения вещь, наверное, ни Кайсын, ни Вы, ни кто бы то ни было из лучших моих друзей не в состоянии будут дочитать его целиком до конца даже из преданности мне.

Вам или Кайсыну, кажется, летом написал, какой переворот произвела во мне во всем спешная напряженная и объемистая работа над переводом, который я подверг обширной переделке в корректуре...» В конце письма Пастернак делился радостью, которая доставляет ему работа над романом «Доктор Живаго», творческими достижениями года, планами на будущее. И все, конечно, было связано с завершением романа. Как сильно радовался Пастернак, когда была закончена последняя глава! «Понимаешь, он умер! Умер! Умер Живаго. Отныне мы, мои дети, наши близкие друзья— всё попало в магнитное поле романа. Мы были уже не мы, мы были «служители» романа. И жизнь наша уже была расписана...» — звонил Пастернак из Переделкино О. В. Ивинской. Но и тогда, в 1954 году, он радовался близкому завершению романа и писал об этом Кулиеву: «...Кайсын, как много я бы мог сделать — пожалейте меня. И все же я счастлив. У меня очень, очень хороший год, хотя время мое еще не настало.

Я закончил черновой пересказ содержания романа и надеюсь кончить его к весне. Я много работаю. Если господь пошлет мне года три-четыре жизни (судьбой ему будет отпущено шесть лет.— Т. Э.), Вы обо мне еще услышите совсем по-другому и увидите совсем по-новому. Крепко Вас обоих целую.

Всего лучшего. Ваш Б. Пастернак»²⁸⁰.

Через два года сбудутся смелые кайсыновские мечты, о которых так уверенно писал в пятьдесят четвертом году Борис Леонидович в своем письме Кулиеву.

В 1956 году балкарский народ, как и другие насильственно высланные народы, был реабилитирован и ему было разрешено вернуться в родные края. Пастернак и Кулиев встретились. Борис Леонидович был одним из первых, кто пригласил к себе Кайсына в его первый приезд в Москву. Об этой счастливой встрече Кулиев вспоминал:

«Утром третьего дня моего пребывания в Москве раздался телефонный звонок в номере гостиницы. Я взял трубку.

— Это Кайсын Кулиев?

— Да,— ответил я.

Вдруг совершенно неожиданно для меня:

— С вами говорит Пастернак.

— Здравствуйте, Борис Леонидович!

— Я узнал, что вы здесь. Приезжайте ко мне в Переделкино сегодня. Будете обедать у нас.

Я обрадовался и растерялся. Еще с 1942 года мне было известно мнение Пастернака обо мне. Но, приехав в Москву, как-то постеснялся позвонить ему. А после его звонка поехал в Переделкино. Был солнечный день. Начало июня. Увидев меня, идущего вдоль ограды, Борис Леонидович быстрыми шагами пошел навстречу. Он у калитки пожал мне руку и обнял меня... В тот день под переделкинскими соснами мы говорили о Гарсиа Лорке и Есенине. Пастернак любил их. Он обычно называл меня «кавказским Есениным». Поэзия Пастернака была мне дорога с тех пор, как я стал взрослым... Если я продолжал учиться писать и вынес многие тяготы, то в этом огромная доля стараний Бориса Пастернака»²⁸¹.

²⁸⁰ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 1—15.

²⁸¹ Кулиев К. Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 458.

В 1960 году навсегда ушел от земных забот и тревог Б. Л. Пастернак. По завещанию, его похоронили в Переделкино. Три высокие сосны охраняют его покой. Здесь всегда в любое время года живые цветы: народ не забыл своего поэта. Сюда не раз приходил и Кайсын Кулиев, чтобы поклониться своему учителю.

Дружба с семьей Б. Пастернака продолжалась и после его смерти. Так, отдыхая в одном из санаториев Нальчика, сын Пастернака Евгений Борисович с женой Еленой Владимировной и детьми Петей и Лизой приходил в гости к Кайсыну. Он ездил с ними на Голубые озера, Чегемские водопады, под Эльбрус, на свою родину предков — в Верхний Чегем. Много было воспоминаний и разговоров о прошлом...

Все это произойдет позже, а в том далеком 1949 году Кулиев продолжал работать спецкорреспондентом газеты «Советская Киргизия», писать стихи и поэмы — «Завешание», «Огонь», «Серп». Трудно было с переводами его произведений на русский язык. Н. Тихонов перевел стихотворение «Говорю дождю», Е. Елесеев — «Говорю луне» и «Стихи, сказанные во время дождя», а «Рисунок к заглавию» позже перевела Ю. Нейман. Привлекательным в этих стихах было то, что автор, повествуя о своих воспоминаниях юности, смотрел на них глазами взрослого человека, много пережившего и познавшего. В них воплотились его мечты о красивой, невозвратной поре детства и юности, когда он, «на муле сидя, между гор теней» ехал «с взрослыми в соседстве, беседу слушал, стук копыт коней», как лежал он в Бедыке «под буркой летом в жарком полусне...» или «босой, без шапки бегал под дождем» и т. д. Вереница воспоминаний — жизнерадостная, светлая страница жизни поэта. Разговор с дождем и с луной — это сказочный мир, нарисованный им на основе реальной жизни юношеских лет, времени первой влюбленности и увлечений. Но в мир прекрасной мечты и радужных воспоминаний порой врываются более чем грустные ноты, скорбные и трагические по своей сути. Здесь вступала снова страшная война, которую пережил поэт.

Помнишь, как тогда на Перекопе
Умирал Арсен, мой лучший друг,
Около меня лежал в окопе —

Ты ему в лицо взглянула вдруг...
А потом меня ты утешала
И никак утешить не могла...

«Говорю луне»

Стихи этого сорок девятого года разные — и жизнерадостные, и печальные, и мужественные. Они всякие, как сама жизнь. Но все-таки для лирики Кулиева этого времени характерно проникновение в глубины психологии людей его нации, в их сокровенные мысли и чувства. Он воспевал мужество терпения, справедливость.

Мужество.. Средь радостей и бедствий
Я ценил крутой его накал,
И стихи из горестного сердца,
Словно бы из ножен, извлекал.

«Рисунок к заглавию»

В начале 1950 года было закончено одно из лучших произведений интернациональной тематики — это «Смерть поэта». В нем нашли отклик далекие события 1936 года, когда фашизм бросился в кровавую атаку против демократических завоеваний европейских народов. Поддерживаемая германскими и итальянскими покровителями, испанская фашистская военщина подняла мятеж против правительства республиканской Испании. Передовая интеллигенция мира помогала испанским трудящимся защищать свободу. Почетное место в этой борьбе принадлежало писателям. Одним из первых фашистских выстрелов был убит в Гренаде поэт Федерико Гарсиа Лорка. Смерть прекраснейшего испанского поэта через много лет отозвалась болью в душе Кайсына Кулиева. «Так он близок мне, так мне дорог, словно жили в одной мы сакле,— говорил поэт.— Был убит певец доброты, друг детей великой планеты». Поэта, враждебного реакции и фашизму, можно расстрелять, но идею, за которую он боролся, убить нельзя, как невозможно уничтожить поэзию. Лорка выполнил свой высокий поэтический долг перед своей родиной и народом: своим искусством он утверждал народные, демократические начала жизни. Песни его «словно ракеты, распороли тучу ночную. Был их путь лучезарный волн. Мир для них безбрежно просторен». Каждая строка этого стихотворения вырастает из совершенно определенных кулиевских переживаний, связанных с гибелью испанского поэта. Затаенная мечта о

мщении тем, кто безжалостно расправился с Лоркой, проявляется в таких строфах:

С палачами надо сражаться —
Иль задушат они поэзию.
Вот зачем,
Воспевая розу,
Прославлял я кинжала лезвие! ²⁶²

Перевел Д. Голубков

В этом стихотворении за каждым словом чувствуется подлинная действительность беспощадной борьбы двух миров — мира демократии («Мир, который непобедим»), от имени которого Кулиев заявляет: «Лорка, друг мой! Твоим убийцам не позволим мы убивать!», и мира реакции, поддерживающего и по сей день открытые тиранические режимы в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Этим миром был убит великий поэт, «был убит он врагами поэзии, ненавидящими рассвет. Был загублен врагами песен, был расстрелян врагами весен». Стихотворение с огромной силой утверждает правоту и необходимость той смелой и беззаветной борьбы с темными силами реакции и фашизма, которую самоотверженно ведут и сейчас братья и товарищи по духу во многих странах мира. Жестокая расправа представителей реакционного режима с талантливым художником Испании явилась стимулом к обобщению пережитого Кулиевым в трагические дни Великой Отечественной войны. Поэт Балкарии и по сей день не переставал думать, когда писал стихотворение, о судьбе Лорки, поэтому он говорил:

Я за тебя.
За тебя сражался с фашистами,
И за всех поэтов загубленных
На войне, я дрался и выстоял!

1950 год в сравнении с двумя прошедшими был более плодотворным для Кулиева. Им были написаны «Восточные стихи», «Ночью в ущелье», «Вечером, когда гремел гром», «В пути», «Ночная песня», «Вечерняя песня», «Зекер и Зари», «Снежный обвал», «Ночью, когда шел снег», «Темир-Булат упал с коня», «Ожидание», «Вечерняя баллада», «Горе», «Побег», «Органист», «Молчание», «Состя-

знание», «Я с гор пришел». Сам поэт писал очень кратко об этом времени: «Писал не только горькие стихи, но и живописно радостные о благе существования... Писал о стойкости и мужестве. Этим я поддерживал себя, закалял дух, защищал свое человеческое достоинство»²⁸³.

Основной темой по-прежнему оставалась «малая родина», земля отцов. Она предстает в его стихах то в романтическом образе заснеженного аула в горах, к которому спешат уставшие всадники, и им впереди мерцают огни Уллу-Эль («Ночью, когда шел снег»), то долинами Чегема, где справляют веселую свадьбу в селении Яникой («Темир-Булат упал с коня»), то снежным обвалом в горах, под лавиной которого погибает человек («Снежный обвал»), то в образе всем известного, богатого и легендарного поэта Али Мухаммада, который стал другом всех обездоленных. Кроме мотивов любви к родному краю, сквозит и призыв к выносливости, мужеству терпения: «Мужайся, мужайся и знай: не для трусости мы рождены!» Или:

- Ничего не видать впереди.
  - Лишь вперед, хоть среди облаков!
  - Впереди только бездны, гляди.
- Так проходят пути храбрецов!

Перевел Н. Тихонов

Свою общественную и нравственно-гражданскую миссию этих лет Кулиев видел в жизнеутверждении светлых начал, силы всепобеждающей правды. Его идейные убеждения наиболее ярко переданы в стихотворениях «Органист» и «Ночью в ущелье». О зрелости поэта и глубине постижения им жизни и взаимоотношений советских людей можно судить по таким стихотворениям, как «Молчание», «Я с гор пришел», «Не плачь и постарайся, друг...».

Семейная жизнь Кулиева после разрыва с Тамарой Аслантоковной Залихановой долго не складывалась. Только в 1951 году он женился на молодой девушке-горянке из Ингушетии Маке Магомет-Султановне Дахкильговой. Она только что окончила педагогический институт во Фрунзе и собиралась посвятить себя работе с детьми. Познакомила их Тамара Аслантоковна, теперь Атаева, и сказала Кайсыну, когда они случайно встретились по дороге на работу:

---

²⁸³ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 454.

— Вот тебе и жена. Хватит разных драм, обретай тихий домашний очаг, семейную пристань.

— Разве они отдадут ее за меня? — усомнился он.

Послали сватов. Мать Маки не была против: у нее еще были дочери на выданьи. Мужа не было. Он погиб в Великую Отечественную войну на Ленинградском фронте. Кайсын знал целые легенды об этом смелом горце, бывшем офицере русской армии, служившем в Дикой дивизии в первую мировую войну. Когда началась Великая Отечественная война, он был уже пожилым человеком, не подлежащим воинской обязанности. Но из-за патриотических побуждений он ушел добровольно, как и тысячи других, на фронт, часто писал домой добрые и самоотверженные письма. «Читая его письма к жене с фронта, я удивлялся его грамотности и силе духа,— говорил Кулиев.— Магомет-Султан стал для меня настоящим героем. Он был таким подлинным горцем, каких хорошо знал я с детства».

Предложение было принято. Торжественная регистрация брака состоялась 11 января 1951 года²⁸⁴. Сыграли скромную свадьбу, и Кайсын, по его собственному признанию, стал жить более упорядоченной жизнью. А это для него было очень важно. Вот как он сам вспоминает о тех последних шести годах, проведенных в Киргизии: «Мы жили в маленьком домике в центре Фрунзе. На нашем крохотном участке стояло большое тутовое дерево. Вокруг него мы сажали кукурузу и подсолнух, чтобы создать видимость кавказского двора. Это было хорошо. Летом я спал под деревом. Там же работал днем, постоянно видя зелень кукурузы и желтизну подсолнуха, как в детстве на огороде матери в Чегеме».

Мака Дахкильгова стала вдохновительницей творческих поисков, навсегда слившейся с лирическими строфами поэта. С ее именем связаны у Кулиева самые лучшие воспоминания и надежды. Она стала для поэта всем: опорой и моральной поддержкой, другом и любимой женой. По словам многих, знавших ее в молодости, она была очень красивой. И как сказал сам поэт, она «лучшим образом выражала женскую сторону сущности Кавказа». «Я смотрел в ее глаза, и в них вставал передо мною родной Кавказ,— писал он.— Когда я познакомил ее с Борисом Пастернаком, он

²⁸⁴ Через 31 год брак будет расторгнут. Это произойдет в феврале 1982 г. не по вине поэта.

сказал о Маке: «Это же кавказская фреска!» Ей посвящен целый поэтический цикл, захватывающий каждого человека неподдельной искренностью и глубиной чувств: «Поэт востока женщину любил» (1958), «Славой ангельской ты не увенчана...» (1958), «Живем с тобою, каждый день и час...» (1961), «Снегопад в горах» (1963), «Ты снова поешь колыбельную песню...» (1963), «Я люблю твои глаза» (1965), «Твоим рукам, дарующим тепло...» (1965), «Море» (1974) и др. В них целая история человеческой жизни, верной, самоотверженной любви. Так, в «Тихих стихах» и «Когда стареет красивая женщина...», оглядываясь на пройденный путь и прожитые годы с любимой женщиной, поэт с сожалением и грустью в конце строк замечает:

Робеет женщина, старея,
свои виноватый прячет взгляд.
Но в чем ее вина?

Скорее
мир перед нею виноват.

Перевел Н. Гребнев

Трогательно-грустные, нежные слова исключают всякую искусственность и фальшь. «Тихие стихи» не просто впечатляют, они потрясают красотой любви к человеку, благородством мыслей. Сам автор предельно ясно выразил основные мысли «Тихих стихов»: «...я написал стихи, обращенные к моей жене. Почему же я их назвал «тихими»? Во всяком случае, не потому, что поэзия должна быть «тихой» или «громкой». Она должна быть всякой, как сама жизнь. А назвал я эти стихи «тихими» потому, что обращался к женщине. Она была очень красива и вот начала стареть. Я захотел обратиться к ней с грустными, задушевными словами, сказать о своей любви, об уходящей молодости. Разве о таком можно кричать? Здесь слова нужны тихие, как вода в кувшине, как цветы на утренней поляне»²⁸⁵.

Первые годы с женой Кайсын жил в добром согласии. Мака была по характеру спокойной, покорной, и лучшие черты ее как женщины и хозяйки оценили по достоинству все родственники Кулиевы. Молодая невестка пришлась им по душе. 31 декабря 1951 года во Фрунзе родился в семье Кулиевых первенец — мальчик. Назвали его Эльдаром,

²⁸⁵ Кулиев К. Поэзия — жизнь // Литературная газета. 1975. 1 января.

некоторые близкие друзья Кайсына называли мальчика ласково Эдиком. Он был любимцем семьи. Через год Кайсын написал стихотворение «Зеленый мир» и сделал приписку-посвящение: «Эльдару, который еще не умеет читать». В нем поэт передал всю гамму отцовских чувств: от радости до тревоги за будущее сына.

Спит наш мальчик — счастье наше,
Ровно дышит он.
А над ним тихонько машет
Влажной веткой сон.

Перевел Е. Елисеев

Любил он сына до самозабвения, восхищаясь его детским лепетом, первыми осмысленными словами, детскими мыслями и поступками. Для Кайсына это был целый мир, радостный и непостижимый! Так, в одной из «Записных книжек» Кайсына этой поры написаны короткие рассказы о том, что видел счастливый отец, когда его сынишка был маленьким.

— Мой сынишка проснулся утром 30 апреля, было пасмурно. Прибежал Эльдар ко мне и спросил:

— Папа, у тебя солнышка нету?

* * *

Часов в 10 того же утра, когда по радио говорили что-то о стране, Эльдар сказал:

— Папа, у меня будет страна вот такая! — При этом распахнул руки. — И я буду стоять вот так!

* * *

— Видишь, — сказал я сынишке Эльдару, — снег идет.

— Снег?

— Да.

— А где он живет?

— Далеко, на небе.

* * *

Эльдар сказал: «Что же ты болеешь, папа, всю ночь, всю ночь? Ты же дома!»

Это ему кажется, что если я с ним, дома, то должен быть избавлен от болезней.

Трогательно.

* * *

В 1952—1954 годах, на десятом году жизни в Киргизии, литературные связи Кулиева продолжали расширяться и укрепляться. Он много внимания по-прежнему уделял переводам. Союз советских писателей республики ценит именно эту работу Кайсына, понимая большое значение фактора взаимообогащения и взаимовлияния в формировании и развитии братских литератур. Так, ответственный секретарь ССП Киргизии Я. Шиваза писал 27 апреля 1953 года от имени правления заместителю генерального секретаря Союза советских писателей СССР тов. Суркову: «...Кайсын Кулиев всегда работал в ССП Киргизии, упорно изучал киргизский язык, много переводил произведений киргизских писателей на русский язык (как подстрочный, так и художественный). В настоящее время Кайсын Кулиев в совершенстве владеет киргизским языком и выполняет большую, полезную работу по переводам произведений киргизской литературы...»²⁸⁶ К этому времени он закончил повесть Тугельбая Сыдыкбекова «Дети гор»²⁸⁷ и написал о своей работе к сведению редколлегии журнала «Знамя»: «Переводя новый роман Сыдыкбекова, я старался верно и точно передать тон повествования, манеру рассказа. Я считаю очень важным не вносить в переводимое произведение ничего инородного,— убежденно писал Кайсын.— Я также старался сохранить киргизский национальный колорит оригинала, не выдумывая какой-то особый «восточный» колорит, что иногда встречаем мы в переводах произведений писателей тюркоязычных народов... Мне также важно было понять внутренний ход фразы, почувствовать ритм повествования, что я и старался сделать, хорошо зная киргизский язык, литературу и творчество Тугельбая Сыдыкбекова.

...Я сделал все, что в моих силах было...»²⁸⁸ Жил в это

²⁸⁶ Архив Правления ССП СССР отдела творческих кадров

²⁸⁷ Сыдыкбеков Т. Дети гор: Повесть. М.; Л.: Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1953 / Сокращенный перевод Горбунова К. и Кулиева К.

²⁸⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 618, оп. 15, ед. хр. 135, л. 90.

время Кулиев во Фрунзе, куда и пришел ответ из редакции журнала «Знамя».

Переписка Кайсына Кулиева с литераторами и критиками была обширной. Так, от 24 августа 1953 года С. Иванов писал ему из Москвы: «Дорогой Кайсын! Спасибо, что вспомнил обо мне, я тоже все эти одиннадцать лет не забывал Вас и помнил наши встречи, наши разговоры, не забывал и не мог забыть Ваши стихи... Ведь ваши стихи были очень хороши. Я даже, помню, написал статью о них для московской прессы, но не мог напечатать, так как требовалось сообщить редакциям, где Вы, я и сам этого не знал. Пожалуйста, черкните, что Вы сейчас делаете и что было за эти одиннадцать лет...»²⁸⁹

Прочные дружеские связи и отношения установились у Кулиева с литераторами Киргизии. Кайсын по совету старших товарищей, которые видели в нем очень способного очеркиста-прозаика, попробовал рассказать о киргизском народе, с которым он и люди его нации жили уже в течение долгого времени, поведать о своих боевых товарищах и трагических последствиях минувшей войны. В «Записных книжках» поэта сохранились названия рассказов «Безумие войны», «Офицер пехоты», «Утро», «Дождь», «Обрыв» и краткие записи о них. В очерках Кулиев стремился представить киргизский народ в художественных типах, показать его отдельных представителей, тех, кто нес знания и культуру для родного народа, тех тружеников тыла, которые ковали победу наряду с воинами. В очерке «Песня» (1952) Кулиев взволнованно рассказал о своей поездке в горный колхоз «Чолпон», где он встретился с замечательным человеком большой душевной красоты — учительницей Аим Кульгеновой, вдовой Темирбека Турсунбекова, погибшего в Севастополе весной 1944 года. В образе Аим Кульгеновой поэту удалось воссоздать и показать духовный облик одной из первых киргизок, еще в предвоенные годы получивших педагогическое образование. Расставаясь с ней, Кулиев сказал: «Под Мелитополем мы прочитали в газете стихотворение. В нем говорилось, что не все, кто идет в ночной бой, вернутся, не все увидят свои очаги, но за тех, что падут в эту ночь, пусть будут жить те, которые трудным путем войны дойдут до победы... Многие из

---

²⁸⁹ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 77, л. 19.

Алькула Осмонова. «Его поэзия нравилась мне,— писал он,— своей самобытной образностью, новизной, верностью жизни родного народа, облику своей земли». Вспоминая время, проведенное вместе с ним на Иссык-Куле, Кулиев писал:

Мы в юрте
на кошме
сидели рядом.
На озере был слышен каждый звук.
И звезды любопытствующим взглядом
Окидывали нас через тундук.

Перевел Е. Елисеев

Временная и пространственная граница «Стихов, сказанных на Иссык-Куле» подчинена основной цели автора — прославить труд людей, которые сделали родные места еще более красивыми, чем они были (главы «Дорога», «Чолпон-Ата»), восславить горы, что «звучат на весь мир, как будто страницы Манаса» («Горы»), а также «чудесное место ущелье Ак-Су! Звериные тропы в еловом лесу... Родник, точно совесть, прозрачен и чист» («Ущелье Ак-Су»). Композиция этого цикла стихотворений, самая суть их сводится к одной мысли автора: красоты Киргизии, ее люди никогда не будут забыты поэтом: «Все это я в сердце своем унесу». Кулиев был активным участником киргизского литературного процесса. Возглавляя русскую секцию Союза писателей Киргизии, он был и членом редколлегии журнала «Литературный Киргизстан». За одиннадцать лет, прожитых в Киргизии, его поэтический талант окреп и возмужал, здесь он прекрасно овладел киргизским языком, глубоко изучил историю, фольклор, художественную литературу киргизского народа, сдружился со многими писателями республики и написал проникновенные стихотворения о своей второй родине, вдохновенно воспев озеро Иссык-Куль, горы Киргизии и ее народ. Пройдут годы, когда Кулиева уже не будет в живых, исполком Фрунзенского городского Совета народных депутатов, верный его памяти, примет решение о присвоении одной из улиц столицы Киргизстана — Бишкека имени Кайсына Кулиева.

Творческая сила Кулиева проявилась в эти годы и в стихах о любви: «Дочери гор» (1951), «Любовь пришла, как день весенний...» (1953), «Женщинам» (1955), «Ты ро-

зой и хлебом стала...» (1955), «Стихи, сказанные матери вечером» (1955), «Матери» (1955).

Любовь для поэта — возвышенное и благородное чувство. Это великая сила, которая возвышает человека и окрашивает для него мир в тона радостного оптимизма. И мысли, связанные с понятием «любимая», возвышенны и восторженны:

В душе сияет радость, не слабея,
Мой свет — твое дыханье, имя, смех.
Зачем слагаю песни о тебе я?
Сама ты песня, лучшая из всех!

Перевела В. Звягинцева

Любовная лирика Кулиева окрашена глубиной искренностью, особыми оттенками. В нежное и страстное художественное слово о любви поэт вложил всю красоту и богатство своей души. Воспринимая любовь как огромный дар жизни, он признает за ней возрождающее, творческое начало, ее могучие порывы и непреодолимую силу. Поэту кажется, что в любимой заключена вся ценность жизни, все богатство земли, что только ради нее стоит жить и бороться за свою мечту. О ней он говорил с уважительной нежностью и проникновенностью, с чувством благоговения. В стихотворении «Дочери гор» (1951) читаем:

Вечером выйду — издали кланяюсь
Белым горам, где ты родилась.
По утру выйду из дому — кланяюсь
Тропкам, где шла ты ребенком, резвясь.

Перевела В. Звягинцева

В этом стихотворении проявлено бескорыстное чувство, замечательное по своей глубине и силе. Любовь, как целомудренное чувство, робкая любовь, граничащая с почтительной нежностью, со стыдливостью, представлена в чувствах юноши и наполняет его душевный мир богатством эмоций. В любимой все вызывает восхищение:

В твоей душе с тех пор поныне живы
Сиянье утра, неба чистота.
Вот почему глаза твои красивы,
Вот почему пленительны уста!

Перевела В. Звягинцева

Подлинно высокая любовь и поэзия огромного мира красоты, вне которого немислим новый человек больших чувств, полна очарованием мироощущения. Все оттенки этого чувства можно проследить в стихотворении «Любовь пришла, как день весенний...», основная мысль которого заключена в последней строчке: «...счастье и стихи поэта — все это женщина дала!»

Вспоминая о своих поэтических музах, Кулиев скажет через несколько лет: «...я всегда оставался благодарным женщинам, как и жизни. Хотя порой они причиняли мне боль, но чаще дарили радость. Это в разные годы старался выразить. Женщина — одно из непостижимых и загадочных явлений жизни. Я постоянно считаю, что женщина выше меня, она была моей матерью, вскормила человечество. А что касается поэзии, то она и женщина никогда не расстанутся. Женщина не давала остыть очагу мировой лирики, ей мы обязаны шедеврами Пушкина и Петрарки, Тютчева и Лорки, Хафиза и Блока, Есенина и Пастернака»²⁹¹. В своих стихах о женщинах в этот период, в начале и середине пятидесятых годов, Кулиев шел от восточно-романтического преклонения перед женщиной, прославляя бессмертие женской красоты и беспредельность любви.

Вы были соловьиной трелью
Для всех поэтов всех времен.
Вы звездами добра горели,
Когда был мрачен небосклон.

Перевел Д. Голубков

Это, так сказать, дань художественному опыту русской любовной лирики, поскольку поэты всех времен воспевали женщину, возвышали предмет своей любви и носили ее идеальный образ в святыне своего сердца. Кайсын в своих прекрасных строках о женщинах и о любви пошел дальше восхищения и преклонения перед ней. Как певец новой эры, он стал связывать чувство к женщине с духом свободы, неустанного труда, подвижничества и святой жертвенности в самые трудные периоды жизни страны. Поэтому в стихотворении «Женщинам» (1955) он пишет:

Вы — скорбь ночей, войной сожженных.
Вы — наша помощь, совесть, кров.
Вы — наши матери и жены.
Ваш трудный жребий был суров.

Перевел Д. Голубков

²⁹¹ Кулиев К. Так растет и дерево. С. 455.

Памятным годом в жизни Кулиева был 1954-й, когда он во второй половине декабря поехал снова в Москву на Второй Всесоюзный съезд советских писателей, явившийся важной вехой в развитии советской литературы. «После девяти лет снова увидел Москву»²⁹², — вспоминал он. На съезд было избрано 738 делегатов, представлявших 3695 писателей Советского Союза, и присутствовали делегаты от 45 национальностей. Был в числе них и Кайсын Кулиев.

Он жадно слушал доклады А. Суркова «О состоянии и задачах советской литературы», содоклады К. Симонова — «Советская художественная проза», С. Вургунга — «Советская поэзия», А. Корнейчука — «Советская драматургия», Б. Полевого — «Советская литература для детей и юношества», выступления П. Антокольского, М. Ауэзова, М. Рыльского о художественных переводах литератур народов СССР, а также М. Шолохова, А. Фадеева, Ф. Гладкова, К. Федина, И. Эренбурга, В. Лациса, Я. Колоса, М. Исаковского, В. Катаева, Б. Лавренева, С. Маршака.

Встречался Кулиев и с некоторыми зарубежными писателями. Их было на съезде 70 человек из 34 стран, в том числе не только из европейских стран, но и из Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии, Чили, Уругвая, Бразилии, Кубы, Колумбии, Ливана, Сирии.

Двенадцать дней Кулиев жил в мире взаимопонимания, высокой культуры духовного общения. «В зале съезда, — говорил С. Рагимов, — находятся писатели, представляющие все национальные литературы, образующие общесоюзную литературу». В перерывах Кайсын подходил к делегатам малочисленных наций — к тувинцам, хакасам, карелам — и интересовался книгами, вышедшими у них в республиках. Окрепший в постоянном мышлении глубокий ум Кулиева вбирал в себя многие вопросы творческих дискуссий, развернувшихся на съезде писателей по проблеме изображения положительного героя, по преодолению теории бесконфликтности, бытописательства, объективистских и натуралистических тенденций. Очень ему запомнились слова К. Симонова, призывавшего к тому, чтобы литература с бескомпромиссной правдивостью изображала жизнь и «не баюкала, а закаляла людей». Эти мысли К. Симонова были очень близки Кулиеву, проповедовавшему своими

---

²⁹² Кулиев К. Так растет и дерево. С. 454.

стихами преодоление трудностей, мужество терпения, веру в справедливость и выносливость. «Я тоже все это время старался не говорить жалких слов, унижающих достоинство человека», — думал Кулиев, слушая выступления Симона и других, которые поддерживали эту тему.

Заставила Кулиева задуматься дискуссия по вопросу создания «идеального героя». Он был на стороне тех, кто решительно это требование осуждал, так как оно ведет к подмене правды жизни, к заранее задуманным схемам. По душе были слова М. А. Шолохова, сказавшего: «...каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат родному народу».

Ради родного народа жил все это время Кайсын и работал тоже ради него. «Приеду, расскажу всем о том, как необычайно выросла, обогатилась многонациональная литература за эти двадцать лет, прошедшие со времени Первого съезда Союза писателей», — размышлял в эти дни он.

В дни съезда Кайсыну удалось встретиться с Н. С. Тихоновым. Ему он передал стихи с подстрочниками для поэтического перевода на русский язык и просил оказать содействие в публикации. С этой же целью он обратился и к К. Симонову, который тоже обещал Кайсыну помочь. Через год, в 1955 году, его стихи были опубликованы в журнале «Новый мир», а в 1956 году — в «Дружбе народов». В 1955 году в газете «Красный Киргизстан» появилась одна из первых статей о творческом пути Кулиева²⁹³. Ее написал С. Жигитов. Он указывал на общественно-политическое значение поэзии Кулиева в северокавказском регионе и подчеркивал искание поэтом новых путей в балкарской литературе.

В 1955 году критики и литературоведы мало писали о поэзии Кулиева и мало кто его хорошо знал как поэта. За одиннадцать лет замалчивания репрессированного поэта многое позабылось из его фронтовой лирики. Это почувствовал Кулиев, побывав на Втором Всесоюзном съезде писателей. И он ощутил всеми клеточками своей души, что его жизнь с этого времени внезапно обретает напряжение, «сгущаясь и уплотняясь». Большое стремление призывало полузабытого всеми поэта-фронтовика, которого так чествовали в 1942 году, вновь добиться значимости в среде российских литераторов. Он понимал, что на этого уйдет

---

²⁹³ Красный Киргизстан. 1955. 12 января.

много духовных и физических сил, что жизнь — это совокупность действий и событий, в которых надо каждодневно участвовать, бороться за истину и идти вперед «от периферии жизни к ее пульсирующему центру». Кульминационные моменты жизни приближались к поэту вплотную. Кайсыну было в это время только 38 лет, а он уже говорил о приближении старости. Зачем он писал в стихотворении «Сыну» (1955): «Уходят дни. Ко мне стучатся болезни, и со снежного холма уж на меня посматривает старость...»?! Может быть, он остро ощущал душевную усталость от своего одиннадцатилетнего бесправного существования, когда он и его народ жили при грозном режиме НКВД, иссушавшего человеческий жизненный потенциал? Конечно, это не могло не сказаться, плюс к тому же ранения на фронте и другие беды. Однако в этом же стихотворении «Сыну» Кулиев говорил и о радости, которая переполняла его, жажде жить и творить:

...я не убоюсь,
Не разуверюсь и свой труд не брошу.
Теперь я радость жизни и работы
Куда острей, чем в юности, постиг
И ощутил сильней весомость слова.

Перевел Н. Коржавин

Фронтовые годы и среднеазиатский период были для Кулиева первым решающим свойством и уникальной действительностью, повлиявшими на его мировоззрение, когда он «ощутил сильней весомость слова» и понял, что «с оружием павших в бой идут живые и так к победе, к радости приходят...»²⁹⁴.

---

²⁹⁴ Кулиев К. Горы. М.: Сов. писатель, 1957. С. 290.

ВСТРЕЧА С РОДНОЙ ЗЕМЛЕЙ

Мой отчий край! Не знаю выше чести,
Чем прославлять красу твою в стихах!

К. Кулиев

Вот Кавказ! Момент, когда он снова увидел родные горы, их вечную белизну вершин, описан Кулиевым в своей автобиографии. Он писал: «Поезд подходил к Нальчику. Перед нашими глазами возникли балкарские горы. Я снова встретился с вечной мощью хребтов Кавказа. Говорил пятилетнему Эльдару:

— Смотри, сынок, Балкария в облаках! Вот она, наша родная земля, земля отцов!

А у самого щеки были мокры от слез. На второй день мы поехали в Чегемское ущелье. Молчали скалы. Молчал и я. Мы без слов понимали друг друга. Я без слов благодарил справедливость и разум». Так думал Кайсын, а свои чувства и мысли он выразил в поэтическом слове:

Мне б только быть с тобой навеки вместе!..
Пушкой с тобой смешается мой прах!..
Мой отчий край! Не знаю выше чести,
Чем прославлять красу твою в стихах!

Перевела Ю. Нейман

В этом же году Кулиев перевез мать на родину. Вспоминая сборы и хлопоты по переезду, Кайсын рассказывал, что он очень опасался за мать, как она перенесет самолет, ведь она никогда не летала на нем. «К моему удивлению, она чувствовала себя в нем как дома. Спокойно усевшись в кресло, она лукаво улыбнулась и сказала: «С тобой, сынок, мне всегда покойно и на земле, и в небе». Одного она страшилась: посмотреть в окошко самолета, вниз. Я уговаривал ее, как ребенка, посмотреть на эту неповторимую красоту, которую она больше уже никогда не увидит. Никогда впоследствии я не испытывал столь приятных,

необъяснимых чувств,— рассказывал Кайсын,— когда все-таки мать увидела за бортом самолета небо. Я понял ее с полуслова и постиг на лету ее недоговоренную мысль и восхищение: здесь обитают боги...»

В тот же день они приехали в село Лечинкай, и Узеирхан стала жить у младшей сестры Нафисат, которая была замужем за Мурачаевым Исмаилом. У них был большой дом, просторное подворье, и Кайсын решил, что мать пока временно поживет здесь, тем более что сестра была серьезно больна и за ней нужен был постоянный присмотр и заботливый уход родного человека. Сестры всегда были очень дружны. В Нижнем Чегеме до войны они все жили почти одной семьей.

Через год сестра умерла, и Узеирхан осталась жить в семье Мурачаевых, чтобы заменить своим племянникам — Зафиру, Хабиру и племянницам — Зурьят, Шахрижан (Жене) и Зулихат (Зое) родную мать. Здесь Узеирхан прожила около двух лет: с лета 1956-го до лета 1958 года, вплоть до возвращения сына из Москвы, где он учился на Высших литературных курсах. Здесь же учился и Ч. Айтматов. С ним Кайсын был знаком еще по работе в Киргизии.

На эти курсы Кулиев поступил в 1956 году. Первым делом поэт пошел на хорошо знакомую улицу Воровского. Н. С. Тихонов встретил его с отеческим вниманием и обрадовался возвращению. Расспросил о том, как доехали, где устроилась семья, интересовался планами на будущее. Кулиев показал ему все, что он написал и подготовил к публикации, и Тихонов пообещал, что книга будет напечатана в самое ближайшее время. Через некоторое время Кулиев узнал, что книга принята в план издания 1957 года. Кулиев радовался. Все складывалось как нельзя лучше. На этот же год был запланирован и еще один сборник стихов в издательстве «Молодая гвардия». Назывался он «Хлеб и роза». Сохранились «Записные книжки»²⁹⁵ Кулиева, в одной из которых есть записи за 1954 год, когда он, возвращаясь со съезда, обдумывал название сборника. Сначала думал назвать его «Ветер с гор», потом — «Восхождение». Привлекло его и другое название — «Слово сердца». Но все это были какие-то афористические формулы значения, а поэт любил ясность и простоту. Название «Хлеб и роза» привлекло его точностью и искусной простотой. Кроме того,

²⁹⁵ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 27, л. 25 об.

готовились стихи Кулиева на русском языке в Нальчике под названием «Мои соседи». Эти запланированные книги требовали от Кулиева отдачи всех его сил, и он работал день и ночь.

В 1956 году, в год возвращения на родину, Кулиев написал стихи, посвященные Расулу Гамзатову («Дружба»), Алиму Кешокову («Мой город»), Николаю Тихонову («Поэт и горы»), Аветику Исаакяну («Камень и песня»). К этому же времени относится и замысел «Горской поэмы о Ленине». «Я много думал о Ленине и, думая, старался понять его, как стараются понять всякое великое явление на свете», — писал Кайсын. Через четыре года «Горская поэма» будет закончена. Ее замечательно переведет поэт Дудин. Кайсын жил в эпоху Ленина, не мог о нем не писать.

В этом же, 1956 году поздней осенью Кулиев в составе слушателей Высших литературных курсов совершил поездку из Москвы в Ясную Поляну. Вместе с ним было много кавказцев: осетин Грим Плиев, чеченец Джамалдин Яндиев, Наталья Капиева, лакец Юсуп Хаппалаев, кумык Аткай. Они поехали, чтобы поклониться простой могиле великого писателя Л. Н. Толстого. Эта поездка запомнилась Кулиеву надолго.

Два года, проведенные на учебе в Москве, пролетели быстро. Кулиев был очень занят работой по изданию сразу трех своих поэтических книг «Мои соседи», «Горы», «Хлеб и роза». 8 июня 1957 года был подписан к печати сборник стихов «Мои соседи», а через три месяца подписаны к печати и стихи книги «Горы». Этому предшествовала большая работа с редакторами и переводчиками. С ними Кулиев никогда не терял связи, переписывался. Он очень ценил переводы В. Звягинцевой, М. Петровых, Д. Голубкова. 2 февраля 1953 года он писал из Фрунзе Вере Звягинцевой в Москву: «Я сегодня снова перечитал Вашу маленькую книжечку «По русским дорогам». В ней много очень хороших стихов, искренних, светлых, полных горячего чувства... Я с большим удовлетворением читал также Ваши послевоенные переводы из Л. Первомайского»²⁹⁶. В конце письма он сделал приписку: «Я писал Марии Сергеевне Петровых. Она не ответила и очень огорчила меня. Если увидите ее, передайте ей мой привет»²⁹⁷.

²⁹⁶ ЦГАЛИ СССР, ф. 1720, оп. 1, ед. хр. 164, л. 1.

²⁹⁷ Там же.

Пятьдесят седьмой год был счастливым для Кулиева, и он смотрел на него, как на торжество жизни, исполнения мечтаний. Самая главная мечта поэта сбылась. «Избавлен от бед и обид мой народ», — писал он в 1957 году, когда в массовом порядке балкарцы возвращались на свою исконную землю. И все, что тогда волновало Кулиева, он выразил в лирическом стихотворении «Разговор с родной землей». Сколько светлых и высоких слов сказано поэтом милому краю, встречи с которым он так долго ждал! И ради которого он готов был сто раз умереть: «Пусть сердце от пули вдруг станет холодным, лишь только бы в счастье ты жил, мой народ...» Или: «Мне все твои беды, как в сердце кинжалы...» «Разговор с родной землей» — это и раздумье о прошлом и настоящем отчего края, это и исповедь сердца. В этом стихотворении нашли выражение настроения, владевшие Кулиевым, когда он увидел радость своих земляков, возвращавшихся фактически из тринадцатилетней ссылки. Теперь поэт мог признаться в том, что так мучительно его тревожило:

Я долго носил твою боль в своем сердце
И счастлив, что кончилось время невзгод²⁹⁸.

Перевел Н. Коржавин

Муза печали сменилась музой радости. Здоровья и творческих сил было много, и Кайсын с удовольствием везде и всюду попевал и много писал. В январе 1957 года он послал стихи в журнал «Знамя» и небольшое письмо, написанное на листке из блокнота. Оно гласило: «Посылаю Вам несколько своих стихотворений. Был бы очень рад, если бы они могли быть напечатаны в Вашем журнале. Они из моей книги, готовящейся к изданию в «Советском писателе», которая выйдет примерно к сентябрю. В июне состоится в Москве декада литературы и искусства Кабардино-Балкарской АССР. Я прошу Вас, если только найдете возможность, напечатать эти стихи в шестом номере»²⁹⁹.

Ответ из редакции пришел по адресу: «Москва, Тверской бульвар, 25. Высшие литературные курсы». Здесь учился Кайсын Кулиев. «Благодарим Вас за присланные

²⁹⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 618, оп. 15, ед. хр. 135, л. 17.

²⁹⁹ Там же, л. 16.

стихи. Они производят хорошее впечатление, хотя далеко не все переводы на подлинно поэтической высоте,— писала 22 мая этого же года В. Дмитриева, зав. отделом поэзии.— Наш отдел будет предлагать редколлегии три стихотворения, в том числе перевод Н. С. Тихонова...»³⁰⁰

В июне этого же года Кулиев принял участие в смотре лучших художественных коллективов Кабардино-Балкарской АССР, в число которых входила и группа участников смотра литературы и искусства в Москве. В эту группу входили министр культуры КБАССР Б. М. Карданов, поэты Алим Кешоков и Кайсын Кулиев. Их встретили на Курском вокзале композитор В. Мурадели и артист М. Астангов. 20 июня в Колонном зале Дома союзов состоялся торжественный вечер литературы и искусства КБАССР, посвященный 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России. Здесь Кулиев встретился с друзьями-поэтами, композиторами, художниками.

В фойе Колонного зала Дома союзов Кулиев сфотографировался на память с поэтессой С. Капутикян, В. И. Мурадели, А. П. Кешоковым. Они стоят молодые и счастливые, а впереди годы блестящих успехов. На другой день А. Кешоков, К. Кулиев и Б. М. Карданов выступили по московскому телевидению и рассказали жителям столицы о своей республике, своем народе, своих личных творческих планах. В эти дни Кайсын встретился с трудящимися подмосковного города Красногорска. На встрече с писателями из КБАССР присутствовало почти пять тысяч человек. Они слушали выступления Кайсына Кулиева, Алима Кешокова, Адама Шогенцукова, Хачима Теунова и русских поэтов-переводчиков. В заключение состоялся концерт самодеятельного ансамбля песни и пляски горняков Тырныаузского комбината. Вспоминая это время, Башир Махмудович Карданов говорил: «Мы все очень волновались тогда, ведь мы выступали в столице нашей Родины, жители которой привыкли к высокому профессиональному мастерству и в сфере литературы и искусства. Больше всех волновался Кайсын Кулиев. Это был человек необыкновенной энергии и эмоционального накала. Был он и были мы вокруг него, и, пожалуй, этим и объяснялся наш успех: встретили нас москвичи хорошо».

---

³⁰⁰ Кулиев К. Горы. М.: Сов. писатель, 1957. С. 299.

Ровно через год, в июне тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года, Кулиев закончил Высшие литературные курсы. Выпускные экзамены проводились в торжественной обстановке. Ему попался билет, в котором был вопрос о Федерико Гарсиа Лорке, творчество которого Кайсын хорошо знал. Он стал эмоционально рассказывать о большой лирической силе стихов испанского поэта, его богатой образности, гражданственности и драматизме. Подробно остановился Кайсын на сборнике стихов Гарсиа Лорки «Цыганский романсеро» и стихотворении из него «Романс об испанской жандармерии», как одной из вершин революционной поэзии XX века. На экзаменах присутствовал Александр Исбах. Он писал, что экзамен превратился в своеобразную творческую конференцию. «Вдохновенно рассказывал балкарский поэт Кайсын Кулиев о творчестве Федерико Гарсиа Лорки, испанского поэта, сраженного пулей. Кулиев говорил о традициях испанской поэзии, о романсеро Лорке, о его связи с народом, об образности и эмоциональности, об испанской теме в мировой литературе и неумирающей теме светловской «Гренады».

Нет, конечно же, это не был экзамен. Это было вдохновенное слово поэта о поэте, слово, не знающее кордонов и рубежей...»³⁰¹

В этом же году после окончания курсов Кулиев вместе с семьей переехал в Нальчик. В первый же день возвращения Кайсын поехал в Лечинкай (Соколиная скала), чтобы проведать мать и родных. Те два года учебы в Москве для него пролетели незаметно, но для матери они были длинными и горестными: умерла ее младшая сестра Нафисат, а ее, старую, много повидавшую горя, одолевали разные болезни. Обнимая мать, целуя ее руки, Кайсын заметил, как мать постарела, как она изменилась! Нет уж той яркой улыбки, одни грустные думы на ее челе.

Тревога жжет ее наверняка.
 Что ждет она и что на свете ищет?
 Проходит мать, идет издалека
 Через века, поля и пепелища,—

так думал поэт и решил не расставаться больше с матерью. Он просил Узеирхан согласиться жить в городской непри-

³⁰¹ ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 175, л. 5.

вычной для нее квартире, показаться врачам, нянчить и присматривать за внуками (Мака ждала второго ребенка). Но дни ее были сочтены: в 1959 году ее разбил паралич. Ее родная дочь Марзият Шимаховна Узденова (она была замужем за Якубом Маньяевым и жила в поселке Бабу-гент) взяла мать к себе и ухаживала за ней во время болезни. Три мучительных года болела Узеирхан. Переход к совершенной неподвижности привел к разрушению всего ее организма. Марзият день и ночь неотлучно находилась при ней, угадывая только ей понятные слова и жесты матери. До сих пор соседи ставят в пример Марзият своим молодым снохам и дочерям, как нужно ухаживать за старым и немощным человеком, терпеть его необоснованные обиды, быть снисходительными ко всему, что бы ни сделал больной и беспомощный человек. Кайсын приезжал проводить мать через каждые два дня, а в последний год — почти каждый день. Он видел, что мать ухожена, постель и простыни содержатся в чистоте, о ней все заботятся, особенно ласковая внучка Аллочка. За день до смерти она сказала Кайсыну: «Сынок, ты предо мной и людьми свят. Не плач, когда я умру. Благословляю тебя и прощаюсь навсегда. А теперь уходите, я хочу спать». Кайсын наклонился к ней и поцеловал. Нежная тревога светилась в его глазах. Мать чуть наклонила голову. Кайсын вышел в сени и безутешно заплакал...

...мама умерла. И свет, что мне светил,
Перед зарей погас. Конец. Вопрос решился.
И для меня в ту ночь рассвет не наступил,
И я его не ждал: я матери лишился.

.....
Похоронили мать в сентябрьский ясный день.
Он очень ясен был, как радость, как начало.
Белели гребни гор, но мне казалось — гень,
Тень черная, как ночь, на горы набежала.

Перевел Н. Коржавин

Незадолго перед смертью Узеирхан сказала Марзият, чтобы первыми пришли к ней проститься, когда ее не будет, друзья Кайсына — Жанакаит Залиханов и Ханафи Хутуев. «Пусть они и сообщат Кайсыну об этой печальной вести и успокоят его в горе», — просила она Марзият.

Умерла она 4 сентября 1962 года перед рассветом. В последние часы ее страданий и минуты жизни были при

матери поэта Марзият Шимаховна и ее муж Якуб. Умирая, она просила простить ее. Марзият ответила ей, как учит Коран: «Нет греха на тех, которые уверовали и творили благие дела...» Омыли ее тело самые ей близкие люди — Бапинаева Айшат, Жюзюм и ее племянница Жамилят. «Так и случилось в этот день, что первыми пришли проститься с ней Жанакаит и Ханафи,— говорила Марзият.— Они и встретили Кайсына...»

Похоронена мать Кайсына Кулиева Узеирхан Узденова на сельском кладбище в Бабугенте Черекского района. В стихотворении «На смерть матери» Кайсын выразил всю глубину горя, охватившего его, и оценил героическое сподвижничество матерей, без которых «и седовласые мы — дети, нам тяжело без матерей».

Здесь, на земле, что так сурова,
ужель меня ты одного
без своего оставишь слова
и без участия своего?

Перевел Н. Гребнев

Вопросы, следовавшие один за другим, обращенные к доброму сердцу матери, остались без ответа. Они, как печать страданий.

Но всего этого, что произойдет через два-три года, Кайсын не знал. 1958 год был для него радостным годом: он был избран в этом году депутатом Верховного Совета СССР. Его все поздравляли, особенно радовались мать, сестры, племянники, соседи. Одним из первых, кто поздравил Кайсына с таким большим доверием народа, был его неизменный друг и доброжелатель В. Ц. Гоффеншефер из Москвы. Другим человеком был его однополчанин Аршавир Михайлович Дарбни из Еревана. Он писал 2 марта 1958 года: «Кайсын-джан! Долой пространство,— в эти минуты мы рядом, и я обнимаю, целую крепко, как ваши горцы целовали камни и двери своих очагов, когда вернулись домой... Чем объяснить это? Тем, что мы с тобой воевали вместе. Тем, что под крыльями смерти увлекались поэзией и читали однотомник Лермонтова... Кайсын-джан! Ты всегда был поэтом и солдатом своего народа»³⁰². Поздравляли Кайсына очень многие...

Депутатские обязанности занимали много времени. Осо-

³⁰² ЦГА КБАССР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 22, л. 17—20.

бое значение Кулиев как депутат придавал подъему культуры своей нации, материальным вопросам быта. Знание объективного, реального положения дел своих земляков требовало от депутата Кулиева решать вопросы быстро и оперативно. К своим депутатским обязанностям он относился очень серьезно и ответственно, был глубоко убежден в большой значимости этой работы, которая требует настойчивости, немалой энергии, силы воли, физических и интеллектуальных возможностей. «Я считаю счастьем для себя,— сказал он в дни работы сессии Верховного Совета СССР,— что работаю на Советскую Родину с верой во всепобеждающую силу идей партии великого Ленина. Под руководством партии мы построим свое светлое будущее»³⁰³.

Это была несбыточная мечта о светлом будущем не только одного поэта. В иллюзорном мире жили все народы нашей страны с верой «во всепобеждающую силу идей великого Ленина», и прозрение к ним пришло нескоро. Усвоенный людьми некогда примитив «счастливой» и «свободной» жизни, вошедший в их сознание и подсознание, даст свои плоды, плоды позднего разочарования и горького сожаления напрасно потраченных интеллектуальных и физических сил. Только к концу жизни ровесники Кайсына Кулиева осознали, что иллюзии их несбыточны, а вера их была наивной, не мог человек расцвести там, где он изначально был средством эксплуатации и жил в мире активного неведения своей радостной, неосознанной бедности. Поэтому не будем осуждать поэта за его веру и его убеждения. Это была «детская болезнь», которой переболели мы все, поколение, рожденное в первые годы революции.

Итак, в пятидесятые годы Кайсын Кулиев плодотворно трудился на литературном поприще. Он получал много телеграмм и писем от редакций книжных издательств, журналов и газет с просьбой выслать стихи, прибыть на совещание, выступить в периодической печати, вычитать рукопись, дать рецензию, принять участие в Днях советской литературы, в юбилее и т. д. Так, в апреле 1958 года он получил письмо от давнего друга А. Деева. Оно было написано на бланке госиздательства «Художественная литература» и направлено в Союз писателей КБАССР на

---

³⁰³ Литературная Россия. 1977. 7 октября.

имя Кайсына Кулиева. Он писал: «Дорогой Кайсын, как мы и говорили, твоя книга включена в серию «Библиотечка советской поэзии» и необходимо вскоре получить рукопись. Чем скорее она будет у нас, тем больше надежды, что скорее ее можно будет пристроить в типографию... Ты знаешь, что в книгу надо включить 2800—3000 стихотворных строк, дать автобиографию (4—5 страниц), фото. Ты пришлешь нам готовые переводы и подстрочники тех стихотворений, какие надо снова перевести или какие впервые будут переводиться на русский язык. Высылай рукопись или сообщи, когда она будет выслана»³⁰⁴. А 5 сентября этого же года редактор Ермоленко просил прислать предисловие к сборнику «На родной земле» (М.: Детгиз)³⁰⁵. Литсотрудник отдела литератур народов СССР «Литературной газеты» Л. Аннинский предлагал Кайсыну написать рецензию на книгу «Поэзия Чечено-Ингушетии»³⁰⁶. Таких и других просьб поступало к Кайсыну множество, и он со всей добросовестностью старался выполнять порученные ему дела. За один год он написал несколько статей по просьбе различных редакций и издательств. Особенно много сил отдал для написания статьи о Д. Кедрине и очень беспокоился о том, понравится ли она Людмиле Ивановне Кедринной, жене поэта. В письме от 16 октября 1958 года он писал ей: «Статью о Мите я уже послал авиапочтой несколько дней назад. Она давно в издательстве. Как она получилась — не знаю... Я писал ее от всей души, горячо. И мне в данном случае интересно знать, как она получилась. Почитайте ее со Светочкой. Я пробовал писать с тобой вместе, но так у меня не получилось, ибо говорю о Кедрине как поэт о поэте, выражаю свои впечатления о нем... Не суди меня и не обижайся. Когда считаешь статью, ты поймешь все сама»³⁰⁷.

Впереди у Кайсына было будущее, наполненное любимой работой, счастьем творчества, и светлое, радостное настроение не покидало его. Оно ощущалось везде и всеми, ему нравилось все и все приводило его в восхищение. «У нас удивительно солнечная осень,— сообщал он Л. И. Кедринной.— Просто невыразимая красота! Урожай тоже грандиозный. Дел у меня очень много. За последнее

³⁰⁴ ЦГА КБАСР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 15.

³⁰⁵ Там же, ед. хр. 90, л. 1—2.

³⁰⁶ Там же, л. 3.

³⁰⁷ ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 27.

время пришлось, кроме прочего, написать несколько статей. Сейчас выходит двухтомное издание моих стихов. Я занят этим. Потому и не поехал в Москву на киргизскую декаду, хотя сначала согласился и собирался ехать. Очень жаль, но остался здесь — читать листы после верстки. За это время был в Осетии, ездил в горы, был в Дагестане, слушал гул моря на заре... В Москве буду во второй половине ноября, после Баку...»³⁰⁸

Жил Кайсын в это время по тому принципу, о котором говорил Фолкнер, что в жизни писателя бывает такой период, когда он, — как бы это выразиться, — плодоносит, когда он просто созидает... Быстрота и сила таланта — все это находится в союзе, и тогда он... «горит». В поэтической судьбе Кайсына Кулиева именно такой период пришелся на конец пятидесятых годов, хотя и в последующие десятилетия он по-прежнему «горел».

Пятьдесят восьмой год подходил к концу. В декабре этого года проходил Первый Учредительный съезд писателей РСФСР. Со всех концов Российской Федерации поездами и самолетами прибывали делегаты в Москву, в числе которых был и Кайсын Кулиев. Он прибыл в столицу за пять дней до открытия съезда писателей. Поселился в гостинице «Москва». В ней всегда останавливался поэт. Она была любимым местом работы, встреч с друзьями, коротких деловых совещаний. В те дни к нему пришел корреспондент газеты «Московская правда» и попросил рассказать о своих творческих планах. Кайсын охотно отвечал на все вопросы. «С особенно радостным чувством приехал я сейчас в Москву, — закончил он свою небольшую речь. — Верно, по профессии я писатель и участвую как делегат на Первом съезде писателей от Российской Федерации»³⁰⁹. 5 декабря в газете «Советская Россия» появилась групповая фотография делегатов съезда. Среди них были К. Федин (Москва), Л. Соболев (Москва), К. Кулиев и А. Шогенцуков (Кабардино-Балкария), М. Цагараев (Северная Осетия) и др.

На этом съезде Кайсын встретился с поэтами Мустаем Каримом и Расулом Гамзатовым. Разговор их касался многих вопросов, стоящих перед писательской организацией каждой из этих национальных республик в связи с

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Московская правда, 1958. 5 декабря.

претворением задач, поставленных Учредительным съездом. Подлинная идейная дружба этих трех поэтов, несмотря на разницу в возрасте и на разделявшее их расстояние, с каждым годом крепла. «Я не раз бывал в том краю, где на глади голубых озер отражаются высокие голубые небеса, с могучих скал солнечным потоком падают водопады, опасные тропы над пропастью манят человека на снежные вершины,— говорил Мустай Карим после посещения родины Кайсына.— Там добрые обычаи предков незыблемы, как надписи на утесах. Это Кабардино-Балкария, родина Кайсына Кулиева». Слова любви и восхищения сказал Карим о балкарском народе в стихотворении «По горной тропе».

Мой друг, мой брат! Народ твой жив,
Двойное сердце в нем
И сила крыльев, чтоб лететь
Над бездной, под огнем!³¹⁰

Перевела И. Снегова

Тем же чувством проникнуты стихотворения «Мне подарил Чегемский водопад», «Под солнцем высоким».

Чувствовал нерасторжимую связь с Каримом и Кулиев. «Я живу от Урала далеко,— говорил он,— но постоянно слышу голос Мустая Карима, несуетливо и мудро работающего в родном краю — в своей Башкирии. Как был прав впервые сказавший, что для дружбы нет расстояний. Мустай всюду со мной. Он мил мне, как те мальчики, с которыми я в детстве пас овец в горах и ездил на ослике по дрова, и очень дорог как художник». Стихи этих поэтов звучат гимном их нерушимой братской дружбы. «Коль в дорогу дружбы, ведущую народы навстречу друг другу, я сумел вложить несколько камней,— признавался Карим,— то этим бесконечно был бы рад». Мустай Карим хорошо понимает, что сила людей в их единстве и сплоченности. В стихотворении «Мне подарил Чегемский водопад» он говорит об источнике своей духовной силы:

И дружба — как двуглавая гора —
Пусть мне опорой станет,
Тогда ничто с дороги не столкнет,
Не сломит, не состарит!³¹¹

Перевела Е. Николаевская

³¹⁰ Карим М. Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1983 Т. 1. С. 219.

³¹¹ Там же. С. 220.

Эта поэтическая переключка будет несколько позже в их жизни, а тогда, в конце пятьдесят восьмого года, они сфотографировались на память. 4 декабря в «Литературной газете» появилась групповая фотография: Кайсын Кулиев, Мустай Карим и Расул Гамзатов, творческие и общественные связи которых с годами все будут крепнуть и развиваться. Перед этим они совершили экскурсию по литературным местам родной столицы. Вместе с ними были А. С. Пришвин из Хабаровска, С. П. Данилов из Якутии и М. Н. Цагараев из Северной Осетии. Были они тогда молодыми, любознательными, и их все интересовало. Во время экскурсии Кайсын много шутил, смеялся и все порывался читать стихи, которые он якобы сейчас сочинил. «Ты мешаешь экскурсоводу, — успокаивал его Мустай. — В следующий раз мы будем слушать только тебя и смотреть на тебя, а сейчас перед нами наша дорогая столица!»

Сразу после съезда писателей Кулиев выехал на родину, его ждали рукописи, над которыми он много и упорно работал. В них находили выход накопившиеся замыслы поэтических раздумий довоенных, военных и послевоенных лет. Лирические произведения Кулиева заявили о новом прекрасном таланте доселе почти неизвестной миру балкарской литературы. Выход из печати книг в 1957 году, таких, как «Мои соседи», «Горы», «Хлеб и роза», был встречен критикой положительно. Появились первые критические статьи на страницах центральных, местных газет и журналов И. Горбатовского, Л. Щеглова, О. Вороновой, Дм. Бычкова, С. В. Смирнова. Так, в рецензии на книгу стихов «Мои соседи» И. Горбатовский писал: «Хорошие стихи написал поэт — звучные, музыкальные. Читатель с удовлетворением встретит эту книжку стихов Кайсына Кулиева». Отмечая актуальность проблематики, чувство причастности к современности, к социально-нравственным вопросам, которыми жило советское общество, критик отмечал: «...героем его стихов является простой и близкий человек — творец новой жизни, деятельный борец за лучшее будущее. Поэт любит родную природу, Кавказ»³¹².

Многие критики отмечали, что послевоенные произведения поэта не уступали в художественном отношении его лучшим вещам военных лет. В частности, Лев Щеглов в

---

³¹² Горбатовский И. Книжка стихов поэта // Кабардино-Балкарская правда 1957. 7 июня.

статье «Весь я ваш, земляки», опубликованной в газете «Советская Россия», говорил: «Требовательное отношение к себе, тщательная отделка каждой стихотворной строки делают произведения Кулиева звучными и прозрачными, как высокогорный воздух. Когда читаешь эти стихи, невольно попадаешь под неодолимое обаяние поэтического слова. Можно перечислить десятки стихотворений из книги «Мои соседи», в которых золотыми зернами рассыпаются яркие поэтические образы»³¹³.

Пахнула горной свежестью вода
И холодом заоблачных вершин,
И я держу в руках, как глыбу льда,
Чуть запотевший глиняный кувшин.

Перевел Е. Елисеев

Эти строки из стихотворения «Утром» привлекли внимание критика своей поэтичностью и непосредственностью, как что-то характерное для искусства слова Кулиева этой поры.

Читательские письма и опубликованные рецензии доставляли Кулиеву большую радость. Чувство благодарности испытывал тогда поэт к Сергею Смирнову, опубликовавшему в «Литературной газете» (1957, 20 июня) рецензию на сборник стихов «Хлеб и роза». Стихи Кайсына поразили его своей необычностью, глубоким знанием горского быта и человеческой психологии. В статье «Радости трудного пути» С. В. Смирнов отметил, что стихи Кулиева несут веру в силу разума, в значимость человеческих дел, что порой драматическая, а нередко и трагическая нота, звучащая в его поэзии, предстает как закономерное явление сложной жизненной диалектики.

Через год появилась рецензия О. Вороновой на сборник стихов «Горы». Она отмечала большую работу, сделанную поэтом, достоинства многих его произведений, которые делают его своеобразным, неповторимым. «За каждой строкой,— писала она,— мысли и чувства, за каждым стихотворением — живой человек с его мироощущением, характером, темпераментом... Эти стихи заслуживают внимания. Они проникнуты единым поэтическим тоснусом, пронизаны светлым и радостным жизнеутверждением, характерны четкостью мысли и задушевностью ее выражения»³¹⁴.

³¹³ Советская Россия. 1957, 26 июня.

³¹⁴ Кавказская здравница. 1958. 30 июля.

Эти рецензии первых послевоенных сборников были дороги поэту. Он ценил умное и дружеское слово: оно вдохновляло и давало силы, окрыляло и поддерживало. Рецензии он долго хранил в своем личном архиве, а потом сдал в Центральный госархив КБАССР.

50-е годы для Кулиева были восходящим солнцем, а 60-е стали солнцем в зените. За одно десятилетие он выпустит в центральных издательствах страны около 15 поэтических сборников на родном и русском языках, напишет десятки критических статей, литературных эссе, публицистических очерков и заметок, которые составят две большие книги в прозе, написанные им на русском языке. Это были годы, которые благоприятствовали личному счастью, поэтическому творчеству и большой общественной работе. Он был уверен, что осуществит все свои личные и творческие планы. Чувства окончательного успеха не покидали поэта. Он был на пути к высоким вершинам. Михаил Дудин в это время отметит «жизнелюбивый характер поэзии Кайсына», свободу его интонации, выстраданную свободу опыта жизни, закаленную обнаженностью трагедии. «Эрудиция познания жизни — есть сплав глубокого изучения мировой культуры, — писал он, — ее поэзии с тем сугубо личным опытом самого Кайсына, который дает ему возможность видеть явления объемно с разных сторон, рельефно и точно лепить образ... Кайсын умеет в лучших своих стихах соразмерить напряженность мысли — редкая способность, подтверждающая присутствие крупного таланта, умение скорее врожденное, нежели благоприобретенное»³¹⁵.

Несмотря на огромную творческую работу, Кулиев активно занимался общественной деятельностью и как депутат Верховного Совета пятого, девятого и десятого созывов, и как член Союза писательских организаций КБАССР, СССР, различных юбилейных комитетов, республиканского Комитета защиты мира, был секретарем правления Союза писателей РСФСР, постоянно участвовал в региональных и Всесоюзных научных конференциях, Советских конференциях солидарности народов стран Азии и Африки, во Всероссийских дискуссиях по вопросам современной жизни, в литературных вечерах и встречах, Между-

---

³¹⁵ Дудин М. А. На пути к вершинам // Кулиев К. Ш. Избр. произв.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 1. С. 15.

народных форумах и т. д. и т. п. И везде он достойно представлял свою нацию.

Творчество Кулиева 40—50-х годов сыграло большую роль в развитии балкарской поэзии и художественной прозы народов Северного Кавказа. Поэзию Қайсына этих лет можно было с полным правом отнести к наследию русской классической литературы. Она имела особое значение для всей горской поэзии и составляла славу и гордость балкарского народа. Его поэзия — это неожиданно найденный алмаз, который засверкал всеми гранями в короне кавказской литературы первых десятилетий послевоенных лет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	. . . . .	5
Детство и юность	. . . . .	10
Годы учебы в Москве	. . . . .	34
Возвращение в Нальчик	. . . . .	46
Служба в Красной Армии. Война	. . . . .	53
Годы жизни в Киргизии	. . . . .	147
Встреча с родной землей	. . . . .	227

Научно-популярное издание

Эфендиева Тамара Емельяновна
Эфендиев Салих Ибрагимович

КАЙСЫН ШУВАЕВИЧ КУЛИЕВ

Биография поэта

Часть первая

Редактор
С. М. Моттаева

Художник
М. Н. Горлов

Художественный редактор
Ю. М. Алиев

Технический редактор
Л. Д. Жарашуева

Корректор
Е. Е. Терушкина

ЛКБ № 6 от 01.10.96

Сдано в набор 20.03.97. Подписано к печати 02.07.97
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 2. Гарнитура лите-
ратурная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 12,69
Тираж 1000 экз. Заказ № 752

Издательство «Эльбрус»
Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Мининформпечати КБР
Нальчик, пр. Ленина, 33

Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И.

Э Кайсын Шуваевич Кулиев: Биография поэта. Ч. 1
(1917—1958).— Нальчик: Эльбрус, 1997.—248 с.

ISBN 5-7680-1230-3

Авторы двухтомного биографического очерка, посвященного выдающемуся балкарскому поэту, лауреату Ленинской премии и Государственных премий СССР и РСФСР Кайсыну Шуваевичу Кулиеву, профессора Кабардино-Балкарского госуниверситета доктор филологических наук Эфендиева Тамара Емельяновна и доктор философских наук Эфендиев Салих Ибрагимович выпускают свою монографию к 80-летию Кайсына Кулиева.

Первая часть охватывает период с 1917-го по 1958 год, во второй прослеживается жизненный путь поэта с 1959-го до его кончины в 1985 году.

4803100500-044

М125(03)-97 64-97

Редакцией балкарской литературы в этом году подготовлены и выходят в свет следующие издания на балкарском языке:

- Ж. Ж. Залиханов.* «Спутники». Рассказы, повести, роман.
С. И. Макитов. «Избранное». Стихи и поэмы.
А. М. Теппеев. «Избранные произведения».
З. Х. Толгуров. «Рассыпавшийся бисер». Повести.
М. Ю. Кучинаев. «Дети солнца». Роман и повесть.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Ваши отзывы об этой книге просим присылать в редакцию балкарской литературы.

Наш адрес: 360000. КБР, г. Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6, издательство «Эльбрус».